

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2024 Том 24 № 4

В номере: Сохранение идентичности в глобальном мире

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-4

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Научный журнал

Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

К.П. Курьлев,

доктор исторических наук,
профессор, РУДН, г. Москва, РФ
kurylev-kp@rudn.ru

Заместитель главного редактора

О.С. Чикризова,

кандидат исторических наук,
доцент, РУДН, г. Москва, РФ
chikrizova-os@rudn.ru

Ответственный секретарь

М.М. Агазаде,

кандидат исторических наук,
доцент, РУДН, г. Москва, РФ
agazade-mm@rudn.ru

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ:

кандидат исторических наук **М.М. Агазаде**, РУДН, г. Москва, РФ; кандидат исторических наук **М.А. Никулин**, РУДН, г. Москва, РФ

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Ачарья Амитаб, профессор международных отношений, Школа международной службы, Американский университет, г. Вашингтон, США
Беллами Алекс Джэ., директор, Азиатско-Тихоокеанский центр ответственности по защите, профессор по изучению проблем мира и конфликтов, Университет Квинсленда, Австралия; старший советник-нерезидент, Международный институт мира, г. Нью-Йорк, США

Бехера Навиита Чадха, профессор, кафедра политических наук, Университет Дели, г. Нью-Дели, Индия

Бонд Патрик, профессор, Университет Западной Капской провинции, Кейптаун, ЮАР

Воскресенский Алексей Дмитриевич, доктор политических наук, директор, Центр комплексного Китаеведения и региональных проектов, г. Москва, Российская Федерация

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий, кафедра политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Иррера Даниела, доцент, кафедра политических и социальных наук, Университет Катании; генеральный секретарь, Итальянская Ассоциация политических наук, г. Катания, Италия

Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор, Центр исследований международных институтов, РАНХиГС; профессор, департамент мировой экономики, факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ, г. Москва, Российская Федерация

Маркетти Раффаэле, проректор по интернационализации, доцент международных отношений, кафедра политических наук, Университет ЛУИСС Гвидо Карли, г. Рим, Италия

Миттельман Джеймс, профессор, Школа международной службы, Американский университет, г. Вашингтон, США

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель, Центр изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Мотоки Такахаси, профессор, Высшая школа исследований в области международного сотрудничества, Университет Кобе; президент, Японское общество по международному развитию, г. Кобе, Япония

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Саква Ричард, доктор политических наук, профессор, Университет Кента, г. Кентербери, Великобритания

Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор, кафедра востоковедения, МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Тикнер Арлин Б., профессор, факультет политических наук, Университет Росарио, г. Богота, Колумбия

Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор, кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет; представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Цыганков Андрей Павлович, кандидат философских наук, доктор философии, профессор, Государственный университет Сан-Франциско, США

Чугров Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор, кафедра международной журналистики, МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Шабига Андрей Владимирович, доктор философских наук, профессор, кафедра теории и истории международных отношений, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

ISSN 2313-0679 (Online); 2313-0660 (Print)

4 выпуска в год, ежеквартально.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям 5.6.7 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки), 5.2.5 – Мировая экономика (экономические науки), 5.5.4 – Международные отношения (политические науки).

Включен в Scopus, RSCI, Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>), базу данных Erih Plus (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringsskanaler/erihplus/>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, DOAJ, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu и Mendeley.

Языки: русский, английский.

Официальный сайт журнала: <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами Глобального Юга (Азии, Африки, Латинской Америки), а также на международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в частности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «Мир и безопасность», «Международное экономическое сотрудничество», «Двусторонние отношения», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах. Приветствуются также статьи на английском языке и статьи с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений.

Тематический портфель на 2025 г. следующий:

Выпуск	Тема	Срок подачи краткого резюме статьи	Срок подачи полного текста статьи
№ 2 2025	Трудный путь от биполярности к многополярному мироустройству: к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне	До 1 ноября 2024 г.	До 15 января 2025 г.
№ 3 2025	Отмечая 70-летие Бандунгской конференции: эволюция роли стран Азии и Африки в мировой политике	До 1 января 2025 г.	До 15 апреля 2025 г.
№ 4 2025	Гуманитарные аспекты современных международных отношений	До 1 марта 2025 г.	До 15 июня 2025 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Редактор И.Л. Панкратова
Редакторы англоязычных текстов **А.Ю. Борзова, О.С. Чикризова, Л.Н. Замарайкина**
Компьютерная верстка **Н.А. Ясько**

Адрес редакции:

Россия, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Подписано в печать 19.12.2024. Выход в свет 28.12.2024. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 20,00. Тираж 500 экз. Заказ № 1607. Цена свободная
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Россия, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2024

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

2024 VOLUME 24 No. 4

In this issue: **Preserving Identity in a Global World**

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-4

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Founded in 2001

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Professor, Dr. Konstantin P. Kurylev
RUDN University, Moscow, Russia
kurylev-kp@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

PhD Olga S. Chikrizova
RUDN University, Moscow, Russia
chikrizova-os@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Mirmehdi M. Aghazada
RUDN University, Moscow, Russia
agazade-mm@rudn.ru

SCIENTIFIC EDITORS:

PhD in History *Mirmehdi M. Aghazada*, RUDN University, Moscow, Russia; PhD in History *Maxim A. Nikulin*, RUDN University, Moscow, Russia

EDITORIAL BOARD

Alex J. Bellamy, Director, Asia-Pacific Responsibility Center, Professor of Peace and Conflict Studies, University of Queensland, Australia; Senior Non-Resident Advisor, International Peace Institute, New York, USA

Alexei D. Voskressenski, Doctor of Political Sciences, Director, Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Amitav Acharya, Professor of International Relations, School of International Service, American University, Washington, USA

Andrei P. Tsygankov, PhD, Doctor of Philosophy, Professor, University of California San Francisco, San Francisco, USA

Andrei V. Shabaga, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Arlene B. Tickner, Professor, Department of Political Science, University of Rosario, Bogota, Colombia

Daniela Irrera, Associate Professor, Department of Political and Social Sciences, University of Catania, Secretary General of the Italian Association of Political Sciences, Catania, Italy

Dmitry V. Mosyakov, Doctor of Historical Sciences, Head, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

James H. Mittelman, Professor, School of International Service, American University, Washington, USA

Marina A. Sapronova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Marina V. Larionova, Doctor of Political Sciences, Director, Centre for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor, Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics, the HSE, Moscow, Russian Federation

Navnita Chadha Behera, Professor, Department of Political Sciences, University of Delhi, New Delhi, India

Patrick Bond, Professor, University of the Western Cape, Cape Town, South African Republic

Raffaella Marchetti, Deputy Rector for Internationalization, Assistant Professor of International Relations, Department of Political Sciences, LUISS Guido Carli, Rome, Italy

Richard Sakwa, Doctor of Political Sciences, Professor, University of Kent, Canterbury, Great Britain

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, Head, Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Sergey V. Chugrov, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Journalism, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Takahashi Motoki, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Kobe, Japan

Victor L. Jeifets, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, Representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

Vladimir Ya. Portyakov, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by RUDN University, Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0679 (Online); 2313-0660 (Print)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed in Scopus, RSCI, Ulrich's Periodicals Directory (<http://www.ulrichsweb.com>), Erih Plus database (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringsskanaler/erihplus/>).

Accessible at Russian Index of Science Citation, DOAJ, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu, and Mendeley.

Aims and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), which holds a top position in terms of student's body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa, and Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow elaborating a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "Peace and Security", "International Economic Cooperation", "Bilateral Relations", and "International Academic Cooperation". The journal welcomes the publication of reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Scientific Schools".

Upcoming issues of the Vestnik RUDN. International Relations for 2025 will deal with the following issues:

Issue	Thematic dossier	Deadline for the abstracts	Deadline for the full texts
No. 2 2025	The Difficult Path from Bipolarity to a Multipolar World Order: To the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War	By November 1, 2024	By January 15, 2025
No. 3 2025	Celebrating the 70th Anniversary of the Bandung Conference: The Evolving Role of Asian and African Countries in World Politics	By January 1, 2025	By April 15, 2025
No. 4 2025	Humanitarian Aspects of Modern International Relations	By March 1, 2025	By June 15, 2025

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Journal and on the rules of submitting manuscripts, visit <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Editor I.L. Pankratova

English text editors *A.Yu. Borzova, O.S. Chikrizova L.N. Zamaraykina*
Computer design *N.A. Yasko*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia
Ph. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Сохранение идентичности в глобальном мире

- Волхонский М.А., Ярлыкапов А.А.** Историческая политика Казахстана на пространстве южного пограничья России: идентичность, дискурс и коммеморация на примере Астраханской области 497
- Мачитидзе Г.Г.** Специфика афганской идентичности в условиях глобализации 508
- Агазаде М.М.** Азербайджанский фактор в столкновении иранского и турецкого «полумесяцев»: «геополитическое новолуние» на Южном Кавказе 520
- Ивкина Н.В.** Проблема формирования внешнеполитической идентичности ГДР в контексте инициатив в Африке в 1960–1980-е гг. 534
- Саймонс Г., Гласер (Кукарцева) М.А.** Политика балансирования Новой Зеландии между Китаем и США в Индо-Тихоокеанском регионе: нарративы ежегодных отчетов Министерства иностранных дел 545

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

- Мазаник С.В., Романова Т.А.** Геополитика коннективности: ЕС в Центральной Азии 563
- Вихрова О.Ю., Горлова Я.С.** Внешнеполитический имидж Евразийского экономического союза в СМИ Великобритании 576
- Эстевес А.Л.** Латиноамериканская дезинтеграция при Жаире Болсонару во время мандата канцлера Бразилии Эрнесто Араужу в 2019–2021 гг. 588

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

- Бокерия С.А., Махана М., Киамба А.** Стратегии миротворчества и роль Руанды в конфликте в Демократической Республике Конго 606
- Захаров И.А., Агафшин М.М., Горохов С.А.** Миграционный кризис в Западной Африке: ограничения и перспективы политического регулирования 616

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Робинсон У.И.** Эпохальный кризис мирового капитализма 628

МЕЖДУНАРОДНОЕ АКАДЕМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

- Курылев К.П., Черешнева Л.А., Старикова М.Н., Белоусова Л.А.** Российско-индийское научно-техническое сотрудничество в первом десятилетии XXI в. 643

РЕЦЕНЗИИ

- Смолик Н.Г.** Рецензия на книгу: Межевич Н.М., Шимов В.В. Беларусь: трансформация и модернизация. Итоги постсоветского развития. Москва: Институт Европы РАН, 2024. 124 с. 655
- Богомолов И.К.** Рецензия на книгу: Beyond the Great War: Making Peace in a Disordered World / ed. by N. Ingram, C. Bouchard. Toronto: University of Toronto Press, 2022. 239 p. 659

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER: Preserving Identity in a Global World

- Volkhonskiy M.A., Yarlykapov A.A.** Historical Policy of Kazakhstan in the Space of Russia's Southern Border: Identity, Discourse, Commemoration Using the Example of the Astrakhan Region 497
- Machitidze G.G.** The Specificity of Afghan Identity in the Context of Globalization 508
- Aghazada M.M.** The Azerbaijani Factor in the Clash of the Iranian and Turkish 'Crescents': A 'Geopolitical New Moon' in the South Caucasus 520
- Ivkina N.V.** The Problem of the GDR's Foreign Policy Identity in the Context of Initiatives in Africa in the 1960s — 1980s 534
- Simons G., Glaser (Kukartseva) M.A.** New Zealand's Foreign Policy Balancing of China and the United States in the Indo-Pacific Region: Narratives from the Ministry of Foreign Affairs Annual Reports 545

INTEGRATION PROCESSES

- Mazanik S.V., Romanova T.A.** Geopolitics of Connectivity: The EU in Central Asia 563
- Vikhrova O.Yu., Gorlova I.S.** Foreign Policy Image of the Eurasian Economic Union in the Mass Media of the United Kingdom 576
- Esteves A.L.** Latin American Disintegration under Jair Bolsonaro During Brazilian Chancellor Ernesto Araujo's Mandate, 2019–2021 588

INTERNATIONAL SECURITY

- Bokeriya S.A., Mahapa M., Kiamba A.** Peacekeeping Strategies and the Role of Rwanda in the Conflict in the Democratic Republic of the Congo 606
- Zakharov I.A., Agafoshin M.M., Gorokhov S.A.** Migration Crisis in West Africa: Limits and Prospects of Political Regulation 616

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

- Robinson W.I.** The Epochal Crisis of Global Capitalism 628

INTERNATIONAL ACADEMIC COOPERATION

- Kurylev K.P., Chereshneva L.A., Starikova M.N., Belousova L.A.** The Russian-Indian Scientific and Technological Cooperation in the First Decade of the 21st Century 643

BOOK REVIEWS

- Smolik N.G.** Book review: Mezhevich, N.M., & Shimov, V.V. (2024). Belarus: Transformation and Modernization. Post-Soviet Development Results. Moscow: Institut Evropy RAN publ., 124 p. (In Russian) 655
- Bogomolov I.K.** Book review: Ingram, N., & Bouchard, C. (Eds.). (2022). Beyond the Great War: Making Peace in a Disordered World. Toronto: University of Toronto Press, 239 p. 659

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Сохранение идентичности в глобальном мире

THEMATIC DOSSIER: Preserving Identity in a Global World

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-4-497-507

EDN: LSRACH

Научная статья / Research article

Историческая политика Казахстана на пространстве южного пограничья России: идентичность, дискурс и коммеморация на примере Астраханской области

М.А. Волхонский , А.А. Ярлыкапов

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

 itbal@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования особенностей реализации казахской исторической политики в пространстве российского пограничья. Методологию исследования составляют концепты символической памяти и «ландшафта памяти» пограничья. В 1991–2020 гг. власти Казахстана проводили в Астраханской области активную историческую политику, что выразилось в ряде коммеморативных акций, имевших общественный резонанс. Анализ эволюции казахского исторического дискурса в 1990–2020-е гг. позволил раскрыть многоплановое символическое содержание исторической политики властей Казахстана, спроецированной на российскую территорию. Ключевой акцией такой политики стало возведение в 2011 г. мавзолея Букей-хана в селе Малый Арал в Астраханской области. В ходе исследования было выявлено несколько символических целей акции: увековечивание памяти о Букей-хане как одном из ключевых героев казахского пантеона исторических личностей; скрытое символическое маркирование той части российской территории, где в XIX в. существовало Букеевское ханство, как казахской территории; символическое подтверждение правомерности передачи Казахской ССР в 1920-е гг. части земель, входивших в состав Букеевского ханства; укрепление казахской идентичности у казахов, граждан России, проживающих в Астраханской области; символическое переформатирование сакрального пространства ногайцев-карагашей, сформировавшегося вокруг могилы святого Сеид-Бабы, в казахское историко-политическое мемориальное пространство. «Казахизация» этого сакрального комплекса стала частью исторической политики, проводимой властями Казахстана в отношении российских ногайцев. История и культура ногайцев интересна казахстанским властям в контексте борьбы за золотоордынское наследие. Выявлено, что символическое «присвоение» ногайского историко-культурного наследия позволило бы закрыть хронологическую, пространственную и культурную брешь в историко-идеологическом конструкте «происхождения» Казахского ханства от Золотой Орды, поскольку именно Ногайская Орда являлась единственным прямым наследником Золотой Орды. Ногайцы также оставили после себя богатое литературное наследие в виде эпических сказаний, которые позднее получили широкое распространение среди казахов. С целью символического «присвоения»

© Волхонский М.А., Ярлыкапов А.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

ногайского наследия был создан миф о существовании в казахской истории особого периода, когда в Золотой Орде якобы существовала «ногайлинская» (от слова «ногайлы» — ногайский) этническая общность, которая позже распалась на ногайцев, казахов и каракалпаков. Доказано, что в настоящее время этот миф активно тиражируется в рамках проводимой казахстанскими властями исторической политики.

Ключевые слова: символическая политика, история, Букей-хан, Золотая Орда, Ногайская Орда

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке МГИМО МИД России в рамках проекта № 1921-01-01 «Социокультурный феномен пограничья на постсоветском пространстве: массовое сознание, этнокультурные и конфессиональные идентичности, социальные практики».

Для цитирования: Волхонский М. А., Ярлыкапов А. А. Историческая политика Казахстана на пространстве южного пограничья России: идентичность, дискурс и коммеморация на примере Астраханской области // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 4. С. 497–507. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-497-507>

Historical Policy of Kazakhstan in the Space of Russia's Southern Border: Identity, Discourse, Commemoration Using the Example of the Astrakhan Region

Mikhail A. Volkhonskiy , Akhmet A. Yarlykapov

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

itbal@mail.ru

Abstract. The article presents the findings of a study examining the implementation of the Kazakh historical policy in the socio-cultural space of the southern Russian borderland. Methodology of the study is based on concepts of the symbolic politics and the commemorative landscape of the borderlands. In the period from 1991 to 2020, the Kazakh authorities conducted an active historical policy in the Astrakhan region, which was reflected in several commemorative actions that received a loud public response. The analysis of the evolution of the Kazakh historical discourse in the period from the 1990s to the 2020s made it possible to reveal the multifaceted symbolic content of the historical policy of the Kazakh authorities projected on the Russian territory. The most significant action undertaken as part of this policy was the construction of the Bukey Khan mausoleum in Maly Aral, Astrakhan region, in 2011. The study revealed a number of symbolic objectives associated with this action: perpetuating the memory of Bukey Khan as one of the key heroes of the Kazakh pantheon of historical figures; hidden symbolic marking of that part of the Russian territory where the Bukey Khanate existed in the 19th century as Kazakh territory; symbolic confirmation of the legitimacy of the transfer to the Kazakh Soviet Socialist Republic (SSR) in the 1920s of part of the lands that were part of the Bukey Khanate; strengthening of the Kazakh identity among Kazakhs, Russian citizens living in the Astrakhan region; symbolic reformatting of the sacred space of the Karagash-Nogai people, formed around the grave of Saint Seid Baba, into the Kazakh historical and political memorial space. The ‘Kazakhization’ of this sacral complex became part of the historical policy pursued by the Kazakh authorities, which targeted the Russian Nogais. The history and culture of the Nogai people were of interest to the Kazakh authorities in the context of the struggle for the Golden Horde heritage. The symbolic “appropriation” of the Nogai historical and cultural heritage would allow closing the chronological, spatial and cultural gap in the historical and ideological construct of the “origin” of the Kazakh Khanate from the Golden Horde, since it was the Nogai Horde that was the only direct heir of the Golden Horde. Nogais also left behind a rich literary heritage in the form of epic tales, which later became widespread among Kazakhs. For symbolic “appropriation” of the Nogai heritage, a myth was created about the existence of a special period in Kazakh history, when in the Golden Horde there was allegedly a “Nogailin” (from the word “Nogaily” — Nogaian) ethnic community, which later disintegrated into the Nogai, Kazakhs and Karakalpaks. Currently, this myth is being actively replicated within the framework of the historical policy pursued by the Kazakh authorities.

Key words: symbolic politics, history, Bukey Khan, Golden Horde, Nogai Horde

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the MGIMO University within the framework of project No. 1921-01-01 "The socio-cultural phenomenon of the borderland in the post-Soviet space: Mass consciousness, ethno-cultural and confessional identities, social practices."

For citation: Volkhonskiy, M. A., & Yarlykapov, A. A. (2024). Historical policy of Kazakhstan in the space of Russia's southern border: Identity, discourse, commemoration using the example of the Astrakhan region. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(4), 497–507. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-497-507>

Введение: концептуальные рамки исследования

Статья посвящена исследованию особенностей реализации властями Казахстана исторической политики на территории Астраханской области. Ключевыми в плане методологии для данного исследования являются такие концепты, как символическая политика (политика памяти и историческая политика) и «ландшафт памяти» пограничья. В отечественной науке стало общепринятым предложенное О.Ю. Малиновой определение символической политики как «публичной деятельности, связанной с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование» (Малинова, 2018, с. 30–31). Символическая политика, направленная в прошлое, определяется как «политика памяти», объектом воздействия которой является культурная память общества, представляющая собой подобранный по особой логике набор исторических событий, фигур и символов (Ассман, 2014, с. 20–21, 30–34). Историческая политика, по определению А.И. Миллера, предполагает «использование государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей элиты» (Миллер, 2012, с. 19).

Характер исторической политики во многом зависит от того, в границах какого пространства она реализуется. В собственном государстве власти стремятся унифицировать в сознании населения культурную память о прошлом, создавая прочную основу для общей идентичности. Историческая политика, проецируемая на территорию другого государства, преследует прямо противоположные цели. Особый случай демонстрирует

историческая политика, реализуемая в пространстве пограничья, ключевым признаком которого является специфичный ландшафт памяти, представляющий собой комплекс историко-культурных артефактов, созданных представителями разных этносов, конфессий и культур, составляющих материальную основу исторических воспоминаний местного населения (Российское пограничье..., 2018, с. 27–28).

Артефакты, создающие ландшафт памяти пограничья, могут вызывать у разных групп местного населения как позитивную, так и негативную эмоциональную реакцию. Это вызывает у них стремление сделать ландшафт памяти более комфортным для себя, с одной стороны, путем удаления негативно оцениваемых артефактов, а с другой — увеличения количества положительно воспринимаемых артефактов (изменение топонимики, уничтожение старых и создание новых мемориалов, памятников, знаков и т. д.). Такие символические акции могут вызывать социальные конфликты между разными слоями местного населения пограничья.

Для пограничья характерна ситуация «наступления памятников на границы», то есть проецирования исторической политики государства на пограничную территорию государства-соседа (Российское пограничье..., 2018, с. 100–101). Целью является либо символическое маркирование территории соседнего государства как своей, либо воздействие на сознание определенных групп населения, граждан соседнего государства, которые рассматриваются как «свои». При этом в качестве ресурса используются историко-культурные артефакты ландшафта памяти пограничья.

Астраханская область является ярким примером подобного пограничья, на протяжении которого начиная с 1990-х гг. проецировались исторические политики южных соседей России: Азербайджана, Грузии, Армении и Казахстана.

Исследование исторической политики властей Казахстана выстраивалось авторами статьи как поиск ответов на следующие вопросы:

— Какая акция является ключевой при реализации данной политики?

— Кто выступал в роли главного игрока?

— Какие аспекты прошлого и каким образом реконструируются?

— Какова мотивация и какие цели следует игрок?

— Как реагируют на акцию общество и другие игроки?

Источниками для данного исследования послужили научные монографии, статьи и публицистика авторов из Казахстана, позволяющие проанализировать казахский исторический дискурс, материалы СМИ, а также материалы полевых исследований (глубинные интервью).

Возведение мавзолея Букей-хана как акция казахстанской исторической политики

Начиная с 1992 г. власти Казахстана провели в Астраханской области несколько акций исторической политики, возведя несколько мемориальных объектов, связанных с именем талантливого казахского народного музыканта и композитора Курмангазы Сагырбаева. Эти акции не вызвали каких-либо конфликтов, поскольку его фигура положительно воспринималась как в Казахстане, так и в России (Астраханские казахи..., 2011, с. 206–229). Однако открытие 12 октября 2011 г. в селе Малый Арал Красноярского района Астраханской области мемориального комплекса — мавзолея Букей-хана — создало ситуацию символического конфликта.

Выбор властями Казахстана Букей-хана в качестве символической фигуры для проведения исторической политики на российской

территории являлся закономерным. По заявлению пресс-службы администрации Астраханской области, мавзолеем был возведен «по поручению президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева, считавшего Букей-хана выдающейся личностью»¹. Один из младших сыновей Нуралы-хана, Букей (Бокей), в 1798–1805 гг. возглавлял Ханский совет Младшего жуза. В феврале 1801 г. он обратился через командующего Кавказской линией генерал-лейтенанта К.Ф. Кнорринга к императору Павлу I с просьбой разрешить ему перекочевать с частью казахов Младшего жуза на свободные земли между р. Волга и р. Урал (Яик), занятые до 1771 г. заволжскими калмыками. Получив разрешение, в конце декабря 1801 г. Букей вместе с братом Шигаем и подвластными им семьями казахов (183 кибитки) переселился на новые земли. Вскоре за ним последовало еще около 5 тыс. кибиток казахов².

По мнению большинства российских историков, Букеевское ханство (Внутренняя Орда) никогда не было независимым государственным образованием. Нельзя рассматривать его и как продолжение Младшего жуза. Пользуясь в течение четырех десятилетий широкой внутренней автономией, оно всегда находилось в прямом административно-политическом подчинении российским властям. Территория, на которой образовалось ханство, являлась территорией Российской империи, а хан состоял на службе у императора. Историческая роль ханства заключалась в укреплении казахско-русских культурных и социально-экономических связей (Быков, 2002; Почекаев, 2011; Васильев, 2015; Семёнова, 2018; Сызранов, 2021).

Совершенно по-другому оценивается Букеевское ханство в современном казахском историческом дискурсе, где прежде всего

¹ В Астраханской области открыт мавзолеем казахского хана // Информационное агентство «Высота 102». 14.10.2011. URL: <https://v102.ru/news/29724.html?ysclid=la0tw0051t125814339> (дата обращения: 16.08.2023).

² История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.: сборник документов и материалов / сост. Б. Т. Жанаев, В. А. Иночкин, С. Х. Сагнаева. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. С. 28–31.

обращается внимание на роль Букей-хана в «сохранении казахской государственности». Так, А.Т. Абдулина пишет: «Таким образом, Бокей хан, получивший от Российской империи разрешение на ханство, способствовал более длительному сохранению института ханской власти на территории империи, нежели на территории подвластных казахских жузов, где ханская власть была упразднена к концу первой четверти XIX в. ... Благодаря образованию Внутренней Орды в советский период большая часть ее территории была включена в 1920 г. в состав Казахской ССР» (Абдулина, 2019, с. 504–505). В казахстанском школьном учебнике для восьмого класса читаем: «Создание Внутренней Орды, или Бокеевского ханства, сыграло огромную роль в истории казахского народа. Усилиями части казахов Младшего жуза удалось переселиться, закрепиться и позднее отстоять часть традиционных земель на правобережье Урала»³. Неудивительно, что на открытии мавзолея Букей-хана 12 октября 2011 г. посол Казахстана заявил: «Хан Бокей — основатель нового государственного образования, которое затем стало частью единого казахского государства. Образовав Бокеевскую Орду в междуречье Урала и Волги, он расширил границы государственных образований казахов. Этот мемориальный комплекс нужен не только нам, но и будущим поколениям, чтобы они знали свою историю»⁴.

Как создать казахстанскую нацию? Между концепцией гражданской нации и националистическим дискурсом

В акции казахстанских властей по строительству мавзолея Букей-хана поражает размер затраченных на него средств (около 17 млн руб.). Возведенный за один год 19-метровый мавзолей получил богатую

³ Кабульдинов З. Е., Кайыпбаева А. Т. История Казахстана (XVIII в. — 1914 г.): учебник для 8 класса общеобразовательной школы. Алматы: Атамұра, 2012. С. 87.

⁴ Сулейменова Л. Воздвигнут мавзолей над могилой Бокей-хана // Ежедневная газета «Ак Жайык». 14.10.2011. URL: <https://azh.kz/ru/news/view/7556> (дата обращения: 16.08.2023).

отделку из дорогих стройматериалов⁵. Такие затраты должны были иметь глубокую мотивацию, истоки которой следует искать в особенностях современного казахского исторического дискурса.

После распада СССР перед властями независимого Казахстана возникла проблема создания новой версии истории страны, отличной от той, которая существовала в советский период. Ключевыми направлениями исторических исследований стали этногенез казахов и создание казахской государственности, в которых сразу обозначились следующие характерные черты: во-первых, продление истории казахов вглубь веков («казахизация» древних этносов и государств Центральной Азии); во-вторых, абсолютизация роли «внешних угроз» (например, джунгарской или российской), которые якобы являлись главным препятствием на пути развития казахского этноса и казахской государственности; в-третьих, крайне отрицательное отношение к периоду пребывания казахов в составе сначала Российской империи, а затем СССР (Сембинов, 2003, с. 188; Масанов, Абылхожин, Ерофеева, 2007, с. 154–156, 182–183, 198–200; Кундакбаева, 2009, с. 265).

Парадоксально, но в первые два десятилетия существования независимого Казахстана этот исторический дискурс явно входил в противоречие с официальной национальной политикой, проводившейся властями. В вышедшей в 1998 г. программной статье Н.А. Назарбаева «Хранить память, крепить согласие» было ясно выражено отношение властей к истории как инструменту, который призван помочь сохранить прежде всего единство народов, населяющих Казахстан (Сембинов, 2003, с. 182–183). Такая политика была обусловлена сложной этнодемографической ситуацией в Казахстане на момент распада СССР, где двумя основными этносами были казахи (6,5 млн человек) и русские (6,2 млн человек) (Смирнова, 2019, с. 210). Власти официально отказались от использования таких понятий, как «титulary нация» или «национальное меньшинство», делая

⁵ Там же.

акцент не на принципе этничности, а на принципе гражданственности (Кундакбаева, 2009, с. 267).

Однако политика властей Казахстана по формированию единой гражданской казахстанской нации ограничилась только употреблением в официальных речах соответствующей риторики, которая по-прежнему противоречила параллельно создававшемуся националистическому по содержанию казахскому историческому дискурсу. Об имитации процесса создания в Казахстане гражданской нации свидетельствовали многочисленные школьные и вузовские учебники, вышедшие в 2000-х гг.⁶, где прочно закрепились казахоцентричные мифы о глубочайшей древности казахского этноса, о «пятитысячелетней временной протяженности Казахского государства», об отрицательной роли как Российской империи, так и СССР в истории казахского народа и др. (Кундакбаева, 2009, с. 274, 277–278). Отметим, что при господстве подобного дискурса на страницах школьных и вузовских учебников невозможно было приступить к созданию единой гражданской нации. Достаточно указать на то, что русское население современного Казахстана, согласно этому дискурсу, получало неформальный статус потомков якобы «колонизаторов» и «угнетателей» казахского народа.

Тем не менее казахстанские власти не спешили отказаться от проекта строительства гражданской нации. В 2000-х гг. была предпринята попытка соединить идею гражданской нации с уже сформированным казахским историческим дискурсом. В апреле 2003 г. в Послании народу Казахстана президент Н.А. Назарбаев предложил реализовать среднесрочную программу «Культурное наследие» (Шелегина, Жетпысбаев, 2020, с. 283). Главной целью разработанной и утвержденной в 2004 г. программы объявлялось системное изучение культурного наследия народа Казахстана, а также воссоздание всех

значительных историко-культурных и архитектурных памятников, имеющих особое значение для национальной истории⁷. Заимствованная из работ известного французского историка Пьера Нора концепция культурно-исторического наследия, ключевым понятием которой являлось «место памяти» (Нора, 1999), должна была помочь создать прочное материальное основание для формирования казахстанской гражданской национальной идентичности. С 2004 по 2013 г. в рамках программы было проведено более 40 археологических и 26 научно-прикладных исследований, а также осуществлены реставрационные работы на 73 археологических и архитектурных памятниках⁸.

Однако в процессе реализации программы цель формирования единой гражданской казахстанской нации оказалась оттеснена на второй план задачей углубления исторических корней казахского этноса. В программе не проводилось четкого различия находящихся на территории Казахстана памятников всемирного наследия и памятников этнической истории казахов. В июне 2008 г. президент Н.А. Назарбаев заявил, что именно Казахстан является «колыбелью Великой степной цивилизации», что в рамках программы должны быть отреставрированы «золотые сокровища» государственности Казахстана — «Иссыкские курганы, Берель, Туркестан и Отрар, Улытау и Сарайчик», которые должны стать национальными символами⁹. Из выступления следовало, что

⁷ Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана. Апрель 2003 г. // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-a-nazarbaeva-narodu-kazakhstan-a-aprel-2003-g_1342416495 (дата обращения: 16.08.2023).

⁸ Караманова М. С. Государственная программа «Культурное наследие» Казахстана: этапы ее реализации и значение // Qazaqstan tarihy. 01.10.2013. URL: <https://e-history.kz/ru/first-president/show/12378> (дата обращения: 16.08.2023).

⁹ Программа «Культурное наследие». Н. Назарбаев поставил задачу ускорить сбор исторических данных о древних казахах // ЦентрАзия. 14.06.2008. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1213427220&ysclid=ljy2jkyg1p384215801> (дата обращения: 16.08.2023).

⁶ Волкова Т. П. Как учат толерантности казахстанские учебники // Россия и соотечественники (Russkie.org). 11.01.2008. URL: <https://russkie.org/articles/kak-uchat-tolerantnosti-kazahskie-uchebniki-istorii/?ysclid=ljwrzq2lt6335350890> (дата обращения: 16.08.2023).

главной целью программы являлось маркирование в качестве исключительно «казахского наследия» той части всемирного наследия, которая включает в себя артефакты культур древних и средневековых кочевников Евразии, или артефактов древней и средневековой городской цивилизации Центральной Азии.

Другой задачей программы являлось восстановление наследия, связанного непосредственно с историей Казахского ханства. В июне 2008 г. президент Н.А. Назарбаев заявил: «В советскую эпоху власть, старавшаяся вытравить память об исторических корнях казахского народа, уничтожила мавзолеи и захоронения ханов Есима, Тауке, Жангира, батыров Богенбая, Жанибека, Жаугаша и Койгелды, бия Казыбека. Наша священная обязанность — восстановить и отреставрировать эти захоронения»¹⁰. Очевидно, что дорогостоящее строительство в 2010–2011 гг. мавзолея Букей-хана являлось логичным продолжением реализации программы «Культурное наследие» по созданию пантеона казахских исторических героев.

В 2018 г. вышла новая программная статья президента Н.А. Назарбаева «Семь граней Великой степи», которая придала казахскому националистическому историческому дискурсу официальный характер¹¹. Во вводной части статьи была одобрена формула националистической примордиалистской телеологии, согласно которой, во-первых, казахи объявлялись существовавшими всегда, с незапамятных времен (в виде саков, гуннов, кипчаков и т. д.); во-вторых, «закономерным итогом» и «главной целью» всех исторических процессов, протекавших на территории современного Казахстана с незапамятных времен, объявлялось создание Казахстана (все

древние и средневековые кочевые государства таким образом выстраивались в прямую генеалогическую линию, которая «объективно» вела к современной казахской государственности); в-третьих, все культурные и технологические достижения этносов и государств, когда-либо существовавших на территории современного Казахстана, объявлялись достижениями казахов.

Однако реальная история не укладывается в прямолинейные идеологические схемы. Сразу возникают разного рода коллизии, когда, например, часть населения государства не вписывается в реконструируемую картину происхождения этноса/нации/государства или современные государственные границы не совпадают с границами древних государств-предшественников, либо за пределами современного государства оказываются значительные группы этнически родственного населения. Именно такие коллизии провоцируют власти государств, взявших на вооружение националистический дискурс, не только на активизацию исторической политики внутри собственного государства, но также на ее проецирование на территории соседних государств.

Тем не менее казахстанские власти по-прежнему пытались соединить концепцию гражданской нации с казахским уже официальным националистическим историческим дискурсом. Несмотря на значительный отток русского населения, Казахстан все еще оставался полиэтничным государственным образованием. В интервью 2019 г. казахстанский политолог Тимур Козырев так обрисовал ситуацию: «Несмотря на все достигнутые Казахстаном впечатляющие успехи, у нас по сей день остается актуальным различие между понятием „казахское“ и „казахстанское“. И на этом различии порой спекулируют нехорошие люди. В аспекте исторического сознания оно проявляется в том, что реально как „общая история для всех казахстанцев“ по сей день воспринимается только советский период. Однако мы уже давно не советские люди, и этого явно недостаточно. Казахское ханство — да, все признают и уважают, но...

¹⁰ Программа «Культурное наследие». Н. Назарбаев поставил задачу ускорить сбор исторических данных о древних казахах // ЦентрАзия. 14.06.2008. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1213427220&ysclid=ly2jkyg1p384215801> (дата обращения: 16.08.2023).

¹¹ Назарбаев Н. А. Семь граней Великой степи // Казахстанская правда. 21.11.2018. URL: <http://elibrary.kstu.kz/fulltext/temat/Sem%60%20graney%20Velikoy%20stepi.pdf> (дата обращения: 16.08.2023).

эта тема интересна главным образом этническим казахам»¹².

В итоге в качестве «истока» казахстанской государственности и нации власти в 2019 г. выбрали период существования государства Золотая Орда, поскольку якобы именно «золотоордынское наследие» является объединяющим началом для всех народов Казахстана, как тюркских, так и славянских¹³. При этом в данной схеме наблюдалась масса противоречий. Вызывало сомнение утверждение о близости золотоордынского наследия русскому населению. Кроме того, ни границы Казахского ханства, ни границы современного Казахстана не включали в себя территорию исторического ядра Золотой Орды. Кроме того, между периодами их существования наблюдался хронологический разрыв.

Символические цели строительства мавзолея Букей-хана

Возвращаясь к анализу причин возведения мавзолея Букей-хана, отметим, что в контексте описанного формирования казахского исторического дискурса в данной акции просматривается несколько символических целей. В первую очередь, возведение мавзолея объективировало, материально закрепляло казахскую концепцию истории Букеевского ханства, в которой утверждается, что оно являлось частью «единого казахского государства». Мемориал фактически отрицает российскую, исторически более адекватную оценку ханства (Внутренней Орды) как уникального административно-политического и социально-культурного проекта российской государственности, целью которого являлось создание оптимальных условий для мирного, плодотворного проживания казахов на территории Астраханской губернии бок о бок с русскими, ногайцами и другими народами.

¹² Золотая Орда — золотая колыбель: истоки казахской государственности и современность // МИА «Казинформ». 04.09.2019. URL: https://www.inform.kz/ru/zolotaya-orda-zolotaya-kolybel-istoki-kazahskoy-gosudartvennosti-i-sovremennost_a3562397 (дата обращения: 16.08.2023).

¹³ Там же.

Мемориал также должен был не только подтвердить историческую правомерность передачи в 1920 г. в состав Казахской ССР части территории бывшего Букеевского ханства, но также сделать символическую заявку на право обладать оставшейся в составе России частью его территории. В конце 2010-х гг. особое значение стало придаваться тому факту, что Букеевское ханство было создано в XIX в. там, где когда-то располагался центр Золотой Орды. Таким образом, возведение мавзолея являлось символическим маркированием части российской территории как казахской.

Акция также преследовала цель воздействовать на идентичность казахов — граждан России, проживающих на территории Астраханской области. В данном случае речь не шла об обычной для любого государства политике покровительства диаспорам соотечественников, проживающих на территории другого государства. Еще в конце XIX в. известный исследователь А.Н. Харузин отмечал существенные культурные, бытовые и ментальные отличия казахов Букеевской орды от их родственников, продолжавших кочевать за р. Урал (Харузин, 1889, с. 20). Можно утверждать, что казахи Астраханской области, потомки «букеевских казахов», являются не частью казахской диаспоры, а особой этнической группой. Поэтому вполне понятны усилия властей Казахстана, направленные, по сути, на ослабление у данной группы российской и усиление в противовес ей казахской идентичности.

Возведение мавзолея Букей-хана имело еще одного символического адресата — ногайцев Астраханской области. До возведения мавзолея в 2011 г. еще с первой половины XIX в. около села Малый Арал уже существовало мемориальное и сакральное пространство, центром и доминантой которого являлась могила мусульманского святого Сеид-Бабы (Саид бин Кулвай Саид Гали, ок. 1741–1812 гг.), известного своей ученостью и способностью исцелять людей от болезней. Сеид-Баба происходил из астраханского села Хожетаевка, где проживали ногайцы-карагаши. После распада Золотой Орды земли между Уралом и Волгой принадлежали

Ногайской Орде, а с 1630-х гг. и до 1771 г. — Калмыцкому ханству. Ногайцы-карагаши, продолжавшие проживать на этих землях в течение всего этого периода, приняли активное участие в устройстве Букеевского ханства. Среди приближенных к Букей-хану ногайцев был и Сеид-Баба, которого хан очень ценил за образованность (Сеид-Баба именовался *муришдом* (суфийским наставником)) и искусство лекаря. Поэтому хан завещал похоронить себя не рядом с Ханской ставкой, а рядом с могилой Сеид-Бабы, своего наставника и личного врача. Два столетия именно могила святого Сеид-Бабы служила объектом глубокого почитания со стороны многочисленных паломников (Сызранов, 2008, с. 32). Что касается могилы Букей-хана, то она находилась на периферии этого сакрального пространства.

Возведенный в 2011 г. мавзолеем Букей-хана изменил это пространство до неузнаваемости. Если раньше его центром и доминантой являлся скромный, но изящный мавзолей святого Сеид-Бабы, то теперь им стал огромный 19-метровый мавзолей хана. Соответственно изменился и характер пространства, которое из религиозного превратилось в светское, историко-политическое. Изменилась и его этническая принадлежность. Раньше вокруг могилы святого располагалось древнее кладбище ногайцев-карагашей (Ишмухамбетов, 2013), но при строительстве мавзолея, по свидетельствам местных жителей, кладбище было варварски уничтожено¹⁴. В итоге произошла «казахизация» ранее существовавшего здесь ногайского сакрального пространства. В мае 2021 г. посетители комплекса в интервью авторам рассказали, что после строительства мавзолея к этому месту возрос интерес разнообразных казахских националистических групп, среди которых стали активно распространяться слухи о том, что здесь помимо Букей-хана и его жены также находились захоронения других казахских исторических деятелей¹⁵.

¹⁴ Полевые материалы авторов (далее — ПМА). Интервью с И. Абуали 30.05.2021 г. в г. Астрахань.

¹⁵ ПМА. Интервью со зрителем комплекса «Сеид-Баба и Букей-хан» 31.05.2021 г. в с. Малый Арал.

«Казахизация» сакрального для ногайцев-карагашей пространства вокруг могилы святого Сеид-Бабы вполне вписывается в историческую политику, в последнее время проводимую властями Казахстана в отношении российских ногайцев, которые им интересны в контексте борьбы за золотоордынское наследие. Символическое «присвоение» истории и культуры ногайцев позволяет закрыть хронологическую, пространственную и культурную брешь в историко-идеологическом конструкте «происхождения» Казахского ханства от Золотой Орды. Имея собственную династию, основанную золотоордынским беклярибеком Едигеем, а также занимая центральную часть золотоордынской территории в междуречье р. Урала и р. Волги, Ногайская Орда в первой половине XV — первой половине XVII вв. являлась единственным прямым наследником Золотой Орды. Ногайцы также оставили после себя богатое литературное наследие в виде эпических сказаний, которые позднее получили широкое распространение среди казахов.

В итоге был создан миф о существовании в казахской истории «ногайлинского» (от слова «ногайлы» — ногайский) периода, когда в Золотой Орде якобы существовала «ногайлинская» общность, которая позже распалась на ногайцев, казахов и каракалпаков¹⁶. Отсюда делался вывод, что ногайцы и казахи — это единый, но разделенный народ (Заргишиев, 2020). Этот миф стал активно продвигаться в рамках казахстанской исторической политики. Так, летом 2018 г. Н.А. Назарбаев сделал в Казани заявление, что казанская царица Сююмбике имела казахские корни, поскольку являлась потомком золотоордынского беклярибека Едигея¹⁷. Одновременно в казахстанских СМИ стали появляться публикации

¹⁶ Ни один исторический источник, касающийся Золотой Орды и постордынских государств, не фиксирует существования такого народа. Все построения о народе «ногайлы» взяты из фольклорных произведений, в которых этот термин используется для создания былинного образа народа «золотого века».

¹⁷ Нурсултан Назарбаев в КФУ объявил, что царица Сююмбике имеет казахские корни // Бизнес Online. 15.06.2018. URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/385599> (дата обращения: 16.08.2023).

о том, что могила Едигея расположена именно на казахстанской территории¹⁸. Начали издаваться сборники документов по истории Казахстана, куда стали включать массу исторических материалов, относящихся к истории Ногайской Орды и других средневековых политических образований ногайцев¹⁹.

¹⁸ См.: Гафиятуллина И. Пик Едыге и Улытау: удивительные сакральные места Казахстана. Часть 1 // Группа стратегического видения «Россия — Исламский мир». 27.03.2019. URL: <https://russia-islworld.ru/in-world/sakralnye-mesta-kazahstana-cast-1/> (дата обращения: 16.08.2023); Гербер В. Властитель Золотой Орды похоронен в Актюбинской области? // Экспресс К. 23.11.2018. URL: <https://web.archive.org/web/20220410031336/https://exk.kz/news/36623/vlastitel-zolotoi-ordy-pokhoronien-v-aktiubinskoi-oblasti> (дата обращения: 16.08.2023).

¹⁹ История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков : в 10 т. Т. 1 : Посольские материалы

Заключение

Анализ символической акции по возведению в Астраханской области в 2011 г. властями Казахстана мавзолея Букей-хана позволил выявить как мотивационную составляющую проецирования казахстанской исторической политики на российскую территорию, так и конкретные символические цели, которые преследовала эта акция. Мотивы и цели политики оказались обусловлены особенностями развития в последние 20 лет официального казахского исторического дискурса.

Русского государства (XV–XVII вв.) / сост. А. Исина. Алматы : Дайк-Пресс, 2005. С. 126, 496, 619.

Поступила в редакцию / Received: 30.08.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 27.01.2024
Принята к публикации / Accepted: 15.10.2024

Библиографический список

- Абдулина А. Т. К вопросу о значении Бокей хана в истории казахского народа // Мир Большого Алтая. 2019. Т. 5, № 4. С. 491–508. EDN: RNMOXW
- Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. Москва : Новое литературное обозрение, 2014.
- Астраханские казахи: на рубеже веков. К 20-летию Астраханского общества казахской культуры «Жолдас-тык» / отв. ред. Н. И. Куликова. Элиста : ЗАОР «НПП „Джангар“», 2011.
- Быков А. Ю. Административно-территориальные реформы в Букеевской орде (первая половина XIX в.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Третьи научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина : материалы Всероссийской конференции / под ред. Ю. Ф. Кирюшина, В. А. Скубневского. Барнаул : Изд-во Алтайского университета, 2002. С. 414–420.
- Васильев Д. В. Организация управления Внутренней казахской ордой в первой половине XIX вв. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2015. № 4. С. 76–85. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2015-4-76-85>; EDN: UMXGGH
- Заргишиев М. Р. Ногайлы. Белый сокол Золотой Орды. Москва : б/и, 2020.
- Ишимхамбетов Р. В. К описанию шеджере «Сеит-Баба и его потомки», изданной в типографии Абдрахмана Умерова // Ногаеведческий сборник : сборник научных статей. Вып. 2. Материалы «Джанибековских чтений» / отв. ред. А. В. Сызранов. Астрахань : Color, 2013. С. 57–59.
- Кундакбаева Ж. В поисках исторического нарратива Казахстана: «диалог памяти» или «национальная память» // Национальные истории на постсоветском пространстве — II / под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. Москва : Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. С. 265–295. EDN: ZAZCWD
- Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти : сборник научных трудов / отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. Москва, Санкт-Петербург : Нестор-История, 2018. С. 27–53. EDN: YNCLNJ
- Масанов Н. Э., Абылхожин Ж. Б., Ерофеева И. В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы : Дайк-Пресс, 2007. EDN: QPJRZH
- Миллер А. И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке / под ред. А. И. Миллера, М. Липмана. Москва : Новое литературное обозрение, 2012. С. 7–32.

- Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17–50.
- Почекаев Р. Ю.* «Маргинальные» государства на пост-ордынском пространстве: чингизидское и российское влияние на государственно-правовое устройство Касимовского и Букеевского ханств // Средневековые тюрко-татарские государства. 2011. № 3. С. 112–127. EDN: TEDXKZ
- Российское пограничье: вызовы соседства / под ред. В. А. Колосова. Москва : ИП Матушкина И.И., 2018. EDN: HMTFQP
- Сембинов М.* Становление национальной истории Казахстана // Национальные истории в советском и постсоветском государствах / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Москва : Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. С. 176–191. EDN: XWLXTB
- Семёнова Н. Л.* Правительственная политика в Оренбургском крае в конце XVIII — первой половине XIX в. // Вопросы истории. 2018. № 12. С. 7–22. EDN: YQEUQP
- Смирнова Т. Б.* Этнические миграции и этнический состав населения государств постсоветской Центральной Азии // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 2. С. 209–213. <https://doi.org/10.25513/2312-1300.2019.2.209-213>; EDN: JNYPLE
- Сызранов А. В.* Образование Букеевской орды (историография вопроса) // Вопросы истории Сибири : сборник научных статей IV Международной научной конференции. Вып. 17. / отв. ред. М. К. Чуркин. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2021. С. 130–136. EDN: VIUMZA
- Сызранов А. В.* Суфизм и суфии в Нижнем Поволжье // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2008. № 3. С. 27–38. EDN: ISDGMR
- Харузин А.* Киргизы Букеевской орды (антрополого-этнологический очерк). Вып. 1. Москва : Типография А. Левинсон и К., 1889.
- Шелегина О. Н., Жетпысбаев С. К.* Международное значение государственной программы Республики Казахстан «Культурное наследие» // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 40. С. 279–292. <https://doi.org/10.17223/22220836/40/26>; EDN: MVNIXA

Сведения об авторах:

Волхонский Михаил Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России, МГИМО МИД России; eLibrary SPIN-код: 7994-9232; ORCID: 0000-0001-6189-734X; e-mail: volhonskyma@yandex.ru

Ярлыкапов Ахмет Аминович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института международных исследований, МГИМО МИД России; eLibrary SPIN-код: 9173-6586; ORCID: 0000-0001-5173-0909; e-mail: itbal@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-4-508-519

EDN: LSYOBP

Научная статья / Research article

Специфика афганской идентичности в условиях глобализации

Г.Г. Мачитидзе

Московский государственный институт международных отношений МИД России, Москва,
Российская Федерация
 mggkabal@gmail.com

Аннотация. Анализируется проблема идентификационного выбора мусульманской страны в условиях глобализации на примере Афганистана. Попытки Запада на протяжении почти 20 лет приобщить афганское общество к либерально-демократическим ценностям окончились провалом. Автор обращает внимание на то, что в афганском обществе сохранялась настороженность по отношению к элементам глобализации из-за боязни утратить свою культурно-религиозную самобытность. Установив теократический режим, талибы (запрещены в РФ) приступили к перестройке принципов афганского национализма в соответствии с исламским национализмом. Идея ислама как государственной идентичности подразумевает, что ислам как всеобъемлющая идентичность способен нейтрализовать этнические различия в обществе. Осуществляя шаги для обновления идеологической надстройки афганского государства, талибы (запрещены в РФ) выдвигают новую концепцию под названием «талибанизм». Анализируются особенности и причины отхода руководства Исламского Эмирата Афганистан от традиционного деобандизма и переход к более приемлемой комбинации религиозно-пуританских убеждений, адаптированных к строгим предписаниям исламского права. Сделан вывод, что «талибанизм» отвергает все формы республиканского правления и проводит четкое различие между исламскими законами и законами, созданными человеком, считая последние безнравственными. Показан главный тренд внутренней политики Кабула, направленный на реисламизацию недостаточно исламизированного афганского общества на добровольной или принудительной основе. Концепция предусматривает навязывание афганскому обществу единой исламской идентичности, которая сопровождается нарушением прав женщин в сфере трудоустройства и образования. Обоснованием политики талибов (запрещены в РФ) служит убеждение в том, что афганское общество деградирует изнутри и подвержено процессу внешнего разрушения, который следует остановить. Отмечается влияние на изменение взглядов лидеров движения «Талибан» (признано террористическим и запрещено в РФ) их длительного общения с представителями «Аль-Каиды» (признана террористической и запрещена в РФ) и других джихадистских организаций. По результатам исследования установлено, что идеология талибов (запрещены в РФ) приобрела некоторое сходство с салафизмом и что власти стараются изолировать афганский народ от процессов глобализации, будучи готовыми защищать исламские ценности от западной цивилизации любыми способами.

Ключевые слова: Афганистан, модернизация, вестернизация, салафизм, сохранение культурно-религиозной идентичности

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мачитидзе Г. Г. Специфика афганской идентичности в условиях глобализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 4. С. 508–519. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-508-519>

© Мачитидзе Г.Г., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Specificity of Afghan Identity in the Context of Globalization

Georgy G. Machitidze

MGIMO University, Moscow, Russian Federation
 mggkabal@gmail.com

Abstract. The article addresses the issue of identifying a Muslim country in the context of globalization, with Afghanistan serving as a case study. For almost 20 years, Western attempts to introduce liberal democratic values into Afghan society have failed. The author highlights the fact that Afghan society has remained wary of elements of globalization for fear of losing its cultural and religious identity. Having established a theocratic regime, the Taliban (recognized as terrorist and banned in Russia) set about restructuring the principles of Afghan nationalism in line with Islamic nationalism. The idea of Islam as a state identity implies that Islam as a comprehensive identity is capable of neutralizing ethnic differences in society. In taking steps to renew the ideological superstructure of the Afghan state, the Taliban (recognized as terrorist and banned in Russia) put forward a new concept termed ‘Talibanism.’ The features and reasons for the shift of the Islamic Emirate of Afghanistan’s leadership away from traditional Deobandism and towards a more acceptable combination of religious-Puritan beliefs adapted to the strict precepts of Islamic law are analyzed. It is concluded that ‘Talibanism’ rejects all forms of republican government and makes a clear distinction between Islamic law and man-made laws, considering the latter to be immoral. The main trend of Kabul’s domestic policy, aimed at re-Islamisation of the insufficiently Islamized Afghan society on a voluntary or coercive basis, is shown. The concept envisages the imposition of a single Islamic identity on Afghan society, accompanied by the violation of women’s rights in employment and education. The rationale behind the Taliban’s (recognized as terrorist and banned in Russia) policy is the belief that Afghan society is degenerating from within and is subject to a process of external destruction that must be stopped. It is observed that the Taliban (recognized as terrorist and banned in Russia) leaders have been influenced in changing their views by their prolonged contacts with representatives of Al-Qaeda (recognized as terrorist and banned in Russia) and other jihadist organizations. The study found that the Taliban (recognized as terrorist and banned in Russia) ideology has acquired some similarities with Salafism, and that the authorities are trying to isolate the Afghan people from the processes of globalization, being ready to protect Islamic values from Western civilization by any means necessary.

Key words: Afghanistan, modernization, westernization, Salafism, preservation of cultural and religious identity

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Machitidze, G. G. (2024). The specificity of Afghan identity in the context of globalization. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(4), 508–519. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-508-519>

Введение

Важным фактором начала XXI в. является развитие глобализма, который навязывает всем народам унифицированную наднациональную идентичность, ведущую к разрушению цивилизационной идентичности. В мусульманских странах, где религия (ислам) играет значительную роль в обществе, возникает стремление защитить свои культурно-религиозные традиции. В этой связи весьма актуальной является тема сохранения афганской идентичности в условиях глобализации.

Привлечены академические и аналитические исследования отечественных и зарубежных ученых для понимания феномена исламской идентичности (Наумкин, 2014; 2020;

Барановский, Наумкин, 2018; Коргун, 2004; Сикоев, 2002; Князев, 2021; Новикова, 2023; Сажин, 2006; Кутырёв, 2009; Флиер, 2010; Малыгина, 2021; Mendel, 2010; Goldstein, 2010; Тај, 2022).

Упомянутые исследования посвящены борьбе концепций идентичности в мусульманском мире, идентификационному выбору, появлению международного терроризма в результате столкновения западных культур с восточными, отторжению модернизации исламским обществом, идентификации на этнической основе в Афганистане и неприятную значительной частью афганского общества привнесенных извне преобразований и новшеств, сочетанию исламского права и местных обычаев, а также укреплению

талибами¹ идеологической надстройки афганского государства.

Объектом исследования является афганская идентичность в условиях глобализации, предмет исследования — конкретные действия афганских властей в плане ее сохранения, а также применяемые ими в этих целях инструменты. Определена причинно-следственная связь между необходимостью сохранения афганской самобытности и ее обновлением на основе общеафганской исламизированной идентичности. В процессе работы над статьей использованы такие методы научного исследования, как историко-хронологический, сравнительный анализ с постепенным изучением различных компонентов, синтез, а также индукция в сочетании с дедукцией. Делается вывод о том, что ислам в его талибской интерпретации используется как для укрепления внутренней стабильности в стране, так и для мобилизации общества против внешних угроз.

Применительно к современным тенденциям обновления исламской идентичности афганского общества, связанной с отказом от некоторых элементов племенной культуры, проблема исследована недостаточно и требует дополнительного научного осмысления. Поэтому автор ставит перед собой задачу провести анализ процесса и причин обновления талибами (запрещены в РФ) афганской исламизированной идентичности в условиях глобализации, имеющих как внешний, так и внутренний аспекты.

Проблема идентификационного выбора

В эпоху всеобщей глобализации проблема сохранения национальной идентичности выходит на первый план. В качестве единственно возможного варианта развития экономики Запад предлагает миру свою модель, включающую массовую культуру в качестве эталона, которому необходимо следовать. Происходит наполнение мирового информационного пространства западными

ценностями, сопровождаемое разрушением традиционных устоев и национальной самоидентификации людей (Герасимова, Ивахнов, 2017). В условиях глобализации абсолютизация либерально-демократических ценностей и нацеленность Запада главным образом на модернизацию приводит к утрате самостоятельности национальными государствами, которые зачастую сознательно делегируют свои полномочия экономическим или военным союзам.

Дискуссии по поводу концепций идентичности разворачиваются и в мусульманском мире, особенно относительно совместности религиозных и демократических ценностей. Извечный спор сопровождается обвинением исламских обществ в «авторитаризме, попрании прав человека и отсутствии свобод»². Разногласия внутри исламского мира носят глубокий и порой бескомпромиссный характер: джихадисты борются против шиитов и умеренных суннитов, шииты противостоят суннитам, наблюдается разобщение и между мусульманами разных национальностей. Разногласия сопровождаются высоким уровнем насилия, который напрямую связан с идентификационным выбором (Наумкин, 2014). Размежевание происходит не только по религиозной, но и по этнической линии в зависимости от политики национальных государств. Иными словами, в мусульманских странах сохраняются межконфессиональные и межэтнические проблемы, связанные с идентификационным выбором и государственным строительством.

Ускоренная модернизация мусульманских стран, которая происходит в столкновении с традиционной культурой, опирающейся на фактор идентичности, приводит к появлению более жестких форм сопротивления, в том числе в виде терроризма, носящего глобальный характер (Малыгина, 2021). Ранее В.А. Кутырёв обращал внимание на столкновение различных культур и актуализацию идей (исламского) фундаментализма, что

¹ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

² Наумкин В.В. Нация-государство, цивилизация и кризис идентичности // Площадь Лихачева. 20.05.2014. URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2014_Sbornik/2014_Dokladi/2014_plen/2014_plen_030.pdf (дата обращения: 02.04.2024).

способствовало появлению международного терроризма (Кутырёв, 2009). В подтверждение данного подхода А.Я. Флиер, в частности, отмечал, что «покушение на сакральные чувства причастности человека к культурной или религиозной традиции со стороны модернизированного западного общества лежит в основе большого числа террористических акций» (Флиер, 2010).

Проникновение процессов глобализации в национальные культуры вызывает у народов разных стран сильное стремление защитить свои культурно-религиозные традиции. Поэтому, несмотря на существующие противоречия в исламском мире, подавляющее большинство мусульман объединяет неприятие иностранной культурной экспансии Запада в странах Востока. Культурная экспансия Запада, который, по мнению сторонников цивилизационной самобытности в мусульманских государствах находится в состоянии морального разложения, негативно воспринимается мусульманскими обществами, которые стараются придерживаться более адаптированных к местным условиям моделей развития.

Определённым рубежом между западной и исламской цивилизациями является отношение к той роли, которую играет религия в обществе и государстве. К тому же ислам в значительно большей степени политизирован, чем другие мировые религии. Ислам выступает против процесса постепенного растворения одного этноса в среде другого этноса, против утраты языка, культурных традиций и возникновения новой ассимилированной идентичности. При этом ощущается влияние на религиозные институты политики национальных государств, противопоставляющих либеральной демократии, насаждаемой Западом, свои «идеалы, основанные на аутентичных религиозных ценностях» (Наумкин, 2020).

В условиях глобализации мусульманские страны опасаются быстрых изменений в результате глобализационных процессов, что может угрожать традиционной идентичности их обществ. Элиты этих государств полагают, что привнесённая западная культура может

затмить местные ценности, в частности, привести к утрате языков коренных народов под давлением английского языка, к насаждению потребительства и индивидуализма в противовес традиционным ценностям, ориентированным на общину. Рассматривая глобализацию как процесс усиления интеграции в политической, экономической и культурной сферах жизни общества, мусульманские страны в то же время опасаются углубления негативных тенденций в экономике, появления серьёзных социальных трудностей, роста протестных настроений в связи с угрозами утраты национального суверенитета и самобытности. Вместе с тем можно утверждать, что высокого уровня развития достигли те страны, которые не отказались от своей национальной идентичности. К ним следует отнести Китай, Индию, Республику Корея и некоторые мусульманские страны. Опираясь на позитивный зарубежный опыт, эти государства смогли сохранить собственные традиции и культурные ценности. Причем данный процесс протекает на фоне ослабления главенствующей роли США и всего Запада в мире (Мосяков и др., 2024).

Таким образом, продолжающаяся глобализация, охватившая многие сферы общественной жизни, носит амбивалентный характер. С одной стороны, с углублением интеграционных процессов в мире транснациональная экономическая деятельность, бесперебойная связь и международные организации открывают перед развивающимися странами определённые возможности для развития. Однако с другой — глобализация вступает в противоречие с национальной идентичностью и национальными ценностями (Жукова, 2006). Поэтому мусульманским государствам важно найти разумный компромисс между участием в глобальной интеграции и сохранением культурно-религиозных традиций.

Попытка вестернизации Афганистана под вывеской модернизации

Война в Афганистане (2001–2021 гг.) рассматривалась США как часть процесса

глобализации, который, как позже выяснилось, был обречен на провал. После интервенции коалиционных сил в 2001 г. Афганистан заметно потерял в статусе независимого государства, осознанно делегируя многие функции западным донорам на фоне нацеленности США и их союзников на навязывание отсталой разрушенной стране либерально-демократических ценностей под видом модернизации.

Глобализация как модернизационный проект сочетается с понятием вестернизации, которая обычно охватывает разные аспекты процесса превращения западных ценностей в общечеловеческие ценности современной цивилизации. Это — рыночная экономика, правовое государство, парламентаризм, политический плюрализм, популяризация англо-американской культуры, приобщение к западному образу жизни с его системой образования, женской эмансипацией, средствами массовой информации и стереотипами поведения.

Следуя этой логике, США приняли в 2003 г. программу действий в Афганистане под названием «Ускорение успеха», основанную на либерально-демократических идеях государственного строительства, чем в условиях иностранной интервенции могла воспользоваться лишь часть населения, причем только городского (Новикова, 2023). Под государственным строительством Запад понимал не только восстановление материальной инфраструктуры, но и решение проблем, связанных с налаживанием надлежущего управления, обеспечением безопасности и предоставлением гуманитарной помощи многочисленным афганским семьям, находящимся в бедственном положении. Кроме того, Запад не забывал и о «борьбе за сердца и умы» афганцев, чтобы добиться поддержки со стороны широких слоев сельского населения.

Казалось бы, к 2006 г. страна приобрела необходимый набор демократических институтов, таких как президент, избираемый прямым голосованием, сформированное президентом правительство, избранный в ходе всеобщих выборов парламент, судебная власть. Однако консервативное население, которое придерживается религиозных традиций и

обычаев Средневековья, не восприняло афганскую демократию. В этой связи А.А. Князев справедливо пишет об «остром неприятии значительной частью афганского общества привнесенных извне преобразований» (Князев, 2021), тем более что достигнутые результаты оставляли желать лучшего, так как добиться прекращения огня и обеспечить достойный уровень безопасности не удалось. Восстановительные работы осуществлялись медленно, в том числе в силу нестабильной обстановки, и даже не во всех регионах Афганистана. Разногласия между военными, гражданскими структурами, неправительственными организациями (НПО), представляющими интересы западных стран, по поводу направлений деятельности в провинциях привели к дискредитации самой идеи государственного строительства в Афганистане по западному образцу (Мачитидзе, 2020). Ситуация осложнялась тем, что и внутри афганской политической элиты не было единства взглядов на будущее страны.

При этом модернизация и вестернизация были явлениями неслыханными не только для жителей афганской деревни, но и для части городского населения. Они имели относительное представление о некоторых чертах глобализации, например о секуляризме, индивидуализме и потребительстве, но опасались, что это может привести к ослаблению исламской идентичности, отказу от исламских ценностей и этики. Важным также являлось политическое восприятие модернизации афганским обществом. Ее отторжение происходило не по ценностно-смысловым основаниям, а по причине того, что в ней видели инструмент угнетения (Барановский, Наумкин, 2018).

Нельзя не признать, что процесс вестернизации, предполагающий заимствование элементов и образцов более развитых в технологическом отношении государств, имеет и определенные положительные тенденции. Так думали в 2012 г. участники Токийской международной конференции, заявившие о достижении консенсуса в вопросах установления в Афганистане демократии и политической стабильности, а также развития

гражданского общества. Кабул, в свою очередь, обещал приложить больше усилий для построения правового государства и противодействия коррупции, чего так и не смог выполнить³.

В то же время в достаточно широких слоях населения страны, которое было в большей степени на стороне талибов (запрещены в РФ), сохранялась настороженность относительно культурно-религиозных издержек, которые могут привести к утрате самобытности общества. Действительно, в 2014 г. убедительных и прозрачных президентских выборов в Афганистане не получилось. Оба кандидата вынуждены были подписать договор о разделе власти, в соответствии с которым Ашраф Гани стал президентом, а Абдулла Абдулла — главой правительства⁴. Президентские выборы в 2019 г. состоялись при минимальной явке избирателей и рекордных фальсификациях, а публикация результатов голосования состоялась только через три месяца. В афганских условиях построение правового государства по западным лекалам не состоялось. В этой связи можно утверждать, что немалая часть афганского общества с опаской относилась к элементам вестернизации, имея в виду сохранение своей социокультурной идентичности (Тетюшкина, 2010).

Многие страны с преобладанием мусульманского населения основывают свои законы на интерпретации принципов исламского права, но, несмотря на это, ни в одной из них нет одинаковых законов. Даже в Афганистане, хотя и талибы (запрещены в РФ), правившие страной с 1996 по 2001 г., и правительство Ашрафа Гани утверждали, что придерживаются исламского права, у них были разные правовые системы. Так, Конституция Афганистана 2004 г., которой следовали правительства Хамида Карзая и Ашрафа

Гани, включала преамбулу о том, что законы страны не должны противоречить исламу. Однако талибы (запрещены в РФ) критиковали основной закон страны за попытку примирить исламские принципы с либеральным мировым порядком и за то, что конституция была написана под диктовку Запада⁵.

Нельзя не заметить, что в исторической ретроспективе Афганистана ислам как серьезная духовная сила играл значительную роль в обществе. Формирование афганской идентичности проходило под сильным воздействием ислама, который оказал большое влияние на сохранение самобытности страны. Вера в эту религию заметна в одежде, режиме питания, регулярных молитвах и языке. Хотя существует немало афганцев, которые в силу неграмотности никогда не читали отрывки из Корана и полагаются на тех, кто запомнил священный текст наизусть.

Консервативные религиозные группы в Афганистане, как правило, выступали против строительства современного национального государства. В результате религиозно-консервативная тенденция становилась препятствием для модернизации Афганистана. Причиной политической нестабильности часто являлся низкий уровень развития страны. Отрицание светским афганским правительством религиозной власти и неприятие клерикалами секуляризации государства стали важными внутривнутриполитическими факторами потрясений при режимах Хамида Карзая и Ашрафа Гани. Хотя следует отметить, что центральное правительство пыталось, правда безуспешно, включить законы шариата в рамки национальной системы управления. Однако консервативное духовенство сохраняло неоспоримое влияние на широкие массы сельского и частично городского населения, обладая абсолютным правом голоса при толковании и применении законов.

Кроме того, Афганистан является наиболее характерным примером племенного общества при наличии, согласно афганской

³ В Токио состоялась конференция по Афганистану // Агентство Anadolu. 10.07.2012. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/в-токио-состоялась-конференция-по-афганистану/356537> (дата обращения: 15.03.2024).

⁴ Федякина А. Премьер Афганистана готовился содравать инаугурацию президента // Российская газета. 29.09.2014. URL: <https://rg.ru/2014/09/29/inauguraciya-site.html> (дата обращения: 13.03.2024).

⁵ Ibrahim A. Explainer: The Taliban and Islamic Law in Afghanistan // Aljazeera. August 23, 2021. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2021/8/23/hold-the-taliban-and-sharia-law-in-afghanistan> (accessed: 13.03.2024).

конституции 2004 г., 14 этнических групп в стране, каждая из которых имеет сложную родоплеменную структуру⁶. Наиболее крупный афганский этнос — пуштуны — делится на четыре крупнейших союза племен, объединения, рода и кланы которых контролируют территории своего обитания, а их вожди олицетворяют собой верховную военно-политическую, юридическую и экономическую власть. Поэтому Кабул, как правило, был вынужден договариваться с ними, в том числе на основе материальной заинтересованности. В стремлении сохранить суверенитет и территориальную целостность центральное правительство имело обыкновение делегировать некоторые свои полномочия племенам. Подобное своеобразное разделение власти между племенами и государством приводило к тому, что законы имели весьма ограниченное влияние на афганское общество. Вместе с тем сочетание исламского права и местных традиционных обычаев позволило присущему Афганистану социальному порядку обрести легитимность (Сажин, 2006).

Можно утверждать, что религиозно-племенной фактор стал серьезным барьером на пути процесса вестернизации широких слоев населения. Это неудивительно, учитывая, что и 100 лет назад в афганском обществе были могущественны те силы, которые отрицали всякие новшества, выступали против технического прогресса и идеи создания в стране национальной промышленности. Даже афганские реформаторы, которые по-своему понимали борьбу с европейским империализмом, пытались «объединить афганский национализм и модернизм с концепцией панисламизма» (Коргун, 2004).

В Афганистане попыткам внести дух либерализма в образование всегда жестко противостояли влиятельные племенные лидеры, которые одновременно выступали против снятия ограничений, осложняющих положение женщин. Религиозные деятели также решительно выступали против попыток властей регулировать семейные отношения. При этом

шариат (исламское право) продолжал играть неослабевающую роль в афганском обществе. К тому же в период оккупации Афганистана иностранными войсками осторожные усилия центрального правительства по секуляризации неоднократно терпели неудачу.

Существует и иная точка зрения относительно участия Афганистана в процессах глобализации. В частности, Дж. Мендель считает, что глобальные потоки денег, оружия, товаров, людей и информации на протяжении длительного времени при минимальном вмешательстве государства с большой скоростью пересекали границы Афганистана в обоих направлениях. Более того, производство и экспорт наркотиков в Афганистане обеспечивали его тесную связь с международной экономикой, хотя и нетрадиционными способами (Mendel, 2010). Вместе с тем в определенных социально-политических условиях того или иного мусульманского государства элементы модернизации могут быть отделены от процесса вестернизации. Некоторые зарубежные исследователи, например У. Голдштейн, полагают, что развивающаяся страна может модернизироваться, избегая вестернизации, которая предполагает секуляризацию и демократизацию, сохраняя при этом авторитарное правление (Goldstein, 2010). В качестве аргумента в пользу жизнеспособности подобной идеи приводится Иран, которому, даже несмотря на серьезное санкционное давление, удалось достичь немалых успехов в области образования и здравоохранения, а также развить военную промышленность при сохранении своей культурно-религиозной самобытности.

Борьба талибов за обновление афганской идентичности

Для Афганистана проблема идентификационного выбора и сегодня остается актуальной. В этом плане дискурс об Афганистане как государстве с национально-цивилизационной идентичностью является попыткой идеологического обоснования его особого пути в противостоянии с Западом, стремления к формированию собственных, обусловленных его национально-цивилизационной спецификой ответов на вызовы глобализации.

В процессе перехода Афганистана от племенного общества к современному

⁶ Dominant Ethnic Groups in Afghanistan // Deccan Herald. August 18, 2021. URL: <https://www.deccanherald.com/world/dominant-ethnic-groups-in-afghanistan-1021070.html> (accessed: 18.03.2024).

государству историческая проблема того, как традиционные религии могут вписаться в современную политическую систему, до сих пор не решена. В новейшей истории Афганистана религиозные консерваторы, выступая за верховенство религиозной власти, использовали духовные привилегии для поддержания интересов племенных обществ, тормозили социальное развитие и блокировали процесс государственного строительства в обширных периферийных районах страны (Chang, Pengtao & Xiyaao, 2022). Замысловатая связь между ханафитской юриспруденцией и племенным кодексом Пуштунвали всегда была мощным источником консерватизма в Афганистане.

Несмотря на многонациональный характер Афганистана, самоощущение афганского государства по историческим причинам строится вокруг доминирующей пуштунской этнической идентичности, которая глубоко укоренилась в пуштунских регионах страны (Taj, 2022). Однако за 10–12 лет до своего прихода к власти в 2021 г. талибы (запрещены в РФ) приняли меры по расширению и превращению повстанческого движения в общеафганское с привлечением лиц непустунской национальности. При этом талибы (запрещены в РФ) учитывали тот факт, что представители других этнических групп Афганистана неоднократно в течение последних десятилетий претендовали на власть, что вызывало тревогу у руководства движения «Талибан» (признано террористическим и запрещено в РФ). Этнический фактор, как правило, играл роль стимулятора внутри афганского конфликта, когда этнические группы ставили своей целью защиту интересов своих соплеменников.

Опасения относительно раскола страны по этническому признаку еще больше возросли в 2021 г., когда активизировалась антиталибская деятельность Фронта национального сопротивления во главе с А. Масудом и усилилось давление со стороны международного сообщества по поводу формирования инклюзивного правительства. Возникла необходимость каким-то образом нейтрализовать этническую идентичность значительной части населения, подавляющее большинство которого составляют таджики, узбеки и хазарейцы,

и вернуться к уже проверенной в 1990-е гг. идее ислама как государственной идентичности, несколько усовершенствовав ее. К тому же руководители «Талибана» (признано террористическим и запрещено в РФ) понимали, что если они не выполнят свое основное обещание восстановить эмират со всеми его атрибутами, то их движение потеряет значимость и актуальность. Предполагается, что ислам как всеобъемлющая национальная идентичность способен преобразовать этнические и племенные различия в обществе в общую афганскую исламизированную идентичность, чтобы избежать сепаратистских тенденций на этнической и противоречий на племенной основе.

Кроме того, необходимо было что-то противопоставить идеям ИГИЛ-Хорасан⁷, которые оказали идеологическое воздействие на некоторую часть талибов (запрещены в РФ). Кабул хочет продемонстрировать не только членам движения «Талибан» (признано террористическим и запрещено в РФ), но и всему афганскому обществу, что именно новая талибская власть, будучи авангардом истинного исламского руководства в Афганистане, является сторонницей претворения в жизнь «чистого» ислама на афганской земле в отличие от группировки ИГИЛ⁸, которая мечтает о глобальном халифате. В отличие от Абу Бакра аль-Багдади, который в свое время объявил себя лидером всех суннитов в мире, Мохаммад Омар являлся верховным религиозным и политическим лидером именно Афганистана, правившим страной от имени Аллаха. Это же касается нынешнего верховного лидера (амира) страны Хайбатуллы Ахундзады. Такая политическая система подчеркивает соответствие правительственных решений шариату в интерпретации талибской власти. Современная борьба талибов (запрещены в РФ) против ИГИЛ-Хорасан (ИГИЛ признано

⁷ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

⁸ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

террористическим и запрещено в РФ) направлена не только на обеспечение безопасности в стране, но и на защиту афганской культурно-религиозной идентичности.

Признавая свою потребность в формировании чисто исламской системы с более надежной идеологической базой, власти осуществляют шаги для обновления идеологической надстройки афганского государства. Кабул в целях укрепления новой власти внедряет взаимосвязанные идеологические инициативы: создание обновленной исламской идеологии в качестве государственной, улучшение своеобразной религиозной репутации талибской власти и трансформирование афганского национализма в исламский национализм⁹.

В этом плане ведется работа по превращению мировоззренческих установок исламского движения «Талибан» (признано террористическим и запрещено в РФ) в постоянную идеологию под названием «талибанизм», что означает отход от традиционного деобандизма и переход к более приемлемой комбинации религиозно-пуританских убеждений, адаптированных к строгим предписаниям исламского права. Предполагается, что ислам должен требовать выполнения достойным образом всех аспектов повседневной жизни, и в этой связи афганское общество, будучи недостаточно исламским, нуждается в реисламизации на добровольной или принудительной основе. «Талибанизм» отвергает все формы республиканского правления и проводит четкое различие между исламскими законами и законами, созданными человеком, считая последние безнравственными¹⁰.

В соответствии с новой программой реисламизации миссия талибов (запрещены в РФ) заключается в том, чтобы возглавить возвращение к прошлому путем слияния афганского национализма с исламским национализмом. Программа предусматривает

навязывание афганскому обществу единой исламской идентичности. Предполагается также реформирование образовательной программы, в том числе введение единой национальной учебной программы с учетом процесса реисламизации. Во главе процесса управления и распространения идей «талибанизма» стоит группа ультраконсервативных священнослужителей, которыми руководят верховные лидеры, воспринимающие Коран и шариат, как и в 1990-е гг., в качестве конституции (Сикоев, 2002, с. 72). Именно они, действуя через набор программных документов, известных как «Дастур», принимают в узком кругу членов религиозного совета (шуры) наиболее важные решения в государстве, включая многие назначения.

В плане реализации идеи исламской идентичности талибское правительство подготовило ряд распоряжений, ущемляющих права человека, которые затрагивают среднее образование для девочек, трудоустройство женщин, стиль одежды, внешний вид, правила передвижения и проведения досуга, особенно женщин в Афганистане. Мужчинам приходится участвовать в реализации ограничительных мер в отношении женщин в вопросах соблюдения новых правил, касающихся одежды, внешнего вида и поведения в обществе. Закрыты все частные учебные заведения для мальчиков и девочек от начальных школ до учреждений среднего образования, в частности в провинциях Кандагар и Гильменд. Многие политические решения направлены в первую очередь против населения городов, которые, по мнению властей, находятся в состоянии морального упадка. Мировоззрение талибов (запрещены в РФ) основано на том, что в целом мусульманское общество деградирует изнутри и подвержено процессу внешнего разрушения, который следует остановить.

Многие мусульманские страны, включая и членов Организации исламского сотрудничества (ОИС), осудили политику Кабула, направленную на ущемление прав женщин, в том числе запрет на получение ими высшего образования¹¹. Глава Аль-Азхара Ахмед

⁹ Ahmad J. The Taliban's Religious Roadmap for Afghanistan // The Middle East Institute. January 26, 2022. URL: <https://www.mei.edu/publications/talibans-religious-roadmap-afghanistan> (accessed: 26.03.2024).

¹⁰ Country Guidance Afghanistan 2023: Recent Developments // European Union Agency for Asylum. January 2023. URL: <https://euaa.europa.eu/country-guidance-afghanistan-2023/recent-developments> (accessed: 18.03.2024).

¹¹ Rana M.A. Taliban Version of Islam // DAWN. January 15, 2023. URL: <https://www.dawn.com/news/1731686> (accessed: 19.03.2024).

эль-Тайеб также осудил гендерную политику талибов (запрещены в РФ), в действиях которых усматривается влияние экстремальной племенной культуры. По мнению египетского ученого-богослова, суннитская традиция не рассматривает исламское право как закостенелый механизм, допускает его переосмысление и увязывает жизнеспособность шариата с его готовностью к интеллектуальному взаимодействию с суннитской традицией¹². Даже ассоциация «Братья-мусульмане»¹³ пыталась убедить талибов (запрещены в РФ) внести коррективы в свою гендерную политику, что, по их мнению, могло бы способствовать международному признанию талибского режима¹⁴.

Ретроспективный анализ афганских событий 25-летней давности свидетельствует о том, что в мировоззрении лидеров движения «Талибан» (признано террористическим и запрещено в РФ) произошли определенные изменения. В результате длительного общения и партнерства с иностранными джихадистами, в частности с представителями «Аль-Каиды»¹⁵ и других террористических организаций, талибы (запрещены в РФ) стали спокойнее воспринимать идеи салафизма (Long, 2022).

Традиционный афганский ислам объединял исламское право с суфийским учением и практикой, «поощряя мирную жизнь,

основанную на справедливости, сострадании и терпимости». На протяжении длительного времени местами для паломничества и поклонения являлись могилы известных суфиев, которые уже были святынями в доисламский период. Мулла Мохаммад Омар, основатель движения «Талибан» (признано террористическим и запрещено в РФ), который занимался с учителем-суфием по имени Хаджи Баба, заняв пост верховного лидера Исламского Эмирата Афганистан, почти еженедельно посещал могилу своего наставника. Вопреки этой традиции современные талибские лидеры не поддерживают практику посещения святынь, считая ее немусульманской по происхождению, а молитвенное обращение к суфийским святым об исцелении и заступничестве называют греховными. В этой связи нельзя не вспомнить о том, что в 1990-е гг. одним из наиболее значимых разногласий между «Талибаном» (признано террористическим и запрещено в РФ) и «Аль-Каидой» (признана террористической и запрещена в РФ) был именно вопрос о суфийских святынях. Более того, в 1996 г. талибское правительство даже запрещало деятельность салафитов (чтение проповедей, строительство мечетей) в Афганистане¹⁶.

В результате постепенной трансформации за последние два десятилетия идеология талибов (запрещены в РФ) приобрела сходство с салафизмом, что проявляется в подчеркивании единобожия, неприятию нововведений, критике суфийских религиозных ритуалов, а также ведении джихада против врагов. Движение «Талибан» (признано террористическим и запрещено в РФ) ослабило узы традиционалистского ислама, а заодно и влияние племенных вождей. Можно даже сказать, что новые власти при сохранении своего консерватизма и жесткости перешли к форме модернистского исламизма с акцентом на регулирование внутренней нравственной жизни афганцев, укрепление их веры и верности

¹² Salim A. R. The Taliban vs. Global Islam: Politics, Power, and the Public in Afghanistan // Berkley Center. November 3, 2021. URL: <https://berkleycenter.georgetown.edu/responses/the-taliban-vs-global-islam-politics-power-and-the-public-in-afghanistan> (accessed: 19.03.2024).

¹³ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

¹⁴ Entekhabifard C. Will the Taliban Turn Afghanistan into a Base for Muslim Brotherhood? // Asharq Al-Awsat. January 18, 2023. URL: <https://english.aawsat.com/home/article/4105166/camelia-entekhabifard/will-taliban-turn-afghanistan-base-muslim-brotherhood> (accessed: 20.03.2024).

¹⁵ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

¹⁶ Семенов К. Роль и место движения «Талибан» на карте мирового исламизма, его вызовы и угрозы // Российский совет по международным делам. 02.09.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-i-mesto-dvizheniya-taliban-na-karte-mirovogo-islamizma-ego-vyzovy-i-ugrozy/> (дата обращения: 22.03.2024).

режиму, что является отражением прагматических соображений государственного управления.

Заключение

Ислам сыграл ключевую роль в эволюции современного афганского общества, подавляющее большинство афганцев остаются глубоко консервативными в своем мусульманском образе жизни. Ислам является также важнейшим фактором легитимизации талибского режима, будучи главной объединяющей силой неоднородного афганского общества. В политическом плане ислам используется как для укрепления внутренней стабильности, так и для мобилизации общества против внешних угроз. В случае навязывания чуждых ценностей традиционным устоям ислам в его нынешней талибской интерпретации может выступать в качестве защитной реакции афганского народа.

Вместе с тем нельзя исключать, что исламская идентичность при определенных условиях может видоизменяться. Вполне возможно, что под влиянием внешних и внутренних обстоятельств в сфере семейных, межэтнических и межконфессиональных отношений может начаться процесс обновления поведенческих моделей в сознании верующих афганцев. Именно этого и опасаются талибы (запрещены в РФ), поэтому они твердо настаивают на тех ограничениях, которые вводятся в социальную жизнь афганцев.

Более того, несмотря на давление Запада, лидеры движения «Талибан» (признано террористическим и запрещено в РФ) стараются изолировать афганский народ от процессов глобализации, используя для этого ранний ислам в качестве эталона декларируемого образа жизни, продвигая собственную религиозно-культурную идентичность и демонстрируя готовность защищать исламские ценности от западной цивилизации любыми способами.

Поступила в редакцию / Received: 05.05.2024
Доработал после рецензирования / Revised: 31.09.2024
Принята к публикации / Accepted: 15.10.2024

Библиографический список

- Барановский В. Г., Наумкин В. В. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62, № 3. С. 5–19. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-3-5-19>; EDN: YTHIDG
- Герасимова И. А., Ивахнов В. Ю. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации // *Сервис Plus*. 2017. Т. 11, № 2. С. 66–76. <https://doi.org/10.22412/1993-7768-11-2-9>; EDN: YRCEOX
- Жукова Н. Г. Глобализация и сохранение национальной идентичности // *Философия и общество*. 2006. № 2 (43). С. 146–153. EDN: QOYRXF
- Князев А. А. К истории афганского движения «Талибан» (середина — вторая половина 1990-х гг.) // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2021. Т. 21, № 4. С. 13–21. EDN: QGEZGR
- Коргун В. Г. История Афганистана. XX век. Москва : ИВ РАН, 2004. EDN: QOVWLZ
- Кутырёв В. А. Столкновение культур с цивилизацией как причина и почва международного терроризма // *Век глобализации*. 2009. № 2. С. 92–102. EDN: MTRHNL
- Малыгина И. В. Культурные идентичности в постглобальном мире // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2021. № 13. С. 348–361. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_13_855_348; EDN: LOQOWW
- Мачитидзе Г. Г. Стратегия в Афганистане: артефакт президента Д. Трампа // *Россия и современный мир*. 2020. № 1. С. 119–138. <https://doi.org/10.31249/rsm/2020.01.07>; EDN: PLZRUI
- Мосяков Д. В., Шпаковская М. А., Понька Т. И., Данилов В. А. Разворот на Восток как фактор укрепления влияния России в Азии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2024. Т. 24, № 2. С. 181–191. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-181-191>; EDN: VKTZMO
- Наумкин В. В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 4. С. 78–93. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.06>; EDN: TPQYUS
- Наумкин В. В. Проблема цивилизационной идентификации и кризис наций-государств // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2014. № 4. С. 5–20. EDN: SJSWMF

- Новикова О. Н. Афганистан: от «демократического авторитаризма» к авторитаризму per se // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 1. С. 223–243. <https://doi.org/10.31249/ape/2023.01.10>; EDN: OOXJTZ
- Сажин В. И. Особенности афганской демократии // Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен / отв. ред. М.Р. Арунова. Москва : Институт востоковедения РАН, 2006. С. 50–57. EDN: QRCCQX
- Сикоев Р. Р. Талибы (религиозно-политический портрет). Москва : ИВ РАН, 2002
- Тетюшкина С. А. Вестернизация как социокультурное явление // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 1. С. 350–356. EDN: LAFVFH
- Флиер А. Я. Будущее возврату не подлежит (о перспективах развития традиционной культуры) // Культурологический журнал. 2010. № 1. С. 1–8. EDN: OWPNYB
- Chang L., Pengtao G., Xiyao Z. Power Hedging and Faith Fetters: The Factors of Tribe and Religion in Afghanistan's State Building // *Frontiers in Political Science*. 2022. Vol. 4. P. 1–11. <https://doi.org/10.3389/fpos.2022.976833>
- Goldstein W. S. Secularization and the Iranian Revolution // *Centre for Sociological Studies*. 2010. No. 3. P. 50–67.
- Long D. Ideological Transition of the Afghan Taliban // *Contemporary International Relations*. 2022. Vol. 32, no. 2. P. 39–61.
- Mendel J. Afghanistan, Networks and Connectivity // *Geopolitics*. 2010. Vol. 15, no. 4. P. 726–751. <https://doi.org/10.1080/14650041003718333>
- Taj F. Clash of Identities: Ontological (In)Securities of Afghanistan and Pakistan, and the Repercussions // *Policy Perspectives*. 2022. Vol. 19, iss. 2. P. 1–20. <https://doi.org/10.13169/polipers.19.2.ra1>

Сведения об авторе:

Мачитидзе Георгий Григорьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института международных исследований, МГИМО МИД России; eLibrary SPIN-код: 5094-7995; ORCID: 0000-0003-2402-1909; e-mail: mggkabal@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-4-520-533

EDN: LWTWJH

Научная статья / Research article

Азербайджанский фактор в столкновении иранского и турецкого «полумесяцев»: «геополитическое новолуние» на Южном Кавказе

М.М. Агазаде

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 agazade-mm@rudn.ru

Аннотация. Исламская Республика Иран и Турецкая Республика, два исторических соперника на Южном Кавказе и Ближнем Востоке, уделяют особое внимание отношениям с Азербайджанской Республикой. Это обусловлено прежде всего этнолингвистическим, религиозно-идеологическим и геополитическим факторами. Цель исследования — выявить особенности иранского и турецкого «полумесяцев», а также место Азербайджана в столкновении этих двух геополитических проектов. Под «иранским полумесяцем» подразумевается влияние и/или присутствие Ирана в Ливане, Сирии, Ираке, Азербайджане, Бахрейне и Йемене. Автор вводит термин «турецкий полумесяц» как внешнеполитическую стратегию Турции, основной целью которой является укрепление позиции страны на Южном Кавказе и Ближнем Востоке путем наращивания военных сил и расширения торгово-экономических связей, а также сдерживание иранского влияния в этих регионах. Иными словами, «турецкий полумесяц» подразумевает влияние и/или присутствие Турции в Ливии, на Кипре, в Сирии, Ираке, Азербайджане, Катаре и Сомали. Под термином «геополитическое новолуние» понимаются новые геополитические реалии, сложившиеся после Второй карабахской войны на Южном Кавказе и оказывающие влияние на архитектуру региональной безопасности, в том числе политику Тегерана и Анкары в данном регионе. Анализируются особенности иранского и турецкого «полумесяцев», использование властями Исламской Республики Иран и Турецкой Республики азербайджанского фактора в реализации их стратегий друг против друга. В основе данного исследования лежит конструктивный реализм, поскольку в соперничестве Ирана и Турции на Южном Кавказе и Ближнем Востоке наряду с военно-политическими и экономическими факторами особую роль играют религиозный, идеологический и этнический факторы. Автор также использует описательно-аналитический подход, опирающийся на изучение документов, научных работ, материалов СМИ, и метод сравнительного анализа для определения степени влияния соперничества между Турцией и Ираном на внешнеполитическую ориентацию Азербайджана. В заключении сделан вывод, что Исламская Республика Иран проиграла Турецкой Республике в азербайджанском сегменте столкновения двух «полумесяцев».

Ключевые слова: иранский полумесяц, турецкий полумесяц, Азербайджанская Республика, Исламская Республика Иран, Турецкая Республика, религиозный фактор, шиизм, суннизм

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Статья опубликована в рамках проекта «Азербайджано-иранские отношения в условиях новых геополитических реалий после Второй карабахской войны» по конкурсу РНФ 2022 г. «Проведение инициативных исследований молодыми учеными» Президентской программы исследовательских проектов, реализуемых ведущими учеными, в том числе молодыми учеными (№ 22-78-00067).

© Агазаде М.М., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Агазаде М. М. Азербайджанский фактор в столкновении иранского и турецкого «полу-месяцев»: «геополитическое новолуние» на Южном Кавказе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 4. С. 520–533. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-520-533>

The Azerbaijani Factor in the Clash of the Iranian and Turkish ‘Crescents’: A ‘Geopolitical New Moon’ in the South Caucasus

Mirmehdi M. Aghazada

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 agazade-mm@rudn.ru

Abstract. The Islamic Republic of Iran and the Republic of Türkiye, two historical rivals in the South Caucasus and the Middle East, pay special attention to relations with the Republic of Azerbaijan. This is primarily due to ethnolinguistic, religious-ideological, and geopolitical factors. The aim of the paper is to identify the distinctive characteristics of the Iranian and Turkish crescents, as well as Azerbaijan’s place in the clash of these two foreign policy strategies. The Iranian crescent refers to Iran’s influence and/or presence in Lebanon, Syria, Iraq, Azerbaijan, Bahrain, and Yemen. The author introduces the term ‘Turkish crescent’ as Türkiye’s foreign policy strategy, the main aim of which is to strengthen the country’s position in the South Caucasus and the Middle East by building up military forces and expanding trade and economic ties, as well as to contain Iranian influence in the region. The Turkish crescent means Türkiye’s influence and/or presence in Libya, Cyprus, Syria, Iraq, Azerbaijan, Qatar, and Somalia. The term ‘geopolitical new moon’ refers to the new geopolitical realities that emerged after the Second Karabakh War in the South Caucasus and have an impact on the regional security architecture, including the policies of Iran and Türkiye in this region. The article analyzes the peculiarities of the Iranian and Turkish crescents and the use of the Azerbaijani factor by Iran and Türkiye in implementing their strategies against each other. This paper is based on constructive realism, as religious, ideological, and ethnic factors play a special role in the rivalry between Iran and Türkiye in the South Caucasus and the Middle East, along with military, political, and economic factors. The author employs a descriptive-analytical approach, gathering necessary information from documents, scientific papers, media materials, and comparative analysis to assess the impact of the rivalry between Türkiye and Iran on Azerbaijan’s foreign policy orientation. It can be concluded that Iran lost to Türkiye in the Azerbaijani segment of the clash of two ‘crescents.’

Key words: Iranian crescent, Turkish crescent, Republic of Azerbaijan, Islamic Republic of Iran, Republic of Türkiye, religious factor, Shi’ism, Sunnism

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the project “Azerbaijani-Iranian Relations in the New Geopolitical Realities after the Second Karabakh War” in the RSF 2022 competition “Conducting proactive research by young scientists” of the Presidential program of research projects implemented by leading scientists, including young scientists (No. 22-78-00067).

For citation: Aghazada, M. M. (2024). The Azerbaijani factor in the clash of the Iranian and Turkish ‘crescents’: A ‘geopolitical new moon’ in the South Caucasus. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(4), 520–533. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-520-533>

Введение

Исламская Республика Иран (ИРИ) и Турецкая Республика (ТР), два соседних крупных государства в Юго-Западной Азии, имеют политические, культурные и этноконфессиональные связи, уходящие корнями в глубь истории. С одной стороны, этот долгий и богатый исторический опыт создал

образец иногда дружественных, а иногда и напряженных двусторонних отношений, а с другой — привел к жесткой геополитической конкуренции между двумя странами. Взаимное соперничество и недоверие между ИРИ и ТР особенно усилилось после окончания холодной войны в 1991 г., поскольку появление новых независимых государств

на Южном Кавказе и в Центральной Азии, а также возникновение «геополитического вакуума» на Ближнем Востоке, вызванного распадом СССР, было воспринято Тегераном и Анкарой как новый шанс для реализации своих региональных амбиций.

В то время иранские власти в основном сосредоточились на религиозной составляющей своей внешней политики, делая акцент на «экспорте исламской революции», а турецкие власти начали продвигать идеологию в рамках единой тюркской идентичности. Иными словами, «экспорт тюркскости» стал главным идеологическим направлением во внешней политике Турции в отношении новых тюркоязычных государств, которые долгое время находились в составе Российской империи и СССР и «забыли о своих корнях». В частности, Азербайджанская Республика (АР), имеющая исторические, этнокультурные, религиозные связи с ИРИ и ТР, стала полем идеологической борьбы между Анкарой и Тегераном.

Следует отметить, что в своих научных работах ученые уделяли большое внимание внешней политике *Турции* (Аватков, Сбитнева, 2023; Шлыков, 2023; Devocioğlu, 2024; Duran, 2022; Kınık, 2022; Şahin, 2022) и *Ирана* (Ахмедов, 2022; Филин, Кокликов, Ходунов, 2021), а также их отношениям с *Азербайджаном* (Аватков, 2022; Агазаде, 2023; Белов, Савичева, 2021; Гузаеров, 2023; Сажин, 2019; Valiyev, 2021). Отдельно необходимо упомянуть работы, посвященные «*иранскому полумесяцу*» (Сарабьев, 2019; Хазанов, Гасратян, 2021; Чикризова, Ивкина, 2023; Avci, 2023; Barzegar, 2008; Raunic, 2016) и *соперничеству между Тегераном и Анкарой* (Комлева, 2022; Golmohammadi & Markedonov, 2024).

Наряду с военно-политическими и экономическими факторами религиозный, идеологический и этнический факторы занимают особое место в конкуренции между Ираном и Турцией. В этой связи в основе данного исследования лежит конструктивный реализм, учитывающий все вышеперечисленные факторы в совокупности (Barkin, 2010; Lobell, 2017). Кроме того, автор пользовался описательно-аналитическим подходом, собирая

необходимую информацию путем изучения научных работ, документов и материалов СМИ. Метод сравнительного анализа был использован для определения степени влияния соперничества между Ираном и Турцией на внешнеполитическую ориентацию Азербайджана.

«Иранский полумесяц»

Разница между шиизмом и суннизмом, двумя главными направлениями в исламе, во многом основана на том, кто должен был стать халифом после смерти пророка Мухаммеда. Если шииты считают Али ибн Абу Талиба и его потомков настоящими преемниками пророка, то сунниты верят, что Абубакр, Умар и Усман стали халифами на законных основаниях. Убийство Али в 661 г. и его сына Хусейна в 680 г., притеснение шиитов во время правления Омейядов (661–750 гг.) и Аббасидов (750–1258 гг.) создали образ «угнетенных шиитов», и, несмотря на возникновение в разные периоды таких сильных государств, как Фатимидский халифат (909–1171 гг.), государство Кара-Коюнлу (1410–1468 гг.) и Сефевидская империя (1501–1736 гг.), главной религиозной идеологией которых был шиизм, этот образ сохранялся, что превращало шиитов в «оппозиционную силу» внутри ислама, способную к сопротивлению ради самосохранения.

В этом контексте революция 1979 г. в Иране¹ не только оказала серьезное влияние на мусульманский мир в целом, но и стала причиной зарождения «надежды» в сердцах шиитов. А это, в свою очередь, вызвало тревогу в странах с шиитским населением из-за возможного роста сепаратистских настроений среди них (Комлева, 2022, с. 123). Таким образом, шиитский рычаг стал для Ирана одним из главных инструментов реализации его внешнеполитических целей после 1979 г., пройдя четыре этапа эволюции: 1) 1979–1989 гг.;

¹ Иранская революция отличалась от других тем, что если другие революции были направлены на свержение старого и установление нового порядка, то иранская революция, напротив, была направлена на возвращение старого порядка, при котором религиозная аристократия занимала важное место в политической жизни страны.

2) 1990–2002 гг.; 3) 2003–2010 гг.; 4) 2011–2024 гг.

Первый этап запомнился активными попытками иранских властей экспортировать «исламскую революцию», ирано-иракской войной и созданием первых религиозных проиранских сил на Ближнем Востоке, таких как «Хезболла». Хотя во время войны с Ираком в 1980–1988 гг. иранские власти неоднократно пытались использовать в своих интересах шиитское население Ирака, эти попытки не увенчались успехом из-за ограниченного влияния на соседнее государство.

На втором этапе, в частности в первой половине 1990-х гг., иранские власти активно участвовали в создании исламских партий в новых независимых государствах после распада СССР. Например, Тегеран не скрывал своей финансовой поддержки созданной в 1991 г. в Азербайджане Исламской партии, через которую планировал оказывать влияние на общественное мнение АР. Это, в свою очередь, было воспринято азербайджанскими властями как серьезная угроза, в результате чего в 1995 г. деятельность партии была запрещена, а ее лидеры арестованы (Агазаде, 2021, с. 807). В этот период также наблюдались попытки иранских властей пользоваться расколом арабского мира после нападения Ирака на Кувейт.

Если в период правления С. Хусейна Иран не мог использовать «шиитскую силу» в Ираке, то после вторжения в Ирак США и их союзников в 2003 г. это ограничение было полностью снято, что привело к резкому усилению иранского влияния в стране. В этой связи одним из вопросов, вышедших на первый план во внешней политике Ирана на иракском направлении, стали усилия Тегерана по поддержке шиитских групп и их интеграции в политическую систему для реструктуризации Ирака (Авси, 2023, р. 109). В 2004 г. король Иордании Абдалла II ибн Хусейн в своем интервью американской газете «Вашингтон пост» заявил, что может возникнуть «шиитский полумесяц», простирающийся от Ирана до Ирака, Сирии и Ливана, если проиранские партии будут преобладать

в иракском правительстве². После его заявления обсуждение планов Ирана по созданию «шиитского полумесяца» или «шиитской дуги» на Ближнем Востоке стало дискуссионной темой среди ученых, исследующих геополитические процессы в регионе.

Третий этап, охвативший 2003–2010 гг., запомнился усилением позиций Ирана в регионе Ближнего Востока.

На четвертом этапе, начавшемся после «арабской весны» и продолжающемся по сей день, ИРИ удалось расширить свое влияние на Ближнем Востоке. Например, иранские власти не только оказывали политическую поддержку тогдашнему сирийскому президенту Б. Асаду, но и снабжали его власти финансами, военными советниками, в том числе бойцами, доставленными в Сирию из Ирака, Ливана и Афганистана (Ахмедов, 2022, с. 248). Иран также активно действует в Йемене после начала гражданской войны в этой стране, несмотря на то что хуситы изначально не были иранскими прокси-силами. Однако на фоне серьезной поддержки Ирана, в частности военной помощи, хуситы превратились из местной партизанской группировки в более совершенную вооруженную силу и стали проиранскими. При этом йеменские шииты исповедуют зейдитскую доктрину, которая отличается от доктрины джафаритского толка, являющейся официальной государственной религиозной идеологией ИРИ. Однако это различие не является препятствием для того, чтобы Иран помогал им (Хазанов, Гасратян, 2021, с. 115).

На каждом из вышеуказанных этапов иранские власти действовали исходя из ст. 11 Конституции ИРИ. Данная статья, ссылаясь на 92-й аят суры «Аль-Анбия» (Пророки) Корана, гласит, что все мусульмане — это одна община, и политическая идеология ИРИ

² Wright R., Baker P. Iraq, Jordan See Threat to Election from Iran: Leaders Warn Against Forming Religious State // Washington Post. December 8, 2004. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/2004/12/08/iraq-jordan-see-threat-to-election-from-iran/7e0cc1bc-aeb3-447a-bc9e-cfa5499699bc/> (accessed: 21.03.2024).

основана на этом фундаменте³. В этой связи Иран провозгласил себя защитником мусульманского мира перед лицом антиисламских режимов (Paunic, 2016, p. 74) и претендует на роль нового лидера мусульманского мира (Юртаев, 2010, с. 105). Следует также отметить, что иранские власти никогда не отказывались от экспорта «исламской революции» и продолжают проводить такую политику по сей день. Только в зависимости от президентов страны этот курс либо четко проявляется во внешней политике, либо отходит на второй план. Так, если в годы президентства М. Хатами (1997–2005 гг.) и Х. Рухани (2013–2021 гг.) реализовывалась «умеренная внешняя политика», то М. Ахмадинежад (2005–2013 гг.) проводил жесткий внешнеполитический курс, выступая за возврат к революционным ценностям во внешней политике (Sinkaya, 2022, p. 400). Тем самым иранская внешняя политика радикализировалась в период президентства М. Ахмадинежада. Погибший в авиакатастрофе президент И. Раиси (2021–2024 гг.) также следовал такому курсу.

Необходимо подчеркнуть, что в академических кругах ведутся дискуссии о том, реально ли существует «шиитский/иранский полумесяц» или он искусственно сконструирован. Например, Б. Синкая считает, что формирование «шиитского полумесяца» не имеет под собой реальной основы (Sinkaya, 2007, p. 57). По мнению К. Барзегара, известного иранского ученого, учитывая существующие культурно-социальные и исторические различия между персидским и арабским народами, реализация «шиитского полумесяца» почти невозможна, а попытка иранских властей по созданию коалиции дружественных шиитам правительств основана на стратегическом обосновании и является прагматичной, а не идеологической (Barzegar, 2008, p. 87). Такие иранские исследователи, как

Б. Зарками, С. Шоштари и С. Ансари Заде, полагают, что в регионе существует устойчивая шиитская геополитика, однако «шиитский полумесяц» не только является идеологическим вопросом, выдумкой Запада и его региональных союзников на Ближнем Востоке, а создание такого «полумесяца» нереально и утопично (Zarqami, Shoshtari, Ansari Zadeh, 2014, p. 212).

Проанализировав экономический фактор и фактор безопасности на Ближнем Востоке, О.С. Чикризова и Н.В. Ивкина делают заключение, что «шиитского полумесяца» не существует (Чикризова, Ивкина, 2023, с. 102). А.В. Сарабьев, в свою очередь, заявляет, что нет необходимости уделять серьезное внимание «шиитской дуге», поскольку это просто пропагандистская схема, удобная как для Ирана, так и для его противников (Сарабьев, 2019, с. 58).

Ч. Чакмак утверждает, что идея «шиитского полумесяца» приобрела более широкую популярность и признание после начала «арабской весны», и этот полумесяц может стать новой реальностью на Ближнем Востоке (Çakmak, 2015, p. 61). По мнению С. Авджи, Иран поддерживает шиитские группировки, используя различные политические, экономические, культурные и пропагандистские инструменты для сдерживания суннитских государств в регионе, и в этом контексте «шиитский полумесяц» можно считать важным фактором в геополитических процессах на Ближнем Востоке (Avci, 2023, p. 125).

Можно сослаться и на работы других ученых, утверждающих или отрицающих существование «шиитского полумесяца», но несомненным является тот факт, что иранские власти инструментализируют религиозный фактор, а именно шиизм, и эффективно используют его во внешней политике страны. Что же касается «шиитского/иранского полумесяца», то можно рассматривать его с точки зрения ряда факторов.

1. *Военно-политический фактор*. Сегодня Иран имеет прокси-силы в Ливане, Сирии, Ираке и Йемене. Используя их, Тегеран, с одной стороны, пытается противостоят новой периферийной стратегии Израиля,

³ Полный текст Конституции Исламской Республики Иран с поправками [Matne kamile qanune esasi cumhuriye eslamiye Iran hemrah ba eslahat] // Lorestan University. (На персидском языке). URL: https://www.lu.ac.ir/uploads/123456_20436.pdf (accessed: 24.03.2024).

которая в значительной степени направлена против Ирана, а с другой — оказывает влияние на конфигурацию региональной системы безопасности на Ближнем Востоке. Тем самым ИРИ обеспечивает свою национальную безопасность, проводя активную политику в странах «шиитского/иранского полумесяца».

2. Религиозно-идеологический фактор. Наблюдается борьба между шиизмом и суннизмом внутри ислама, на фоне которой Иран, считающий себя лидером шиитского мира (Белов, Савичева, 2021, с. 622), способствует распространению шиитских идеологий джафаритского толка не только на Ближнем Востоке и Южном Кавказе, но и в Африке. Значительная часть населения Азербайджана, Бахрейна, Ирака, Ливана, Йемена и Сирии исповедует шиитский ислам, что позволяет Тегерану иметь «массы», на которые он может влиять.

Так или иначе, Иран проводит активную политику на ливанском, сирийском, иракском, йеменском направлениях, а также имеет возможность влияния на определенную часть населения Азербайджана и Бахрейна. Это и

есть тот самый «шиитский полумесяц». Другими словами, «иранский», или «шиитский полумесяц», — это влияние и/или присутствие Ирана в Ливане, Сирии, Ираке, Азербайджане, Бахрейне и Йемене (рис. 1). Более того, Тегеран использует «иранский полумесяц» как важный элемент, определяющий геополитические интересы страны. Автор данной статьи не пытается вступить в полемику с экспертами, категорично не принимающими термин «иранский полумесяц» или отрицающими такое явление на Ближнем Востоке. Можно назвать иранский фактор в регионе по-другому, не «шиитским» или «иранским полумесяцем», а просто «иранским серпом», но от этого не изменится тот факт, что на Ближнем Востоке существует серьезный иранский геополитический проект. То есть суть дискуссии заключается не в том, какой термин больше подходит для описания ситуации, а в том, что ИРИ имеет серьезные рычаги влияния и давления в регионе. В целом «иранский полумесяц» основан скорее на геополитических, чем на религиозно-идеологических факторах.

Рис. 1. Зона влияния «иранского полумесяца» (Ливан, Сирия, Ирак, Азербайджан, Бахрейн и Йемен)

Источник: составлено М.М. Агазаде на основе карты с сайта sharada.ru. URL: <https://www.sharada.ru/pdf-maps/maps/gruppy-stran/blizhnij-vostok-blankovaja-karta> (дата обращения: 25.04.2024).

Рис. 2. Зона влияния «турецкого полумесяца» (Ливия, Кипр, Сирия, Ирак, Азербайджан, Катар и Сомали)
Источник: составлено М.М. Агазаде на основе карты с сайта sharada.ru. URL: <https://www.sharada.ru/pdf-maps/maps/gruppy-stran/blizhnij-vostok-blankovaja-karta> (дата обращения: 25.04.2024).

«Турецкий полумесяц»

Начиная с 2002 г. Турция, имеющая общее историческое прошлое с государствами Ближнего Востока, не только активнее сотрудничает со странами региона, но и играет особую роль в региональных военно-политических процессах. В результате политики Р.Т. Эрдогана Турция стала одним из ключевых региональных акторов на Ближнем Востоке, способных защитить собственные интересы (Аватков, Сбитнева, 2023).

Учитывая активную политику Турции на Ближнем Востоке и Южном Кавказе, автор вводит термин «турецкий полумесяц»⁴, под которым понимается *влияние и/или присутствие Турции в Ливии, на Кипре, в Сирии, Ираке, Азербайджане, Катаре и Сомали* (рис. 2). Турция имеет военные базы или военно-тренировочные центры во всех вышеуказанных странах.

⁴ Автор данной статьи неоднократно говорил о «турецком полумесяце» в своих выступлениях на научных мероприятиях различного уровня. Этот термин был воспринят учеными с большим интересом.

Политика Турции в отношении Ливии сразу после начала «арабской весны» не была однозначной. В начале гражданской войны в Ливии турецкие власти предпочитали выжидательную позицию, одновременно пытаясь сыграть роль посредника между конфликтующими сторонами. Применение этого подхода во внешней политике во многом было обусловлено политическими взглядами тогдашнего министра иностранных дел Турции А. Давутоглу (2009–2014 гг.) на ливийский конфликт (Uzunöner & Çıkrıkçı, 2023, p. 28). Однако затем Турция поддерживала Переходный национальный совет Ливии, с 2015 г. — Правительство национального согласия, а с 2021 г. — Правительство национального единства. В настоящее время турецкие власти установили контакты и ведут диалог со всеми силами в Ливии⁵.

Политику Турции на ливийском направлении необходимо рассматривать в контексте

⁵ Türkiye — Libya Siyasi İlişkileri // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. URL: <https://www.mfa.gov.tr/turkiye-libya-siyasi-iliskileri.tr.mfa> (accessed: 21.03.2024).

ее стратегии в Восточном Средиземноморье в целом. Следует уделить особое внимание подписанному 27 ноября 2019 г. меморандуму о взаимопонимании между правительством Турецкой Республики и правительством национального согласия Государства Ливия по вопросу о разграничении зон морской юрисдикции в Средиземном море⁶. Что же касается отношений Турции с Правительством национального единства, то между ними подписано 11 меморандумов о взаимопонимании в различных сферах⁷.

Кипр, занимающий стратегически важное расположение в Восточном Средиземноморье, находился под турецким контролем в 1571–1878 гг.⁸ После кипрского кризиса 1974 г. было создано Турецкое федеративное государство Кипра, а в 1983 г. была провозглашена независимость Северного Кипра (Bostancı, 2015, p. 336). В 2011 г. Турция заключила соглашение об установлении исключительной экономической зоны с непризнанной Турецкой Республикой Северного Кипра (Tuna, 2020, p. 75). На Северном Кипре располагается 40-тысячный контингент военнослужащих (Командование турецких миротворческих сил)⁹.

Сирийский конфликт, начавшийся в 2011 г., является одним из основных вопросов, стоящих на повестке дня в региональной и глобальной политике. В начале конфликта турецкие власти поддерживали свержение режима Б. Асада, активно взаимодействуя с оппозиционными силами. Однако с помощью Ирана и России Б. Асаду удалось сохранить власть с 2011 до декабря 2024 г. Кроме

⁶ Türkiye — Libya Siyasi İlişkileri // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. URL: <https://www.mfa.gov.tr/turkiye-libya-siyasi-iliskileri.tr.mfa> (accessed: 21.03.2024).

⁷ Ibid.

⁸ Kıbrıs meselesinin tarihçesi, BM müzakerelerinin başlangıcı // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. URL: <https://www.mfa.gov.tr/kibris-meselesinin-tarihcesi-bm-muzakerelerinin-baslangici.tr.mfa> (accessed: 21.03.2024).

⁹ Ankara adımı ilan etti... İşte Türkiye'nin KKTC'deki askeri gücü // Star. September 30, 2022. URL: <https://www.star.com.tr/guncel/ankara-adimini-ilan-etti-iste-turkiyenin-kktcdaki-askeri-gucu-haber-1739872/> (accessed: 23.03.2024).

того, стратегические приоритеты Турции в Сирии изменились с начала 2016 г. из-за активной политики сирийской курдской партии «Демократический союз» и ее связи с Рабочей партией Курдистана, которая запрещена и считается террористической организацией в Турции (Altunışık, 2020, p. 5). С 2017 г. между Турцией, Россией и Ираном регулярно проводятся встречи в рамках «Астанинского формата» для поддержания режима прекращения огня и обеспечения принятия мер по укреплению доверия между конфликтующими сторонами в Сирии. Следует также отметить, что с 2016 г. турецкая армия провела 5 успешных военных операций на территории Сирии: «Щит Евфрата» (август 2016 г. — март 2017 г.), «Оливковая ветвь» (январь-март 2018 г.), «Источник мира» (октябрь 2019 г.), «Зимний орел» (февраль 2022 г.) и «Коготь-меч» (ноябрь 2022 г.)¹⁰. В результате свержения режима Б. Асада протурецкими силами в декабре 2024 г. Анкара еще больше укрепила свои позиции в Сирии.

Ирак является важным соседом для Турции с точки зрения безопасности, энергетики, торговли и социального взаимодействия. Такие вопросы, как курдская проблема, терроризм, распределение водных ресурсов, энергетические ресурсы и положение туркмен в Ираке, занимают особое место в отношениях между двумя странами. На данный момент еще одним важным направлением в турецко-иракских отношениях является транспортный проект «Путь развития». В ходе официального визита президента Турции Р.Т. Эрдогана в Ирак 22 апреля 2024 г. между двумя странами был подписан меморандум о взаимопонимании по данному проекту¹¹.

До прихода к власти Р.Т. Эрдогана в 2003 г. особого прогресса в турецко-

¹⁰ Türkiye — Suriye Siyasi İlişkileri // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. URL: <https://www.mfa.gov.tr/turkiye-suriye-siyasi-iliskileri-tr.mfa> (accessed: 23.03.2024).

¹¹ Лакстыгал И. Турция вовлекает Катар и ОАЭ в транспортный коридор через Ирак // Ведомости. 23.04.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/04/23/1033649-turtsiya-vovlekaet> (дата обращения: 24.04.2024).

катарских отношениях не наблюдалось. До 2010 г. двусторонние отношения в основном развивались в торгово-экономической сфере, однако с началом «арабской весны» на первый план вышли вопросы безопасности. Новая страница в турецко-катарских отношениях открылась 19 декабря 2014 г., когда был подписан меморандум о взаимопонимании, направленный на укрепление двустороннего военно-оборонного сотрудничества и позволяющий Турции создать военную базу в Катаре (Kınık, 2022, р. 31). В результате Турция открыла свою первую зарубежную военную базу в Катаре в 2015 г. (Шлык, 2023, с. 146).

Турецкий фактор в Катаре усилился в 2017–2020 гг. — в период «катарской блокады». Именно при поддержке Турции была предотвращена попытка переворота в Катаре, что сделало блокаду фактически бессмысленной (Duran, 2022, р. 169). Также необходимо отметить, что за последние 10 лет в рамках деятельности Высшего стратегического комитета Турция — Катар, созданного в 2014 г., подписано более 90 соглашений¹².

Турецко-сомалийские отношения приобрели новый характер после официального визита Р.Т. Эрдогана в Сомали 19 августа 2011 г.¹³ Визит ознаменовал начало крупнейшей зарубежной операции Турции по оказанию помощи, и с тех пор Сомали было предоставлено более 1 млрд долл. США в области гуманитарной помощи и развития¹⁴. В этот период увеличился объем торговли между двумя странами и расширилось сотрудничество в военной сфере и сфере безопасности. Позднее, в 2017 г., была открыта турецкая военно-тренировочная база вблизи Могадишо для обучения и укрепления сомалийской армии (Şahin, 2022). Важным событием

в двусторонних отношениях стало подписание 8 февраля 2024 г. рамочного соглашения об оборонном и экономическом сотрудничестве между странами. Документ охватывает вопросы обороны и безопасности и рассчитан на 10 лет сотрудничества. По условиям данного соглашения между двумя странами будут созданы совместные военно-морские силы, которые в течение 10 лет будут защищать морские территории Сомали и способствовать разработке морских ресурсов (Devecioğlu, 2024, р. 9).

Таким образом, в результате политики, проводимой Турцией при Р.Т. Эрдогане на протяжении последних 20 лет, сформировалась турецкая геополитика на Ближнем Востоке, которую автор данной статьи называет «турецким полумесяцем». «Турецкий полумесяц», с одной стороны, направлен на укрепление позиции Турции в регионе, а с другой — на сдерживание амбиций Ирана. На сегодняшний день иранский и турецкий «полумесяцы» напрямую сталкиваются в Сирии, Ираке и Азербайджане.

Азербайджанский фактор в иранском и турецком «полумесяцах»

Политику ИРИ в отношении АР в рамках «иранского полумесяца» следует проанализировать с точки зрения трех основных факторов.

Этнический фактор

Численность азербайджанских тюрков, проживающих на территории Ирана, составляет около 30 млн человек (Агазаде, 2023, с. 724–725), и после победы Азербайджана во Второй карабахской войне (ВКВ) наблюдается рост политического национализма среди них. Это, в свою очередь, беспокоит иранские власти и вынуждает их учитывать этот фактор в отношениях с Азербайджанской Республикой.

Религиозно-идеологический фактор

Большинство населения Азербайджана исповедует ислам джафаритского толка, являющегося официальной религией ИРИ

¹² Kayağdı Duran Z.H. Türkiye ile Katar pek çok alanda güçlü ilişkilerini koruyor // Anadolu Ajansı. July 18, 2023. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/politika/turkiye-ile-katar-pek-cok-alanda-guclu-iliskilerini-koruyor/2948417> (accessed: 27.03.2024).

¹³ Türkiye — Somali Siyasi İlişkileri // Türkiye Cumhuriyet Dışişleri Bakanlığı. URL: <https://www.mfa.gov.tr/turkiye-somali-siyasi-iliskileri.tr.mfa> (accessed: 27.03.2024).

¹⁴ Ibid.

в соответствии со ст. 12 Конституции¹⁵. Однако следует отметить, что в джафаритском толке существует понятие «таклид», которое возникло в X в., но получило широкое распространение после распада империи Афшаридов в XVIII в. «Таклид» означает, что каждому мусульманину необходимо следовать за авторитетным религиозным ученым. С середины XVIII в. активное использование «таклида» носит исключительно политический характер, так как после распада империи Афшаридов была потеряна территория, простирающаяся от северо-запада Индии до Ирака и Северного Кавказа, которая до вхождения в состав империи Афшаридов была частью Сефевидского Ирана. Чтобы сохранить влияние среди народов «потерянных территорий», с середины XVIII в. религиозная аристократия уделяла особое внимание «таклиду». Данная политика продолжалась в XIX и XX вв., даже во время правления династии Пехлеви (1925–1979 гг.) в Иране, что свидетельствует о важной роли религиозной аристократии в политической жизни Ирана до революции 1979 г.¹⁶ Однако если раньше религиозный фактор использовался иранскими властями в ограниченных условиях, то после прихода религиозной аристократии к власти в Иране в 1979 г. он стал одним из главных внешнеполитических инструментов. Например, начиная с 1990-х гг. иранские власти направляли религиозных деятелей в разные города АР с целью привлечения населения, лояльного именно иранским клерикалам. Поэтому неслучайно, что Азербайджанская Республика стала одной из «первых и основных целей ирано-шиитского внимания» (Сажин, 2019, с. 165).

¹⁵ Полный текст Конституции Исламской Республики Иран с поправками [Matne kamile qanune esasi cumhuriye eslamiye Iran hemrah ba eslahat] // Lorestan University. (На персидском языке). URL: https://www.lu.ac.ir/uploads/123456_20436.pdf (accessed: 24.03.2024).

¹⁶ По сравнению с Ираном, где религиозная аристократия с начала XVI в. по сей день имеет серьезные рычаги влияния во всех сферах жизни страны, в Турции с 1923 г. после провозглашения М.К. Ататюрком Турецкой Республики и до 2003 г., до прихода к власти Р.Т. Эрдогана, религиозная аристократия не оказывала существенного влияния на политическую жизнь страны.

Геополитический фактор

Турция и Израиль имеют тесные связи с Азербайджаном. Для Турции Азербайджан является «мостом» на пути в Центрально-Азиатский регион. В частности, победа Азербайджана в ВКВ в 2020 г. и преобразование Тюркского совета в полноценную Организацию тюркских государств в 2021 г. были оценены Тегераном в качестве угрожающих его национальным интересам вызовов, хотя официальные лица Ирана в своих заявлениях поддерживали Азербайджан и поздравляли его с победой в ВКВ (Филин, Кокликов, Ходунов, 2021, с. 21). В контексте новой периферийной политики Израиля, направленной главным образом против ИРИ, Тель-Авив уделяет особое внимание именно Азербайджану, поскольку значительную часть населения Ирана составляют этнические азербайджанцы. В этой связи Азербайджан воспринимается иранскими властями как «источник угрозы», что время от времени становится причиной напряженности в двусторонних отношениях между АР и ИРИ.

Что касается политики Турции в отношении Азербайджана, то она также должна рассматриваться с учетом трех факторов.

Этнолингвистический фактор

Азербайджанские и анатолийские тюрки относятся к огузской группе тюркоязычных народов, в связи с чем азербайджанский и турецкий языки очень похожи. Более того, вплоть до XVI в. предки нынешних азербайджанских и анатолийских тюрков говорили на одном диалекте. По этому поводу известный современный турецкий историк И. Ортайлы в своем интервью отметил: «Почему мы любим азербайджанский диалект? Потому что он — наша молодость, молодость нашей культуры, нашего языка, а все любят свою молодость»¹⁷. Именно благодаря языковому фактору турецкая «мягкая сила» наиболее эффективно работает в Азербайджане по сравнению с другими направлениями внешней политики Анкары.

¹⁷ Azərbaycanlılar Türk müdür // YouTube. January 13, 2013. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=67xRXPgk-w> (accessed: 01.04.2024).

Религиозно-идеологический фактор

Общее тюркское происхождение, религиозное единство, схожая культура, обычаи и традиции входят в число факторов, определяющих уровень и темп развития турецко-азербайджанских отношений. Особенно ярко тюркская идентичность проявляется в двусторонних отношениях и является краеугольным камнем в укреплении связей между народами двух стран на идеологическом уровне. В отношении Турции и Азербайджана часто используется такая фраза, как «Одна нация — два государства», что свидетельствует о высоком уровне взаимоотношений (Аватков, 2022).

Геополитический фактор

Как уже отмечалось, географическое расположение Азербайджана позволяет ему играть роль «моста» между Турцией и странами Центральной Азии. В частности, после победы Азербайджана в ВКВ в 2020 г. и создания Организации тюркских государств в 2021 г. возросло значение Азербайджана для продвижения интересов Турции в Центральной Азии. В повестке дня появился вопрос о реализации Зангезурского коридора, открытие которого, с одной стороны, обеспечит сухопутное сообщение между Турцией и основной частью Азербайджана, а с другой — придаст импульс развитию многосторонних отношений между членами Организации тюркских государств. Подписав Шушинскую декларацию 15 июня 2021 г., Турция и Азербайджан официально стали военными союзниками (Гузаеров, 2023).

Необходимо отметить, что исторически этнолингвистические и религиозно-идеологические факторы играли ключевую роль во взаимодействии Восточной Анатолии, Южного Кавказа и северо-западной части Ирана. Азербайджанские тюрки, исповедующие джафаритский толк ислама, как и персы, и имеющие общие этнические корни с анатолийскими тюрками, являлись своего рода связующим звеном во взаимодействии между этими двумя народами на протяжении долгого Средневековья. Однако с вхождением в состав Российской империи Южного Кавказа

в начале XIX в. азербайджанские тюрки утратили этот «статус», а после 1991 г., когда Азербайджан обрел независимость, он стал прежде всего ареной религиозно-идеологической борьбы между Турцией и Ираном.

Несмотря на то, что Турция традиционно считается суннитской страной, а Азербайджан — шиитской, этот фактор не только не мешает развитию двусторонних отношений, но и способствует изменению «религиозного климата» в обществе этих стран. Например, за последние 30 лет в Азербайджане идет процесс суннитизации, а в Турции, наоборот, наблюдается процесс шиитизации населения, в частности в Восточной Анатолии. Однако следует отметить, что в шиитизации населения Турции особую роль играют не религиозные деятели Азербайджанской Республики, а этнические азербайджанцы, проживающие в Иране и являющиеся его гражданами. Если для Анкары суннитизация населения Азербайджанской Республики в будущем может оказать серьезное влияние на азербайджанцев, проживающих на территории ИРИ, тем самым усилив позиции Турции внутри Ирана и даже сформировав «пятую колонну», то Тегеран с целью формирования лояльного себе общества в Турции использует своих граждан — этнических азербайджанцев — в шиитизации турецкого населения в силу языкового фактора. Иными словами, именно религиозно-идеологический фактор занимает ключевое место в долгосрочной политике Турции и Ирана в отношении друг друга, а азербайджанский фактор является важным инструментом в реализации их стратегий друг против друга.

Необходимо также подчеркнуть, что после победы Азербайджана в ВКВ наблюдается «геополитическое новолуние» на Южном Кавказе. Под этим термином подразумеваются новые геополитические реалии, сложившиеся в регионе после ВКВ и оказывающие влияние на региональную архитектуру безопасности. Победа Азербайджана в ВКВ не только стала причиной нарушения расстановки сил и изменила геополитическую атмосферу в регионе, но и способствовала

формированию нового, но еще не до конца устоявшегося регионального статус-кво на Южном Кавказе. В этих условиях особое внимание уделяется внутрирегиональным интеграционным процессам, в частности разблокированию всех транспортных сетей на Южном Кавказе.

Результаты и последствия ВКВ заставили Иран пересмотреть свою политику на Южном Кавказе (Golmohammadi & Markedonov, 2024, p. 154). Иран действительно проводит активную политику на Ближнем Востоке, однако его присутствие практически не ощущается на Южном Кавказе из-за сильного турецко-азербайджанского тандема, укрепившегося после подписания Шушинской декларации в 2021 г. и ограниченности ресурсов иранских властей в этом регионе. В частности, отсутствие проиранских прокси-сил на Южном Кавказе является главной причиной того, почему Иран остается вне основных геополитических процессов в данном регионе. Ведь именно благодаря своим прокси в Ливане, Сирии, Ираке и Йемене иранским властям удается вести свою геополитическую «игру» на Ближнем Востоке.

Для Турции ВКВ стала успешным опытом сочетания растущей военной мощи и дипломатических шагов. Вместе с тем победа Азербайджана в этой войне была важна для Турции с точки зрения укрепления ее лидерства в тюркском мире (Valiyev, 2021, p. 13). «Геополитическое новолуние» на Южном Кавказе позволяет турецким властям максимально ограничить влияние Тегерана в азербайджанском звене «иранского полумесяца», а также расширить военно-политические связи со странами Центральной Азии. Более того, новые геополитические реалии создают благоприятные условия для развития торговых и транспортных путей между Турцией и странами Центральной Азии.

Заключение

Таким образом, можно прийти к следующим выводам.

После исламской революции 1979 г. Иран поэтапно расширял свое влияние на Ближнем Востоке. В частности, из-за «арабской весны» появилась историческая возможность изменить систему региональной безопасности на Ближнем Востоке, в которой ИРИ не только играет одну из ключевых ролей, но и претендует на статус лидера региона. Тем самым Тегерану удалось создать «иранский полумесяц», то есть зону влияния на Ближнем Востоке, что региональные и глобальные игроки вынуждены принимать во внимание.

Р.Т. Эрдоган, ставший главой Турции в 2003 г., начал постепенно развивать военно-политические связи со странами Ближнего Востока. Геополитические изменения в регионе после «арабской весны» также позволили Анкаре укрепить свое влияние на Ближнем Востоке. В итоге образовался «турецкий полумесяц» в противовес «иранскому полумесяцу». Кроме того, если Тегеран в странах «иранского полумесяца» использует в основном свои прокси-силы, то Анкара в отличие от своего соперника официально имеет свой контингент в странах «турецкого полумесяца».

Имея исторические, культурные, этнолингвистические и религиозно-идеологические связи с Ираном и Турцией, Азербайджан является важным звеном в столкновении иранского и турецкого «полумесяцев». В этом соперничестве остро проявляется религиозно-идеологическое измерение, являющееся камнем преткновения в азербайджанском сегменте двух «полумесяцев». Учитывая успешную политику турецких властей в отношении Азербайджана, в том числе полноценную поддержку, оказанную Баку до и после ВКВ, можно утверждать, что Иран проиграл Турции в противостоянии за влияние на Азербайджан.

Поступила в редакцию / Received: 29.04.2024
Доработана после рецензирования / Revised: 28.08.2024
Принята к публикации / Accepted: 15.10.2024

Библиографический список

- Аватков В. А. Турция и Азербайджан: одна нация — одно государство? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66, № 2. С. 90–100. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-2-90-100>; EDN: AJIHXH
- Аватков В. А., Сбитнева А. И. Турецкая Республика в преддверии столетия: эра Р.Т. Эрдогана // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2023. Т. 23, № 4. С. 595–608. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-595-608>; EDN: NTHNRR
- Агазаде М. М. Азербайджано-иранские отношения после Второй карабахской войны: особенности и тенденции // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2023. Т. 23, № 4. С. 719–733. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-719-733>; EDN: PLIBUK
- Агазаде М. М. Азербайджано-иранские отношения: основные направления и особенности в 1991–2019 гг. (историографический обзор) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2021. Т. 21, № 4. С. 803–821. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-803-821>; EDN: DVPBOP
- Ахмедов В. М. Религиозные факторы политики Ирана в сирийском кризисе // *Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран*. 2022. № 5. С. 247–255. EDN: UPHQPE
- Белов В. И., Савичева Е. М. Иран и Азербайджан: вызовы безопасности и сотрудничеству // *Постсоветские исследования*. 2021. Т. 4, № 7. С. 615–625. EDN: IZLAYZ
- Гузаеров Р. И. Эволюция турецко-азербайджанских отношений с 1991 по 2023 гг. // *Постсоветские исследования*. 2023. Т. 6, № 8. С. 860–870. EDN: QBXBAK
- Комлева Н. А. «Иранский квадрат» против «турецкого треугольника» // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2022. № 1. С. 116–132. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2022-1-1106>; EDN: KWOIAU
- Сажин В. И. Иран — Азербайджан: азербайджанский вопрос сегодня // *Труды Института востоковедения РАН*. 2019. № 26. С. 157–172. EDN: LBSRJF
- Сарабьев А. В. Ближневосточная «шиитская дуга»: реальная угроза или геополитическая химера? // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2019. Т. 11, № 2. С. 39–64. EDN: RIQIDM
- Филин Н. А., Кокликов В. О., Ходунов А. С. Взгляды иранских политиков и экспертов на вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе в 2020 г. // *Вестник РГГУ. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения*. 2021. № 1. С. 10–22. EDN: NGLKVA
- Хазанов А. М., Гасратян С. М. Роль «шиитского полумесяца» в нынешней ситуации на Ближнем Востоке (2000–2020) // *Россия и мусульманский мир*. 2021. № 4 (322). С. 111–119. EDN: SNHXKY
- Чикризова О. С., Ивкина Н. В. Проблема существования «шиитского полумесяца» на Ближнем и Среднем Востоке: опыт количественного анализа // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2023. Т. 23, № 1. С. 88–104. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-88-104>; EDN: VCNXUU
- Шлыков П. В. Турецкий кульбит. Стратегическое хеджирование — опыт практического применения // *Россия в глобальной политике*. 2023. Т. 21, № 3. С. 142–159. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-3-142-159>; EDN: GJIMNC
- Юртаев В. И. Иран: геополитика и стратегия развития // *Россия и мусульманский мир*. 2010. № 9. С. 103–117. EDN: MUSRKR
- Altunışık M. B. The New Turn in Turkey's Foreign Policy in the Middle East: Regional and Domestic Insecurities. Roma : Istituto Affari Internazionali, 2020.
- Avcı S. İran Dış Politikasında Şii Hilali // *İslam medeniyeti dergisi*. 2023. Vol. 8, iss. 50. P. 107–132. <https://doi.org/10.55918/islammedeniyetidergisi.1209043>
- Barkin J. S. Realist Constructivism: Rethinking International Relations Theory. Cambridge : Cambridge University Press, 2010.
- Barzegar K. Iran and the Shiite Crescent: Myths and Realities // *Brown Journal of World Affairs*. 2008. Vol. 15, no. 1. P. 87–99.
- Bostancı M. Kuzey Kıbrıs Türk Cumhuriyeti'nin ilânı ve buna yönelik tepkilerin Türk kamuoyundaki yankıları // *Tarih Araştırmaları Dergisi*. 2015. Vol. 34, no. 57. P. 317–356. https://doi.org/10.1501/Tarar_0000000608

- Çakmak C.* The Arab Spring and The Shiite Crescent: Does Ongoing Change Serve Iranian Interests? // *The Review of Faith & International Affairs*. 2015. Vol. 13, no. 2. P. 52–63. <https://doi.org/10.1080/15570274.2015.1039299>
- Devecioğlu K.* Türkiye ve Somali: Bölgesel Güvenlikten Ekonomik Kalkınmaya Yeni Bir İş Birliği Yaklaşımı. Ankara : Ortadoğu Araştırmaları Merkezi, 2024.
- Duran B.* Türkiye and the Future of Normalization in the Middle East // *Insight Turkey*. 2022. Vol. 24, no. 2. P. 161–180. <https://doi.org/10.25253/99.2022242.9>
- Golmohammadi V., Markedonov S. M.* How Iran Perceives Turkey's Rise in the South Caucasus // *Russia in Global Affairs*. 2024. Vol. 22, no. 1. P. 152–175. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2024-22-1-152-175>
- Kınık H.* Türkiye'nin çok boyutlu dış politikasına bir örnek: Türkiye Katar ilişkilerinin gelişimi // *Bariş Araştırmaları ve Çatışma Çözümleri Dergisi*. 2022. Vol. 10, no. 1. P. 27–46.
- Lobell S. E.* Structural Realism / Offensive and Defensive Realism // *International Oxford Research Encyclopedia of International Studies*. Oxford: Oxford University Press, 2017. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.304>
- Paunic N.* The Rising Shi'a Crescent: Iranian Smart Power and Implications for the Middle East, Central Asia, and the Persian Gulf // *Carleton Review of International Affairs*. 2016. Vol. 3. P. 70–92. <https://doi.org/10.22215/cria.v3i0.120>
- Şahin M.* Türkiye'nin Somali Politikasının İncelenmesi // *Türkiye Ortadoğu Çalışmaları Dergisi*. 2022. Vol. 9, no. 1. P. 109–147. <https://doi.org/10.26513/tocd.863114>
- Sinkaya B.* İslam Cumhuriyeti'nde dış politika: Çelişkiler ve ikilemler // *İran: Bir ülkenin akademik anatomisi* / ed. by O. Karaoğlu, N. Elhan. İstanbul : İnkılap Kitabevi Yayın Sanayi ve Ticaret AŞ, 2022. P. 389–407.
- Sinkaya B.* Şii Ekseni Tartışmaları ve İran // *Avrasya Dosyası*. 2007. Vol. 13, iss. 3. P. 37–63.
- Tuna F.* Türk Dış Politikasında Realist Yaklaşım: Türkiye'nin Doğu Akdeniz ve Libya Politikası // *Uluslararası Hukuk ve Sosyal Bilim Araştırmaları Dergisi*. 2020. Vol. 2, no. 1. P. 74–87.
- Uzunöner M. E., Çıkrıkçı T.* Türkiye, ABD ve Rusya'nın Libya İç Savaşına Yönelik Politikalarının Karşılaştırmalı Analizi // *Düşünce Dünyasında Türkiz*. 2023. Vol. 14, no. 64. P. 11–56. <https://doi.org/10.59281/turkiz.1205348>
- Valiyev J.* Turkey's South Caucasus Policy After the 44-Day War // *Caucasus Strategic Perspective*. 2021. Vol. 2, iss. 1. P. 11–25.
- Zarqami B., Shoshtari S. J., Ansari Zadeh S.* Shia Geopolitics or Shiite Crescent (Principles, Goals and Approaches) // *Human Geography Research*. 2014. Vol. 46, iss. 1. P. 197–214. <https://doi.org/10.22059/JHGR.2014.50600>

Сведения об авторе:

Агазаде Мирмехти Миркамил оглы — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 5198-7708; ORCID: 0000-0002-5129-5553; e-mail: agazade-mm@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-4-534-544

EDN: LUJMIR

Научная статья / Research article

Проблема формирования внешнеполитической идентичности ГДР в контексте инициатив в Африке в 1960–1980-е гг.

Н.В. Ивкина

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 ivkina-nv@rudn.ru

Аннотация. Рассматривается внешнеполитическая идентичность Германской Демократической Республики (ГДР) в контексте изучения ее политики в странах Африки южнее Сахары. Актуальность темы определяется, прежде всего, тем, что африканский вектор внешнеполитического курса ГДР до сих пор оказывает влияние на современное состояние повестки дня германского государства в исследуемом регионе. Цель исследования — выявление особенностей внешнеполитического курса ГДР в Африке южнее Сахары в контексте трех измерений: нарративного, перформативного и эмоционального. Методологически работа строится на проверке применимости двух альтернативных точек зрения: реалистской/неореалистской и либеральной — к анализу изучаемого предмета, поскольку указанные теории наполняют концепцию внешнеполитической идентичности разными смыслами. Сторонники критической теории, которая также включена в теоретический дискурс исследования, попытались пойти несколько дальше, учитывая роль формирования альянсов для идентичности государства. Научная новизна исследования определяется тем, что большинство работ по идентичности Восточной Германии описывают социологический аспект, тогда как особенности внешнеполитических инициатив остаются за скобками. В качестве базовых методов исследования выбраны историко-хронологический, который позволил не просто изучить динамику отношений между ГДР и отдельными африканскими странами, но и оценить уровень сотрудничества между ними; сравнительно-сопоставительный метод в ряде случаев был актуален для отделения самостоятельной политики ГДР от совместных инициатив с Советским Союзом, а также для сравнения восточногерманских и западногерманских проектов на африканском направлении. Наконец, контент-анализ взаимных визитов между ГДР и африканскими странами помог установить, что рост числа визитов был обусловлен расширением сфер взаимодействия сторон — от преимущественно экономического сотрудничества до координации политики в сфере безопасности. В заключении автор приводит выводы, подтверждающие отдельные теоретические постулаты, заявленные в теоретико-методологической базе исследования, а также дает оценку всем трем измерениям внешнеполитической идентичности ГДР.

Ключевые слова: Африка южнее Сахары, Союз Советских Социалистических Республик, СССР, критическая теория, нарративное измерение, перформативное измерение, эмоциональное измерение внешнеполитической идентичности

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Ивкина Н.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: *Ивкина Н. В.* Проблема формирования внешнеполитической идентичности ГДР в контексте инициатив в Африке в 1960–1980-е гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов.* Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 4. С. 534–544. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-534-544>

The Problem of the GDR's Foreign Policy Identity in the Context of Initiatives in Africa in the 1960s — 1980s

Natalia V. Ivkina

RUDN University, Moscow, Russia Federation

 ivkina-nv@rudn.ru

Abstract. The article is devoted to an examination of the German Democratic Republic's (GDR) foreign policy identity in the context of its policy in Sub-Saharan Africa. The relevance of this topic is primarily determined by the fact that the African vector of the GDR's foreign policy course still influences the current state of the German state's agenda in the region under study. The objective of this study is to identify the characteristics of the GDR's foreign policy course in Sub-Saharan Africa in the context of three dimensions: narrative, performative and emotional. As a theoretical basis, it is proposed to test two alternative points of view, the realist/neorealist and the liberal. These theories imbue the notion of foreign policy identity with diverse meanings, offering researchers the opportunity to test them on historical and relevant cases. Critical theory, which is also included in the theoretical discourse of this work, has tried to go a little further by considering the role of alliance formation for the state identity. The scientific novelty lies in by the fact that most studies on the identity of East Germany describe the sociological aspect, while the specifics of foreign policy initiatives remain outside the brackets. The following research methods were chosen historical and chronological, which allowed not only to study the dynamics of relations between the GDR and individual African countries, but also to assess the level of cooperation between them. In several cases, the comparative method was relevant for breeding the independent policy of the GDR and joint initiatives with the Soviet Union, as well as for comparing East German and West German initiatives. Finally, a content analysis of mutual visits between the GDR and African countries helped to find that the increase in the number of visits was due to the expansion of the areas of interaction between the sides — from primarily economic cooperation to security policy coordination. The author draws conclusions confirming certain theoretical postulates stated in the theoretical and methodological basis of the study and provides an assessment of all three dimensions of the GDR's foreign policy identity.

Key words: Sub-Saharan Africa, Union of Soviet Socialist Republics, USSR, critical theory, narrative dimension, performative dimension, emotional dimension of foreign policy identity

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Ivkina, N. V. (2024). The problem of the GDR's foreign policy identity in the context of initiatives in Africa in the 1960s — 1980s. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(4), 534–544. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-534-544>

Введение

Внешнеполитическая идентичность играет немаловажную роль при формировании приоритетов государства даже в том случае, когда оно обладает всеми необходимыми атрибутами суверенитета. Это напрямую связано с восприятием тех процессов и явлений на мировой политической арене, которые происходят в определенный исторический период. Одновременно понятие

«идентичность» применительно к внешней политике набирает популярность в рамках теоретических исследований различных школ международных отношений.

Теоретико-методологическая база исследования

Уже при формировании больших теорий, таких как реализм и либерализм, уделялось некоторое внимание внешнеполитической

идентичности. В частности, реалистский подход в крайне ограниченной форме, но все-таки признавал влияние идентичности в международных отношениях. Г. Моргентау (Morgenthau, 1948) и Р. Нибур (Niebuhr, 1947) утверждали, что только индивиды способны продемонстрировать идентичность, потому что она связана с моральными аспектами личности. На государственном уровне идентичность может быть присуща только некому «коллективному субъекту», обладающему и реализующему всю полноту власти.

Впоследствии и Дж. Миршаймер (Mearsheimer, 2018), и С. Уолт (Walt, 1987; 1996) как идеологи наступательного и оборонительного реализма также демонстрировали некий скептицизм в вопросе изучения идентичности. Это обусловлено тем, что, как полагает большинство нереалистских теоретиков, внешнеполитическая идентичность призвана приучать государства думать о себе не как об отдельных, исключительных, а следовательно, и суверенных субъектах международных отношений, а как о взаимообусловленных частях большого целого, то есть системы международных отношений (Mearsheimer, 1994, pp. 39–40). В свою очередь, сами реалисты полагают, что такой подход неосуществим ввиду того, что государства, даже желая встроиться в глобальную международную систему, продолжают вести себя как эгоисты.

Либералы, напротив, считают, что способность государственного актора встроиться в глобальное политическое сообщество и найти в нем необходимые для своего внешнеполитического курса атрибуты говорит о нем как об идентичном субъекте, уважающем одновременно как «общие нормы», так и «представления о себе» (Deutsch 1957, p. 36). Представители обеих точек зрения опираются на исторические факты, подтверждающие их правоту и опровергающие мнение оппонентов.

Критическая теория пошла несколько дальше, попытавшись выйти за рамки мира конкуренции в области безопасности и войны, с одной стороны, и создания плюралистического сообщества безопасности — с другой. В рамках этой теории идентичность

государства выражается в возможности формировать собственные дискурсы через стремление к исключительности, опираться на союзы и создавать собственные сферы влияния (Fischer, 1992, p. 430). Все это выступает в качестве неотъемлемых элементов самостоятельного внешнеполитического курса.

Предположение сторонников критической теории о том, что идентичность проявляется не только как представления человека или группы лиц (общества) о самих себе, но и как представления государства о себе, можно проверить на основании изучения внешнеполитического курса актора, чей суверенитет и внешнеполитическая идентичность были подвергнуты сомнению. Внешнеполитическая идентичность в этом случае рассматривается как многомерная модель, состоящая из различных аспектов или усилий (индивидуальных или коллективных), направленных на проведение самостоятельного внешнеполитического курса (Urrestarazu, 2015, p. 135).

В этой связи в статье предлагается исследовать не социальный, а внешнеполитический аспект концепции коллективной идентичности (Doßmann & Niethammer, 2000, p. 19) посредством анализа политики Германской Демократической Республики (ГДР) в отношении стран Африки южнее Сахары после крушения колониальной системы международных отношений (1960–1980-е гг.).

Некоторые исследователи полагают, что ГДР не имела собственной внешнеполитической идентичности из-за того, что была зависима от СССР, в том числе в выработке внешней политики в отношении третьих стран (End, 1973, p. 34). Более того, ряд западных, прежде всего американских, документов свидетельствует о том, что СССР использовал ГДР в своих целях по расширению влияния в странах «третьего мира» и оказанию давления на Западную Европу (Grundt, 1981, p. 595).

Привычная форма изучения идентичности ГДР и Федеративной Республики Германия (ФРГ) — это либо исследование представления «западных» и «восточных» немцев о самих себе, либо оценка «коллективного сознания» (Алленова, аль-Дайни, 2021, с. 48).

**Теоретическое описание изучаемых измерений и их практическая проверка
в контексте реализации внешнеполитического курса ГДР в Африке**

Измерение	Теоретическое описание	Практическая проверка
Нарративное	Интерсубъективное измерение внешнеполитической идентичности: исторически сконструированный набор событий, позволяющий оценить собственное историческое развитие актора в конкретной области	Для исследования этого измерения предлагается выявить значение стран Африки южнее Сахары во внешнеполитическом курсе ГДР. С помощью историко-хронологического метода можно оценить самостоятельные внешнеполитические действия ГДР в регионе
Перформативное	Перформативность заключается в том, что государство в своей внешней политике может одновременно руководствоваться как национальными интересами, проводя самостоятельный внешнеполитический курс, так и интересами «коллективного субъекта», то есть альянса или объединения, в котором состоит это государство	Большинство западных исследователей изучает внешнеполитическую идентичность ГДР в контексте советской политики. Задача перформативного измерения — доказать, что, несмотря на наличие у СССР внешнеполитических задач в рамках сотрудничества Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) и Социалистической единой партии Германии (СЕПГ), Москва помогала Берлину в становлении и развитии внешнеполитической идентичности ГДР, а не ограничивала ее
Эмоциональное	Это измерение учитывает эмоциональное проявление внешнеполитической идентичности, основанное на отношениях между акторами, находящимися в оппозиции друг другу	В контексте этого исследования данное измерение может быть представлено сразу двумя векторами: по линии ГДР — ФРГ и по линии Восток — Запад. С помощью почастотного анализа числа визитов делегаций ГДР в Африку и африканских — в ГДР, а также изучения усилий Восточной Германии по обеспечению безопасности в ряде стран Африки можно доказать, что внешнеполитический курс ГДР строился на принципах содействия национально-освободительной борьбе в африканских странах

Источник: составлено Н.В. Ивкиной.

Так, «Восточная Германия» рассматривалась как альтернатива «Западной Германии». С одной стороны, политика периода холодной войны и разделенной Германии способствовала конкуренции между двумя государствами. С другой стороны, на политическом уровне оба немецких государства определяли себя как «другую» Германию: ГДР считала себя антифашистской прогрессивной альтернативой прозападной Федеративной Республики, а Федеративная Республика рассматривала себя в качестве либерального, демократического и экономически более успешного варианта¹.

¹ Ganzenmüller J. Ostdeutsche Identitäten. Selbst- und Fremdbilder zwischen Transformationserfahrung und DDR-Vergangenheit. Deutschland Archiv // Bundeszentrale für politische Bildung. 24.04.2020. URL: <https://www.bpb.de/themen/deutschlandarchiv/308016/ostdeutsche-identitaeten/#footnote-reference-22> (accessed: 04.04.2024).

Однако социологический подход не дает возможности выявить внешнеполитическую составляющую идентичности ГДР. В этой связи в данном исследовании предлагается анализ внешнеполитического курса ГДР в Африке южнее Сахары для проверки гипотезы о возможности самостоятельной реализации национальных интересов государства.

Для проверки практической реализации теоретических предположений предлагается с помощью ряда количественных и качественных методов выявить нарративное, перформативное и эмоциональное измерения внешнеполитической идентичности ГДР (Urrestarazu, 2015, p. 137) (табл. 1).

Таким образом, проверка реализации каждого из указанных измерений позволит дать представление о внешнеполитической идентичности ГДР.

Страны Африки во внешнеполитическом курсе ГДР

Выбор африканского направления во внешней политике ГДР в качестве предмета исследования обусловлен в первую очередь особым интересом Германии к этому континенту на протяжении всего колониального периода (Ивкина, 2021; 2022). Однако после окончания Второй мировой войны колониальные амбиции разделенной на две части Германии потерпели крах. В научной литературе нет однозначного ответа на вопрос, имели ли ФРГ и ГДР собственные внешнеполитические курсы, но, согласно ст. 6 Конституции ГДР от 1968 г., «страна, верная интересам народа и своим международным обязательствам... проводит внешнюю политику, служащую социализму и миру, международной дружбе и безопасности»². Более того, ГДР взяла на себя обязательство бороться против империализма и его колониального режима³. Все это говорит в пользу того, что в зоне советского влияния у немецкого государства на декларативном уровне был заявлен свой внешнеполитический курс.

Российские исследователи отмечают высокую актуальность исследования политики ГДР в Африке в связи с тем, что и в советской, и в современной российской историографии данная тема представляется «белым пятном» (Лилеев, 2011, с. 38). Более того, следует отметить, что развивающиеся страны Африки южнее Сахары входили в пул интересов ГДР в связи с общей направленностью на антиимпериалистическую борьбу за мир, свободу и социальный прогресс (Rehmer, 1985, p. 22). ГДР активно выражала солидарность со всеми народами, стремящимися к национальному освобождению, боролась против колониализма и любого другого вмешательства во внутренние дела.

1960 г. стал своеобразным катализатором для активизации политики ГДР в Африке. В частности, выступая перед дипломатическим корпусом, глава Государственного

Совета ГДР В. Ульбрихт провозгласил принципы восточногерманского курса в отношении стран Африки. Основным тезисом заключался в том, что политика Восточной Германии должна быть основана на традициях немецкого рабочего класса и немецких гуманистов, которые всегда презирали колониальный гнет и любые формы эксплуатации (Schleicher, 1991, p. 32). Фактические предложения по реализации внешнеполитического курса в регионе включали в себя лозунг «Африка для африканцев», что было прямо противоположно политике ФРГ, которая поддерживала «худшие западные традиции немецких колонизаторов и милитаристов» (Schleicher, 1991, p. 32). Именно на фоне идеологического и политического противостояния с ФРГ стала формироваться политика ГДР в Африке южнее Сахары.

Начало политических контактов ГДР со странами континента было положено 17 ноября 1958 г., когда независимая Гвинея заключила свои первые международные договоры — соглашения с Восточной Германией в сфере торговли и культуры с перспективой обмена представительствами и консульствами⁴. Таким образом, можно было говорить о том, что ГДР в тот момент стала самостоятельным игроком в регионе. Реакция ФРГ на подобные действия была предсказуемой: официальные лица западногерманского государства стали заявлять о своем безусловном праве представлять всех немцев на мировой политической арене. Это объяснялось тем, что в ФРГ правительство избиралось, а в ГДР — навязывалось Советским Союзом. Об этом после избрания неоднократно говорил канцлер ФРГ К. Аденауэр (Morsey, 1991, p. 18).

Такая позиция была отражена также в «доктрине Хальштейна», которая фактически была нацелена на препятствование международному признанию ГДР и в соответствии с которой ФРГ рассматривала любое действие третьих государств по установлению дипломатических или иных отношений с ГДР

² Constitution of the GDR (April 6, 1968) // GHDI. URL: https://ghdi.ghi-dc.org/sub_document.cfm?document_id=79 (accessed: 01.04.2024).

³ Ibid.

⁴ Dokumente zur Außenpolitik der Deutschen Demokratischen Republik 1945–1954. Vol. 1. Berlin: Rutten and Loening, 1954. S. 505–506.

в качестве «недружественного шага»⁵. Исключение составлял только Советский Союз.

Для подкрепления своих позиций на Африканском континенте ФРГ начала открывать свои торговые представительства в Африке (в Алжире, Гане, Ливии, Мали, Марокко, Судане, Тунисе, Замбии), а также генеральные консульства (в Египте, Гвинее, Танзании) (Winrow, 1989, 303). Таким образом, ФРГ прилагала усилия по недопущению обретения ГДР международно-правового суверенитета.

В такой ситуации правительство ГДР было вынуждено проводить более гибкую политику, нацеленную, с одной стороны, на укрепление своих позиций в африканском регионе, а с другой — не ставящую под угрозу только что обретенный суверенитет бывших африканских колоний. Таковую политику некоторые западные исследователи связывают с нежеланием Советского Союза помочь дипломатически признанному им государству развернуть более активные действия в Африке (Winrow, 1989, p. 304).

Однако такая позиция не имеет под собой реальных обоснований, поскольку между министерствами иностранных дел ГДР и СССР в Москве и Берлине на регулярной основе проводились двусторонние консультации по Африке, в том числе по отдельным приоритетным проблемам. Кроме того, на местах посольства ГДР и СССР в основном работали в тесном контакте (Schleicher, 1991, p. 32). Таким образом, обвинения США в адрес СССР в том, что последний помогает ГДР в Африке в обмен на использование восточногерманской территории в качестве плацдарма для реализации своих интересов в Европе, озвученные в одном из докладов (Grundy, 1981, p. 595), также беспочвенны.

В 1980-х — начале 1990-х гг. политика ГДР в Африке становилась все активнее. Председатель Государственного Совета ГДР Э. Хонеккер в 1979 г. совершил большое

африканское турне в Анголу и Мозамбик⁶. В этот период особенно важно было наладить взаимовыгодное торгово-экономическое сотрудничество, так как с 1977 г. в ГДР наблюдался экономический кризис. Визит Э. Хонеккера в эти страны послужил началом отказа сторон в процессе взаимной торговли от иностранной валюты, были начаты крупномасштабные проекты в сельском хозяйстве (создание крупных сельскохозяйственных ферм в Мозамбике площадью до 120 000 га сельскохозяйственных земель)⁷. Во многом за счет реализации совместных проектов африканские страны начали погашать взятые ранее кредиты, а также стали более динамично развиваться, несмотря на позднюю деколонизацию.

В 1989 г. Э. Хонеккер в четвертый раз принимал у себя Х.М. Менгисту, одного из лидеров эфиопской революции. Западные страны расценили это как очередную манипуляцию со стороны Советского Союза. Тесные личные отношения между Э. Хонеккером и Х.М. Менгисту были восприняты как реализация советских амбиций в регионе Африканского Рога. Эфиопия имеет особое стратегическое значение, учитывая ее близость к Суэцкому каналу, а также присутствие США в порту Бербера в соседнем Сомали. Правительство Восточной Германии поощряло дипломатические контакты с Эфиопией, что помогло укрепить присутствие советского блока на Африканском Роге (Winrow, 1988, p. 206).

Однако примечательно, что, во-первых, Э. Хонеккер был единственным восточноевропейским лидером, которого пригласили

⁵ 1955: Die Hallstein-Doktrin // Bundesarchiv Deutschland. 1957. URL: <https://www.bundesarchiv.de/DE/Content/Virtuelle-Ausstellungen/1955-Die-Hallstein-Doktrin/1955-die-hallstein-doktrin.html> (accessed: 09.04.2024).

⁶ Erich Honecker am 20.2.1979 in Lusaka/Sambia // Bundestiftung Aufarbeitung. URL: <https://www.bundestiftung-aufarbeitung.de/de/vermitteln/wissenschaft/promotionsfoerderung-stipendienprogramm/stipendiaten/daniel-lange/ddr-afrika-sport/erich-honnecker-1979-lusaka> (accessed: 29.11.2024).

⁷ „Afrika war für die DDR-Außenpolitik wichtig“. Hans-Joachim Döring im Interview // Mitteldeutscher Rundfunk. 09.01.2018. URL: <https://www.mdr.de/geschichte/ddr/politik-gesellschaft/aussenhandel-afrika-fdj-freundschaftsbrigaden-100.html> (accessed: 09.04.2024).

принять участие в праздновании 10-й годовщины эфиопской революции в Аддис-Абебе; во-вторых, к 1986 г. ГДР успела установить дипломатические отношения практически со всеми странами Африки южнее Сахары, за исключением Королевства Свазиленд⁸, Малави и Южно-Африканской Республики; в-третьих, речь шла не только о политических, но и о торгово-экономических, образовательных и культурных контактах, то есть обо всем, что связывает народы суверенных государств. В этой связи можно говорить о необоснованности утверждений, что политика ГДР в Африке в тот период была направлена исключительно на реализацию устремлений СССР и не имела собственных целей и задач.

Новый этап восточногерманской политики в Африке: проблемы безопасности

Необходимо учитывать, что перечисленные выше дипломатические успехи ГДР в Африке дали государству крайне непросто. Это связано с необходимостью обретения не только политической, но и военно-технической идентичности. В рамках противостояния политике Запада ГДР при поддержке СССР пыталась открыть свои дипломатические представительства в Гвинее, Конго (Браззавиль) и Гане (после свержения К. Нкрумы). Однако единственным реальным успехом в условиях ограничений действий ГДР со стороны «доктрины Хальштейна» оказалось открытие в 1964 г. после объединения Занзибара и Танганьики Генерального консульства в Танзании (Winrow, 1990). Это и дало импульс сначала укреплению положения ГДР в Танзании, а затем и установлению доверия в отношениях с соседними африканскими странами. Во многом благодаря расширению пропагандистской деятельности Восточной Германии, предлагавшей альтернативу западным неокOLONIALНЫМ проектам, в Африке увеличилось количество политических сил, выражающих готовность признать

⁸ С 2018 г. — Королевство Эсватини.

ГДР самостоятельным внешнеполитическим актором. В связи с этим политика ФРГ в контексте «доктрины Хальштейна» к концу 1960-х гг. оказалась фактически бессмысленной. В 1972 г. с подписанием основополагающего договора между ФРГ и ГДР⁹ в рамках Восточной политики западногерманского канцлера В. Брандта доктрина больше не применялась. Хотя ФРГ и не признавала ГДР, она начала закрывать глаза на признание последней третьими странами.

Именно в этот момент формируются собственные интересы ГДР в сфере безопасности в Африке. К 1970-м гг. Восточная Германия насчитывала около 2000 человек военного контингента в Африке, а также еще по меньшей мере 2000 военных советников и техников (Sandvoss, 1985, p. 180). ГДР в основном специализировалась на таких сферах, как подготовка военных для обеспечения безопасности на африканских территориях, связь, строительство аэродромов, развитие портов, работа с пионерскими организациями, военная инженерия и проч. (Winrow, 1990, p. 139). По данным западногерманской газеты *Die Welt*, силы ГДР помогали обеспечивать безопасность в Анголе, Мозамбике, Эфиопии, Гвинее-Бисау, Уганде, Экваториальной Гвинее и Конго (Браззавиль)¹⁰. Как видно, страны, где ГДР пыталась реализовать свои устремления как актора, отвечающего за отдельные сферы безопасности, преимущественно сосредоточены в Юго-Восточной Африке. Это связано с успехом, которого страна достигла в Танзании, и возможностью расширения своей сферы влияния.

С разветвлением сети политических контактов между ГДР и африканскими странами

⁹ Deutsch-deutscher Grundlagenvertrag 1972: Vertrag über die Grundlagen der Beziehungen zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Deutschen Demokratischen Republik // Deutscher Bundestag. 1972. URL: <https://webarchiv.bundestag.de/archive/2005/1115/parlament/geschichte/parlhist/dokumente/dok07.html> (accessed: 11.04.2024).

¹⁰ Die Welt, 1985, Germany, German // Die Welt Internet Archive. April 1, 1985. URL: <https://archive.org/details/DieWelt1985GermanyGerman/Apr%2001%201985%2C%20Die%20Welt%2C%20%2377%2C%20Germany%20%28de%29/page/n7/mode/2up> (accessed: 09.04.2024).

углублялись и сферы сотрудничества. Это подтверждает сравнительный количественный анализ взаимных визитов делегаций из ГДР в Африку и африканских представителей — в ГДР в 1970-х гг. Результаты анализа приведены в табл. 2.

Как видно из приведенных данных, интенсификация отношений, то есть рост числа взаимных визитов между ГДР и африканскими странами, произошла в тот момент, когда стороны стали поднимать вопросы безопасности и Восточная Германия вошла в число акторов, способствующих региональной стабильности. Кроме того, именно с теми странами, с которыми состоялся обмен

визитами, удалось установить и успешно воплотить в жизнь торгово-экономическое сотрудничество: «Восточногерманские экономисты сосредоточили свое внимание на приоритетных странах с социалистической ориентацией, таких как Ангола, Эфиопия, Мозамбик, Сан-Томе и Принсипи для приобретения сырья в том числе в рамках специальных соглашений о бартерной торговле» (Lavigne, 1974, p. 350). К началу 1980-х гг. ГДР импортировала различные виды сырья из Африки: бокситы — из Гвинеи, медь — из Замбии и Зимбабве, какао — из Ганы и Нигерии, кофе — из Анголы (Winrow, 1989, p. 305).

Таблица 2

Сравнительный количественный анализ взаимных визитов делегаций из ГДР в Африку и африканских представителей в ГДР в 1970–1980 гг.

Год	Делегации ГДР в Африку	Делегации из Африки в ГДР	Обсуждение вопросов безопасности
1970	1 (Конго (Браззавиль))	2 (Судан)	Нет
1971	2 (Алжир)	0	Нет
1972	2 (Алжир, Республика Конго)	1 (Республика Конго)	Нет
1973	1 (Республика Конго)	1 (Алжир)	Нет
1974	1 (Алжир)	1 (Танзания)	Нет
1975	0	1 (Ангола)	Да
1976	0	4 (Ангола, Сан-Томе и Принсипи, Сомали)	Да
1977	0	0	
1978	6 (Алжир, Ангола, Республика Конго, Гвинея, Нигерия, Замбия)	3 (Кабо-Верде, Нигерия, Замбия)	Нет
1979	3 (Ангола, Эфиопия, Мозамбик)	8 (Бенин, Гвинея, Гвинея-Бисау, Мозамбик, Танзания)	Нет
1980	0	2 (Гвинея-Бисау, Мозамбик)	Нет

Примечание. Жирным шрифтом выделены страны, делегации которых за один год несколько раз становились принимающей стороной.

Источник: составлено Н.В. Ивкиной по материалам: *Dokumente zur Außenpolitik der Deutschen Demokratischen Republik*. Berlin : Staatsverlag der Deutschen Demokratischen Republik, 1986.

Помимо этого, именно данным странам ГДР на регулярной основе в 1970–1980-х гг. предоставляла финансовую и техническую помощь по линии Комитета солидарности ГДР, составившую около 148 млрд марок (Döring, 2001, p. 209). Это было необходимо для поддержки национально-освободительных движений в странах, готовящихся вступить на путь суверенитета. Так, например, по данным, опубликованным Министерством обороны РФ, в 1980–1985 гг. Мозамбику оказывалась помощь и в подготовке

военных кадров: были обучены 70 военнослужащих сухопутных войск, 62 — военнослужащих воздушных сил, 62 — военнослужащих морских сил, 60 офицеров-политработников и 25 пограничников. Всего за указанный период на Мозамбик из казны ГДР было выделено 277 млн марок, несколько меньше (238 млн) было выделено для Анголы (Платошкин, 2015). Таким образом, можно говорить о самостоятельной инвестиционной военно-технической политике ГДР в Африке. Безусловно, речь шла в основном о тех

странах, которые имели более тесные связи с Советским Союзом, однако это и не может вызывать удивления, поскольку в рамках холодной войны оба государства находились в одном блоке.

Такое усердие ГДР и безусловная поддержка ее начинаний со стороны СССР крайне беспокоили западных политиков и, по всей видимости, не напрасно. Особое недовольство возникало в тот момент, когда успешная политика ГДР подрывала доверие местных африканских властей к ФРГ. В ход пускалась дискредитация восточногерманских усилий в Африке для того, чтобы снизить уровень доверия к стране в частности и к советской политике в целом. Так, например, в 1976 г. в ГДР прибыл командующий полицейскими силами Анголы для встречи со своим коллегой, министром внутренних дел ГДР Э. Эйхарном. После этого визита и достигнутых по его результатам договоренностей Восточная Германия была обвинена в поддержке разведструктуры страны — Директората информации и безопасности Анголы, который, по мнению Запада, проводил массовые репрессии и даже содержал «концентрационные лагеря» (Winrow, 1990, p. 140). Впоследствии в вину ГДР вменяли поддержку «диктаторских режимов» в Гвинее и Уганде, связи с запрещенными в западных странах коммунистическими партиями Судана и Ганы и проч.

Заключение

В политике ГДР в Африке южнее Сахары можно выделить определенную периодизацию, связанную с поиском ГДР своей внешнеполитической идентичности.

Первый период охватывает 1960-е — начало 1970-х гг., когда политика была в основном нацелена на то, чтобы через установление дипломатических отношений с суверенными африканскими странами добиться признания ГДР как самостоятельного игрока в мире.

В 1970-х гг. после отказа ФРГ от «доктрины Хальштейна» (1972 г.) начался второй период, когда ГДР использовала активную политику в Африке для системного

противостояния с ФРГ и борьбы с неокOLONиальной политикой западного видения африканского вектора.

Третий период, длившийся с 1980-х гг. вплоть до объединения Германии, характеризуется более самостоятельным, независимым от внешних обстоятельств внешнеполитическим курсом. Это связано с активизацией политики безопасности, которую ГДР начала проводить в Африке. Однако и в этот момент на политические действия Восточной Германии накладывался отпечаток советской политики «нового мышления», что и привело в результате к потере даже той доли самостоятельности, которая была обретаена.

Возвращаясь к теоретическим основам исследования, отметим следующее. Проверка реалистического, либерального и критического взгляда на внешнеполитическую идентичность показала, что доводы реалистов об эгоистичном поведении государственных акторов в отношении других в процессе обретения идентичности несостоятельны. Исследование позволило выявить, что ГДР крайне аккуратно проводила свой внешнеполитический курс в Африке южнее Сахары, стремясь не навлечь недовольство западных стран на молодые государства. Теоретически это может быть связано с пониманием того, что бывшие европейские метрополии хоть и по большей части в собственных интересах, но были способны в финансовом плане дать африканским странам гораздо больше, чем ГДР.

Тезис либералов оказался более состоятельным: первый и третий этапы восточногерманской политики доказывают, что обретение внешнеполитической идентичности было прочно связано с попыткой ГДР встроиться в формирующуюся политическую и дипломатическую конъюнктуру. Так, на первом этапе отчетливо видно, что основной задачей ГДР было установление дипломатических отношений с зарубежными странами для поддержания легитимности внешнеполитического курса и преодоления идеологических последствий «доктрины Хальштейна». Однако внешнее давление, во многом обусловленное той же самой либеральной политикой стран

Запада, не позволяло ГДР в полной мере развернуть свой внешнеполитический курс.

Что касается критической теории, то проверка кейса политики ГДР в Африке показала, что именно эта теория предлагает наиболее взвешенный взгляд на внешнеполитическую идентичность. Восточная Германия действительно пыталась формировать собственный дискурс в рассматриваемом регионе для укрепления статуса суверенного актора.

Таким образом, подводя итог, необходимо отметить, что практическая проверка всех трех измерений внешнеполитической идентичности дает возможность сделать некоторые выводы.

Анализ нарративного измерения показал, что политика ГДР в Африке развивалась поступательно, с момента обретения африканскими странами независимости. От установления дипломатических отношений с отдельными странами ГДР двигалась в сторону регионального сотрудничества (географически преимущественно странами Юго-Восточной и Западной Африки), а затем уже углубляла сферы взаимодействия вплоть до содействия в обеспечении безопасности.

Перформативное измерение представляется более сложным для изучения. Это связано с тесным сотрудничеством ГДР и СССР и сложностью в разделении, например, помощи странам Африки конкретно со стороны правительства Восточной Германии и совместно с Советским Союзом. Однако рассматривать

содействие СССР развитию внешнеполитического курса ГДР в Африке южнее Сахары как ущемление идентичности нельзя. Наоборот, данные, приведенные в исследовании, говорят о том, что это было взаимовыгодное сотрудничество как в экономическом плане, так и в плане формирования имиджа обеих стран, борющихся с неокOLONIALными устремлениями бывших метрополий. Кроме того, на первых двух этапах становления политики ГДР в Африке СССР вовлекал ее в свои проекты, давая тем самым выход на новый региональный уровень.

Эмоциональное измерение внешнеполитической идентичности ГДР проявлялось наиболее очевидно. ФРГ и ГДР изначально создавались в качестве двух полюсов, западного и восточного, и ничего удивительного, что в рамках реализации политики в Африке они столкнулись с противодействием друг другу. Действительно, многие инициативы Восточной Германии в африканских странах были продиктованы соперничеством (прежде всего идеологическим) с Западной Германией. Данные почастотного анализа визитов показали, что, с одной стороны, факт соперничества ускорил трансформацию внешнеполитического курса ГДР, а с другой — что именно активность ГДР заставляла ФРГ обращаться за помощью к бывшим метрополиям африканских стран, чтобы препятствовать расширению их контактов с Восточной Германией.

Поступила в редакцию / Received: 07.04.2024

Доработала после рецензирования / Revised: 01.10.2024

Принята к публикации / Accepted: 15.10.2024

Библиографический список

- Алленова А. С., аль-Дайни М. А. Внешнеполитическая идентичность современной Германии // *German International Journal of Modern Science*. 2021. № 6. С. 47–50. <https://doi.org/10.24412/2701-8369-2021-6-3-47-50>; EDN: KEDTZS
- Ивкина Н. В. Культурно-гуманитарные отношения Германии и Намибии: опыт преодоления колониализма // *Вестник Омского университета*. Серия: Исторические науки. 2022. Т. 9, № 1. С. 171–181. EDN: AAXSBT
- Ивкина Н. В. Политика Германии в отношении Намибии: попытки преодоления колониализма // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2021. № 3. С. 181–192. <https://doi.org/10.31857/S086919080015020-9>; EDN: UHADNE
- Лилеев И. Л. Германия и Африка: до и после падения стены. Москва : Институт Африки РАН, 2011. EDN: SKZSOJ

- Платошкин Н. Н. Военное сотрудничество ГДР с развивающимися странами Ближнего Востока и Африки // Военно-исторический журнал. 2015. № 10. С. 35–38. EDN: ULQOPD
- Deutsch K. W. Political Community and the North American Area. Princeton : Princeton University Press, 1957.
- Döring H.-J. „Es geht um unsere Existenz“: die Politik der DDR gegenüber der Dritten Welt. Berlin : Links, 1999. URL: https://vertragsarbeit-mosambik-ddr.de/wp-content/uploads/2021/02/Doering_Es-geht-um-unsere-Existenz.pdf (accessed: 01.04.2024).
- Doßmann A., Niethammer L. Kollektive Identität. Heimliche Quellen einer unheimlichen Konjunktur. Hamburg : Rowohlt Verlag, 2000.
- End H. Zweimal deutsche Außenpolitik. Internationale Dimensionen des innerdeutschen Konflikts 1949–1972. Cologne : Verlag Wissenschaft und Politik, 1973.
- Fischer M. Feudal Europe, 800–1300: Communal discourse and conflictual practices // International Organization. 1992. Vol. 46, no. 2. P. 427–466. URL: <https://www.jstor.org/stable/2706859> (accessed: 23.03.2024).
- Grundy K. W. South Africa: Time Running Out. The Report of the Study Commission on U.S. Policy Toward Southern Africa // African Affairs. 1981. Vol. 81, no. 325. P. 595–596. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.afraf.a097469>
- Lavigne M. The Socialist Economies of the Soviet Union and Europe. Bath : Pitman Press, 1974.
- Mearsheimer J. J. The False Promise of International Institutions // International Security. 1994. Vol. 19, no. 3. P. 5–49. <https://doi.org/10.2307/2539078>
- Mearsheimer J. J. The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities. New Haven, CT : Yale University Press, 2018.
- Morgenthau H. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. New York : McGraw-Hill, 1948.
- Morsey R. Die Deutschlandpolitik Adenauers: Alte Thesen und neue Fakten. Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1991.
- Niebuhr R. Moral Man and Immoral Society. New York : Charles Scribner's Sons, 1947.
- Rehmer H. E. H.-J. The Foreign Policy of the German Democratic Republic // Pakistan Horizon. 1985. Vol. 38, no. 4. P. 19–27. URL: <https://www.jstor.org/stable/41394213> (accessed: 01.04.2024).
- Sandvoss F. The German Democratic Republic's Policies in Africa 1983–1984. A Balance Sheet of Losses and Gains // Africa Contemporary Record Journal. 1985. Vol. 17. P. 180–190.
- Schleicher S. G. Die Afrikapolitik der DDR: Versuch einer Nachbetrachtung. Afrika Jahrbuch 1990. Politik, Wirtschaft und Gesellschaft in Afrika südlich der Sahara // Institut für Afrika-Kunde. 1991. S. 32–45.
- Urrestarazu U. S. 'Identity' in International Relations and Foreign Policy Theory // Theorizing Foreign Policy in a Globalized World / ed. by K. E. Jørgensen, G. Hellman. London : Palgrave Macmillan, 2015. P. 126–149.
- Walt S. M. Revolution and War. New York : Cornwell University Press, 1996.
- Walt S. M. The origins of alliances. New York : Cornwell University Press, 1987.
- Winrow G. M. East Germany in Sub-Saharan Africa: A Reassessment // The World Today: Chatham House Review. 1988. Vol. 44, no. 12. P. 205–208.
- Winrow G. M. The Foreign Policy of GDR in Africa. New York : Cambridge University Press, 1990.
- Winrow G. M. The GDR in Africa: A Gradual Disengagement? // Africa Spectrum. 1989. Vol. 24, no. 3. P. 303–314.

Сведения об авторе:

Ивкина Наталья Викторовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 5680-4049; ORCID: 0000-0001-8654-7629; e-mail: ivkina-nv@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-4-545-562

EDN: LUOURN

Научная статья / Research article

Политика балансирования Новой Зеландии между Китаем и США в Индо-Тихоокеанском регионе: нарративы ежегодных отчетов Министерства иностранных дел

Г. Саймонс¹, М.А. Гласер (Кукарцева)²¹Международный университет Даффодил, Дакка, Бангладеш²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация
 gregmons@yahoo.com

Аннотация. В условиях усиления глобальной геополитической нестабильности малые государства уязвимы перед лицом изменений и трансформации системы международных отношений. Они не обладают достаточными ресурсами для адаптации к новой операционной среде рисков и вызовов своей внешней политике и политике безопасности. В этой связи рассмотрено, каким образом малое государство в преследовании своих национальных интересов может использовать имеющиеся у него возможности и минимизировать риски. Растущая геополитическая конфронтация между США и Китаем, особенно в Индо-Тихоокеанском регионе после объявления США политики «поворота к Азии», создает дилеммы для малых государств, расположенных в этом регионе. Изучен кейс Новой Зеландии, чьи нарративы годовых отчетов Министерства иностранных дел и торговли рассмотрены с использованием метода критического нарративного анализа (КНА). Полученные результаты позволили выявить роль различных внутренних и внешних факторов, формирующих подход Новой Зеландии к оптимальному достижению своих внешнеполитических целей в регионе. Среди этих факторов важное место занимают транслируемые во внешний мир либеральные ценности и нормы, а также национальный бренд страны как миролюбивой державы. Отдельно рассмотрено использование Новой Зеландией стратегической двусмысленности в попытках избежать принуждения к отказу от альтернативных издержек, максимизировать свои возможности, распределить риски. Значение стратегической двусмысленности прослежено на примере ее репрезентации экономических отношений с Китаем, политических и военных отношений с США во внешнеполитическом нарративе Новой Зеландии. Сделан вывод, что с ростом напряженности между США и Китаем, вынуждающей малые державы «выбирать» стороны, эта опция для Новой Зеландии постепенно закрывается и страна теряет свою субъектность.

Ключевые слова: безопасность, малые государства, поворот к Азии, стратегическая двусмысленность, порядок, основанный на правилах

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Саймонс Г., Гласер (Кукарцева) М. А. Политика балансирования Новой Зеландии между Китаем и США в Индо-Тихоокеанском регионе: нарративы ежегодных отчетов Министерства иностранных дел // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 4. С. 545–562. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-545-562>

© Саймонс Г., Гласер (Кукарцева) М.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

New Zealand's Foreign Policy Balancing of China and the United States in the Indo-Pacific Region: Narratives from the Ministry of Foreign Affairs Annual Reports

Greg Simons¹ , Marina A. Glaser (Kukartseva)²

¹Daffodil International University, Dhaka, Bangladesh

²HSE University, Moscow, Russian Federation

gregmons@yahoo.com

Abstract. In the context of the evolving international relations system, small states are vulnerable to changes and transformations due to their limited capacity to adapt to the new operational environment of foreign and security policy risks and challenges. Given the increasing global geopolitical instability, including in the Indo-Pacific region in the wake of the United States' Asia Pivot, this article seeks to address how a small state attempts to navigate the opportunities and risks while pursuing its national interest. The growing geopolitical confrontation between the U.S. and China is creating dilemmas for small states. New Zealand is used as a case study with the use of content analysis of text-based narratives from the annual reports of the New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade. The analysis reveals the important role played by various domestic and external factors in shaping New Zealand's approach as it seeks to leverage the best outcome for its aims and goals. Among these factors, the liberal values and norms projected to the outside world and the national brand of the country as a peace-loving power occupy an important place. The foreign policy narrative has thus far employed ambiguity, favouring economic relations with China and political and military relations with the United States to maximise opportunities and spread risks. However, this window is gradually closing with the increased tensions between the U.S. and China, as tensions between the US and China rise, forcing lesser powers to 'choose sides.' In this geopolitical climate, New Zealand's ability to maintain its distinct foreign policy identity is becoming increasingly constrained and the country is losing its subjectivity.

Key words: security, small states, Asia Pivot, strategic ambiguity, rules-based order

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

For citation: Simons, G., & Glaser (Kukartseva), M. A. (2024). New Zealand's foreign policy balancing of China and the United States in the Indo-Pacific region: Narratives from the Ministry of Foreign Affairs annual reports. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(4), 545–562. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-545-562>

Введение

Изучение малых государств является востребованной темой в исследованиях международных отношений, что связано с ростом числа таких государств после завершения холодной войны. В XXI в. малые государства сталкиваются с широким спектром традиционных и нетрадиционных угроз безопасности. Возникающие риски усугубляют сложные и многогранные политические проблемы, которые требуют вовлечения малых государств в уже сформировавшиеся властные отношения на мировой арене, а также инспирируют появление в международных отношениях новых акторов со своим историческим и политическим наследием, а также новыми политическими задачами (Small States and International Security..., 2014). В XXI в. для

государств с ограниченным ресурсным потенциалом и скромными возможностями борьбы с рисками и опасностями возникает множество дилемм и проблем, которых они не могут избежать.

Безопасность малого государства и его способность влиять на среду своей безопасности, определяемую сочетанием набора макро- (физических, этнокультурных, исторических) и микрофакторов (экономика, вооруженные силы, политическая система), соотносится с размером и мощностью другого взаимодействующего с ним международного актора и является относительным и сравнительным показателем, но не абсолютным (Knudsen, 1996).

В данном исследовании в качестве центрального фактора обеспечения безопасности

малого государства рассмотрена геополитическая конкуренция. В сферу геополитики входят не только политические действия и намерения акторов, но и формирование информационного пула репрезентаций и интерпретаций как самих акторов, так и событий, процессов и тенденций, имеющих место в нашем мире, что означает возможность применения к геополитике конструктивистского подхода (Simons, 2022). Геополитическая нестабильность в операционной среде очерчивает различные риски и опасности, особенно для малых государств, которым может не хватать потенциала и возможностей управлять происходящими изменениями и регулировать их так, чтобы адаптироваться к ним.

Новая Зеландия в своих стратегических документах относит себя к числу малых стран¹. А. Джи и Р.Г. Патман отмечают, что, по общепринятому мнению, «малые государства неспособны защитить свои собственные интересы от посягательств более крупных держав в децентрализованной или анархической международной среде» (Gee & Patman, 2021, p. 34). Это касается и Новой Зеландии, которая, однако, не воспринимается как малое государство в рамках Южно-Тихоокеанского региона. В этом контексте Новая Зеландия попала в ловушку стратегической репрезентации существующей геополитической конфронтации между гегемонистским западнцентричным однополярным порядком, возглавляемым США², и противостоящим ему соперником в лице незападнцентричного многополярного порядка, формирующегося в рамках нарратива новой холодной войны³. Региональное измерение

этой ситуации — репрезентация геополитического противостояния США и Китая в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР).

Идея статьи состоит в том, чтобы понять, как Новая Зеландия пытается интерпретировать и репрезентировать эту ловушку в своих стратегических внешнеполитических документах. Ключевой исследовательский вопрос статьи звучит следующим образом: как в нарративах ежегодных отчетов Министерства иностранных дел и торговли Новой Зеландии отражена все более усложняющаяся внешнеполитическая дилемма балансирования отношений с Китаем и США в эпоху усиления стратегической конкуренции и конфликтов?

В статье подробно раскрыта методология исследования, дано объяснение и обоснование теорий, применяемых для анализа проблем обеспечения безопасности малого государства. Затем кратко описана меняющаяся ситуация в среде безопасности Новой Зеландии. Далее исследованы годовые отчеты, публикуемые внешнеполитическим ведомством Новой Зеландии с 2018 г., как иллюстрация внешней политики и политики безопасности Новой Зеландии в отношении Китая. В последнем разделе статьи раскрыты некоторые детали практической реализации китайского трека внешней политики страны. В заключении подведены итоги и сделаны выводы.

Теория и методология исследования

В XXI в. западнцентричный, определяемый США однополярный мировой порядок приходит в относительный упадок⁴. Подобный процесс неизменно приводит к глобальным геополитическим трансформациям. Как отмечают А.-М. Брейди и Б. Тораллссон, «стабильный международный порядок, установившийся после Второй мировой войны, подходит к концу, но новый глобальный

¹ Strategic Intentions 2019–2023 // New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade. 2019. P. 3. URL: https://www.parliament.nz/resource/en-NZ/PAP_91458/942ab1bb69967e20076fa0f309bf691208bd75da (accessed: 10.05.2022).

² Mishra R. Perspectives: ‘Rules-Based’ Order in the Post-Unipolar World // Asialink. URL: <https://web.archive.org/web/20240619101757/https://asialink.unimelb.edu.au/stories/rules-based-order-in-the-post-unipolar-world> (accessed: 10.05.2022).

³ Simons G. West vs. Non-West: A New Cold War? // *Transatlantic Policy Quarterly*. March 1, 2023. URL: <http://transatlanticpolicy.com/article/1175/west-vs-non-west-a-new-cold-war> (accessed: 10.05.2022).

⁴ Biden J. R., Jr. Why American Must Lead Again: Rescuing U.S. Foreign Policy After Trump // *Foreign Affairs*. March/April 2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-01-23/why-america-must-lead-again> (accessed: 10.05.2022).

порядок пока еще неясен. Прежние ожидания возникновения многополярного порядка, характеризующегося сотрудничеством между великими державами, не оправдались. Сейчас мир наблюдает возвращение и политики „кто сильный, тот и прав“ и восстановления сфер влияния» (Brady & Thorhallsson, 2021, pp. 1–2).

Процессы трансформации в нестабильной международной среде особенно опасны для малых государств, учитывая исторически сложившуюся перспективу их использования в качестве пешек в конкуренции великих держав. По мнению А.-М. Брейди и Б. Тораллссона, «малые государства чрезвычайно страдают от глобальных сдвигов в балансе сил, и для защиты своих прав они должны полагаться на международный порядок, основанный на правилах. Безопасность малого государства зависит от стабильности, предсказуемости и совместного решения глобальных проблем» (Brady & Thorhallsson, 2021, p. 2). Однако здесь возникает вопрос: что такое малые государства и каковы их характеристики?

Малое государство в широком смысле можно определить исходя из материальных и количественных характеристик, например как государство, обладающее небольшой территорией, небольшим населением и экономикой, а также ограниченным военным потенциалом и возможностями (Brady & Thorhallsson, 2021). Дж. Хендерсон выделил ряд общих характеристик малых государств:

1) ограниченность ресурсов, что приводит к их незначительному участию в международных делах;

2) узкий круг интересов и вовлеченности в преследование внешнеполитических интересов из-за ограниченности ресурсов;

3) сосредоточение на решении экономических вопросов;

4) склонность полагаться на многосторонние форматы для защиты национальных интересов;

5) малые государства — моралистические по своей природе, но им не хватает средств, чтобы поддержать свою позицию;

б) стремление быть осторожными, чтобы не отпугнуть могущественные государства (Henderson, 1991).

Существуют аргументы за и против полезности использования концептуального термина «малые государства». О. Кнудсен утверждает, что этот концепт следует сохранить, поскольку он полезен как «фокусирующий, а не аналитический инструмент» (Knudsen, 1996, p. 4).

В сфере безопасности малых государств риски и опасности многочисленны и разнообразны в силу пределов и ограниченных возможностей использования такими акторами «жесткой силы», в результате чего они нуждаются в других внешнеполитических средствах. Им необходимо согласовывать свои желания, цели и задачи с более могущественными акторами. К. Арчер, А. Бэйлс и А. Вивел отмечают, что «малые государства склонны проводить прагматичную и реактивную политику безопасности, приспособившись к интересам соседних великих держав и стремясь в первую очередь обеспечить свое собственное выживание» (Small States and International Security..., 2014, p. 3). Способность к адаптации есть механизм выживания малых государств, поэтому им необходимо проявлять гибкость и адаптироваться к международной среде, а не доминировать в ней. По мнению К. Арчера, А. Бэйлса и А. Вивела, «вызовы безопасности малым государствам редко носят системный характер, но обычно возникают в геополитической близости [от них]» (Small States and International Security..., 2014, p. 7). Это влияет на стратегию реагирования и подход малых государств к политике обеспечения своей безопасности.

Фактически такие государства имеют четыре варианта взаимодействия с крупными державами: могут *баланси́ровать* между ними, формируя контрcoalitions, могут *прилкну́ть (bandwagoning)* к одной из них, могут попытаться *«спрятаться»* (что редко удается) или выбрать стратегию *хеджирования*, стремясь определенным образом позиционировать себя между крупными державами (Sussex, 2021, p. 33) Существует также пятый вариант, основанный на теории убежища

(*theory of shelter*), разработанной Центром изучения малых государств Исландского университета (*Small States and Shelter Theory...*, 2019).

В теории убежища выделяются три области, представляющие наибольший интерес для малых государств: политическая, экономическая и социальная (Brady & Thorhallsson, 2021). Предоставляя «убежище», более крупное государство может выдвигать свои условия сотрудничества, такие как отказ малого государства от части прав, суверенитета, свободы маневра и выбора. В то же время принципы координации действий с другими партнерами могут оказаться слишком обременительными для малых государств, противореча их национальной идентичности, стратегической культуре и желаемому имиджу. Все это зачастую приводит к дисбалансу выгод и издержек сотрудничества. Малое государство понимает, что, как только оно перестанет быть полезным для крупных игроков, ему станет непросто защищать свои интересы. Разница в потенциалах делает неизбежным интенсификацию малым государством усилий для поддержания отношений с государством, предоставившим «убежище», но, так или иначе, малое государство всегда оказывается в орбите его интересов на длительное время.

Однако асимметрия сил, а также геополитические цели и интересы более влиятельных международных игроков всегда определяют то, как малые государства реагируют на формирующуюся среду международных отношений. С. Делби считает, что «политическая география может пролить некоторый свет на функционирование силы и на возможности оспаривания, противостояния и подрыва доминирующих представлений о том, как устроен мир» (Dalby, 1993, p. 453). Это, естественно, приводит к необходимости понять, как сила влияет на малые государства и их (не)способность отстаивать свои интересы в международных отношениях.

О. Кнудсен выделяет шесть ключевых переменных неравенства сил, которые, по-видимому, влияют на вероятность того, что малое государство сохранит свою самостоятельность:

1) как ведущие великие державы рассматривают стратегическое значение географического положения малого государства;

2) уровень существующей напряженности между великими державами;

3) на какой стадии властного цикла находится ближайшая к малому государству ведущая великая держава;

4) характер исторического развития отношений между ближайшей великой державой и малым государством;

5) политика малого государства по отношению к соперничающим великим державам;

6) существование многосторонних рамок сотрудничества в сфере безопасности, которые могут стабилизировать неравенство сил (Knudsen, 1996, p. 9).

Ситуация усложняется, когда великие державы присутствуют в том же географическом регионе, что и малое государство, что отодвигает перспективы обеспечения его безопасности. Однако, как справедливо отмечают А. Чонг и М. Маасс, «малые государства ни в коем случае не бессильны» (Chong & Maass, 2010, p. 381), так как они могут проводить более гибкую внешнюю политику, чем среднее или крупное государство, поэтому задача состоит в том, чтобы определить конкретные и нетрадиционные источники их внешнеполитической мощи. Помимо внешних факторов, влияющих на политические реакции, существует ряд внутренних, таких как идеи, идентичность и предпочтения национальной элиты, которые могут способствовать пониманию внешнеполитического поведения малых государств (Gvalia et al., 2013, p. 131).

Также важно различать малое государство и *малую державу*, которая является «государством с ограниченными возможностями удовлетворения собственных потребностей безопасности, но совершенно независимое в своем внешнеполитическом мышлении и способное проецировать значительное или умеренное влияние в определенных регионах» (Köllner, 2021, p. 427). В зависимости от региональной и глобальной расстановки сил малое государство может проводить независимую внешнюю политику, представляя

себя малой державой. Кейс Новой Зеландии является примером воплощения в жизнь этих концептуальных и теоретических рамок.

В этой статье использован метод нарративного анализа для понимания официальных правительственных документов. Структурные нарративные исследования касаются не только содержания нарратива, но также его более широкого контекста и цели (Barthes & Duisit, 1975). Нарративы рассказываются публично для того, чтобы выразить себя или обозначить какой-то аспект своей идентичности (Cortazzi, 1994; Earthy & Cronin, 2008). Нарратив конструирует смыслы, обеспечивая необходимой структурой речи и тексты. Важность нарратива в политике возросла после окончания холодной войны. «Рассказывать свою историю» стало эквивалентом отстаивания и обоснования точки зрения главного героя нарратива. Таким образом, занять позицию главного героя — значит одновременно совершить серьезный политический акт (Partner, 2009, p. 100).

В статье мы исходим из исключительной роли нарратива в репрезентации и интерпретации событий реальности и прибегаем к когнитивному подходу к его исследованию. Такой подход «основан на предположении, что сегменты истории скреплены всеобъемлющей структурой организации сюжета» (Vamberg, 2012, p. 100). Здесь нарратив рассматривается через упорядочивание фактов в повествовании: «*Нарратив — это инструмент для обозначения смысла того мира, в котором мы живем...* Это политическое предприятие, в нем важны не сами события, не то, что происходило непосредственно, а то, что люди *говорят о них*, выявляя сущность событий» (Гласер (Кукарцева), 2021, с. 176).

Одним из способов осмысления государственной политики является использование интерпретативного метода нарративного анализа, основанного на концепциях классической риторики и семиотики. Этот метод позволяет исследователям выявить и продемонстрировать невысказанное, неявное понимание слов и текста (Feldman et al., 2004). Выбор аналитического инструмента, использованного в статье, связан с характером

ключевого исследовательского вопроса и типом искомых данных. К ним применен качественный и критический анализ, необходимый для интерпретации официальных внешнеполитических заявлений новозеландского Министерства иностранных дел и торговли (МИДТ) о его позиции по отношению к Китаю.

Критический дискурс-анализ является чрезвычайно полезным аналитическим инструментом для интерпретации дискурса, позволяющим «признать силу нарратива через распознавание его эмоциональных и аргументативных характеристик» (Forchtner, 2021, p. 305). М. Соуто-Мэннинг предложила сочетать критический дискурс-анализ и нарративный анализ в рамках концепции критического нарративного анализа (КНА) (Souto-Manning, 2014). В ней «нарративный анализ фокусируется на том, как люди через язык придают смысл своему социальному опыту; КНА занимается вопросами роли власти и языка в обществе» (Souto-Manning, 2014, p. 161). КНА можно использовать в качестве инструмента для анализа и интерпретации силы дискурсов, которые исходят от институтов, образующих основу социального конструирования взаимодействующих реалий в политической сфере. Цель этого процесса состоит в том, чтобы избежать ошибок в понимании институциональных дискурсов исключительно буквально.

МИДТ Новой Зеландии — это правительственное ведомство, которое отвечает за внешние связи и реализацию внешнеполитических целей и задач правительства Новой Зеландии, формулируя эти цели и задачи через трансляцию поддерживающих и раскрывающих их нарративов. Ежегодно, начиная с 2018 г., МИДТ публикует годовые отчеты⁵. Символичным стал 2018 г., выпавший на 75-летие создания дипломатической службы Новой Зеландии. Эти отчеты предоставляются Палате представителей, в них раскрывается прогресс в реализации стратегических

⁵ MFAT Annual Reports // New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade. URL: <https://www.mfat.govt.nz/en/about-us/mfat-annual-reports/> (accessed 10.05.2022).

намерений и показателей эффективности МИДТ. На момент написания статьи было опубликовано пять отчетов с результатами выполнения этих показателей.

Меняющаяся политика безопасности Новой Зеландии

Будучи небольшим государством в южной части Тихого океана, Новая Зеландия в обеспечении своей безопасности исторически связана с великими западными державами. Сначала Великобритания, а с 1951 г. — с момента заключения Договора о безопасности между Австралией, Новой Зеландией и США (АНЗЮС) — США были государствами, предоставившими «убежище» для Новой Зеландии⁶. Историческое наследие британского колониального прошлого влияло на внешнюю политику новозеландского государства в начале холодной войны и на ее дрейф в сторону США. Новая Зеландия видела возможность углубления отношений с Вашингтоном прежде всего в экономической и торговой сферах. А. Тидвелл назвал это нишевой стратегией Новой Зеландии как безопасной гавани для свободной торговли (Tidwell, 2021, p. 21). Однако геополитические изменения побудили Новую Зеландию адаптироваться к новым параметрам среды безопасности и искать нового покровителя, который защитил бы ее от нарастающих источников угроз.

Ближе к концу холодной войны, в 1984 г., произошло важное изменение во внешнеполитическом курсе Новой Зеландии, когда правительство закрыло доступ к новозеландским портам для кораблей с атомными силовыми установками и ядерным оружием на борту. Это подорвало возглавляемую США политику ядерного сдерживания и поставило под вопрос членство Новой Зеландии в западной системе военных союзов (Dalby, 1993). Сотрудничество с ней в рамках АНЗЮС было приостановлено.

⁶ The Australia, New Zealand and United States Security Treaty (ANZUS Treaty), 1951 // Office of the Historian. Foreign Service Institute of the U.S. Department of State. URL: <https://history.state.gov/milestones/1945-1952/anzus> (accessed: 28.01.2022).

В первые годы XXI в. страна заявила о своей международной идентичности, основанной на роли «честного посредника» в международных конфликтах (Tow & Parkin, 2007, p. 316; Smith, 2022, p. 323). Однако, несмотря на события 1980-х гг., Новая Зеландия продолжила взаимодействовать с США. По мнению У.Т. Тоу и Р. Паркина, «Новая Зеландия больше не была связана соображениями лояльности альянсу... Тем не менее многие инициативы в области безопасности, исходящие из Веллингтона, в целом соответствуют духу, если не воплощению американской политики безопасности» (Tow & Parkin, 2007, p. 324).

С. Лафлин утверждает, что Новая Зеландия чувствовала себя обязанной поддерживать политику США в Афганистане после терактов 11 сентября 2001 г., публично выступая с единых позиций в борьбе с терроризмом, но за кулисами опасаясь, что ей будет просто отказано в «месте за общим столом», поступи она иначе (Loughlin, 2018). Кроме того, Новая Зеландия никогда не выходила из глобального разведывательного альянса «Пять глаз» (*Five Eyes*), к которому Веллингтон присоединился в 1956 г. В итоге усилиями администраций Хелен Кларк из Лейбористской партии (1999–2008 гг.) и Джона Ки из Национальной партии (2008–2016 гг.) произошло потепление отношений с США. В 2010 и 2012 гг. были подписаны Вашингтонская и Веллингтонская декларации, что свидетельствовало о возобновлении военного сотрудничества между двумя странами⁷.

Тем не менее заявление США в 2012 г. о начале «разворота к Азии» в рамках стратегии сдерживания Китая⁸, а также «поворот

⁷ См.: Wellington Declaration on a New Strategic Partnership Between New Zealand and the United States // U.S. Department of State. November 4, 2010. URL: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2010/11/150401.htm> (accessed: 13.01.2022); Washington Declaration on Defense Cooperation Between the USA and New Zealand // The New Zealand Herald. 2012. URL: <https://media.nzherald.co.nz/webcontent/document/pdf/201225/WASHINGTON%20DECLARATION%20ON%20DEFENSE%20COOPERATION.pdf> (accessed: 13.01.2022).

⁸ Cambell K., Andrews B. Explaining the US 'Pivot' to Asia // Chatham House. August 2013. URL:

России на Восток» и ее идея создания Большой Евразии стали сигналом начала новой эры геополитического соперничества и конфликта великих держав (Glaser (Kukartseva) & Thomann, 2022). Южная часть Тихого океана, естественным образом вовлеченная в эти процессы, является, пожалуй, единственным регионом, где Новая Зеландия рассматривается не как малое государство, а как малая держава со своими интересами. Ее интересы в регионе неизбежно пересекаются с интересами Китая, а в 2018 г., когда «разворот США к Азии» и «поворот России на Восток» приняли завершённую форму, это обстоятельство окончательно переросло в проблему отношений Новой Зеландии с Китаем.

Эта проблема заключается в том, что национальная безопасность Новой Зеландии напрямую зависит от отношений с Китаем — в экономическом измерении Новая Зеландия и Китай имеют много общих экономических интересов. Долгое время основным содержанием китайско-новозеландских отношений была торговля. В 2008 г. Новая Зеландия заключила соглашение о свободной торговле с Китаем, которое предоставило обеим странам множество преференций. В 2022 г. соглашение было обновлено и вступило в силу. К нему были добавлены четыре новые области: электронная коммерция, государственные закупки, окружающая среда и торговля, что позволило Новой Зеландии «создать новые каналы для диалога и политического сотрудничества с Китаем»⁹.

В социетальном отношении статистические расчеты показывают, что, хотя прогнозируемый рост новозеландцев китайского происхождения снизится с 5,3 % в 2018 г. до 1,6 % к 2038 г., их количество останется достаточным, чтобы влиять на внутреннюю

https://kritisches-netzwerk.de/sites/default/files/explaining_the_us_pivot_to_asia_-_kurt_campbell_and_brian_andrews_-_the_asia_group_-_august_2013_-_9_pages_0.pdf (accessed: 13.01.2022).

⁹ FTA Upgrade // New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade. URL: <https://www.mfat.govt.nz/en/trade/free-trade-agreements/free-trade-agreements-in-force/nz-china-free-trade-agreement/fta-upgrade/> (accessed: 26.09.2023).

политику¹⁰. Поэтому Новая Зеландия «стремится запретить крупные иностранные пожертвования политическим партиям и кандидатам и ужесточить требования к раскрытию информации для политической рекламы»¹¹.

В военном измерении некоторые островные государства Тихого океана — экзистенциальной для Новой Зеландии территории — хотели бы укрепить сотрудничество с Китаем, видя в этом возможность не только для собственного экономического развития, но и для обеспечения военной безопасности (The China Alternative..., 2021). Эти государства являются потенциальными территориями для размещения китайских военных баз, так как Китай уже заключил соглашение о стратегическом партнерстве с Восточным Тимором¹² и соглашение о безопасности с Соломоновыми о-вами¹³. При этом следует отметить, что не все инициативы Китая пользуются популярностью, о чем свидетельствуют результаты саммитов США и островных государств Тихого океана в 2022 и 2023 гг., а также то, что «страны Тихоокеанского региона отказались подписать широкое региональное соглашение по экономике и безопасности, предложенное Китаем, после решающей

¹⁰ Forecast of the Annual Population Growth Rate in New Zealand from 2018 to 2038, by Ethnicity* // Statista. May 18, 2017. URL: <https://www.statista.com/statistics/714932/new-zealand-population-growth-rate-forecast-by-ethnicity/> (accessed: 26.09.2023).

¹¹ Chase M. S., Moroney J. D. P. Regional Responses to U.S. — China Competition in the Indo-Pacific: Australia and New Zealand // RAND Corporation. December 17, 2020. P. 17. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR4400/RR4412z1/RAND_RR4412z1.pdf (accessed: 10.05.2022).

¹² Full Text: Joint Statement Between the People's Republic of China and the Democratic Republic of Timor-Leste on Establishing Comprehensive Strategic Partnership // Xinhua. September 23, 2023. URL: <https://english.news.cn/20230923/1875e6d9e27f40bb961b234acd935c60/c.html> (accessed: 10.12.2023).

¹³ Joint Statement on Establishing a Comprehensive Strategic Partnership Featuring Mutual Respect and Common Development for a New Era Between the People's Republic of China and Solomon Islands // Embassy of the People's Republic of China in the Kingdom of Sweden. July 10, 2023. URL: http://se.china-embassy.gov.cn/eng/zgxw_0/202307/t20230711_11111191.htm (accessed: 10.12.2023).

встречи министров иностранных дел стран Тихоокеанского региона и их китайского коллегии»¹⁴. В этой связи у Новой Зеландии имеются основания для беспокойства в контексте традиционных внешнеполитических интересов.

Вместе с тем Новая Зеландия принадлежит к англосфере и имеет строгие обязательства перед своими союзниками, которые в то же время являются стратегическими противниками Китая. Международная и национальная идентичность Новой Зеландии, а также ценности, которые она разделяет, во многом расходятся с китайскими: «Китай придерживается взглядов на права человека и свободу информации, которые контрастируют с теми, что преобладают в Новой Зеландии»¹⁵.

Из-за сложности этой проблемы первоначально позиция Новой Зеландии в области безопасности в контексте глобального подъема Китая отличалась от позиции других либеральных демократий, находящихся в орбите влияния США. Здесь у Веллингтона было особое мировоззрение — он избегал политических разногласий и споров в области политики безопасности из-за своей глобальной идентичности, основанной на образе «маленькой торговой нации» и «хорошего гражданина мира». До того, как Китай стал проблемой для западнцентричного порядка, возглавляемого США, основной вопрос для Новой Зеландии заключался в обеспечении собственной экономической безопасности, что привело к расширению сотрудничества с Китаем, превзошедшего по значимости политическое и военное взаимодействие с США. Однако по мере усиления геополитической конкуренции и конфликта между США и Китаем Новая Зеландия оказалась перед серьезной дилеммой: как сбалансировать свои традиционные связи в области безопасности

с США и быстро растущие торговые связи с Китаем (Steff & Dodd-Parr, 2019). Исследование годовых отчетов МИДТ, отражающих заявления Новой Зеландии о ее позиции по отношению к Китаю, позволяет проследить, как и на каком основании формировался выбор политики Новой Зеландии как малой державы на китайском направлении.

Позиция Новой Зеландии в области политики безопасности в годовых отчетах МИДТ

В первом из докладов министр иностранных дел в 2015–2019 гг. Брук Баррингтон в предисловии отметил, что «служение интересам Новой Зеландии в беспокойные времена зависит от продуманного, ответственного управления и репутации Новой Зеландии как принципиальной страны»¹⁶. Кроме того, он подчеркнул, что Новая Зеландия «опирается на четыре столпа внешней политики для защиты нашего процветания и безопасности: поддержку международной системы, основанной на правилах; участие в международных и региональных органах; использование сети прочных двусторонних отношений; создание диверсифицированного портфеля экспортных рынков»¹⁷.

Эти заявления Б. Баррингтона соответствуют гибриднему внешнеполитическому подходу, ориентированному на решение различных задач безопасности и балансирование интересов и стремлений действующих в регионе великих держав в период заметно усиливающейся геополитической конкуренции и конфликта между США и Китайской Народной Республикой (КНР). С одной стороны, баланс необходим для того, чтобы оставаться активным и последовательным членом политически и жестко ориентированного на обеспечение безопасности западнцентричного альянса, возглавляемого США, а с другой — сохранять открытыми опции

¹⁴ China's Foreign Minister Tells Pacific Leaders 'Don't Be Too Anxious' After They Reject Regional Security Pact // *The Guardian*. May 30, 2022. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/may/30/chinas-foreign-minister-to-meet-with-pacific-nations-amid-push-for-sweeping-regional-deal> (accessed: 10.05.2022).

¹⁵ Strategic Defence Policy Statement 2018 // New Zealand Ministry of Defence. July 6, 2018. P. 17. URL: <https://www.defence.govt.nz/publications/strategic-defence-policy-statement-2018/> (accessed: 01.03.2022).

¹⁶ MFAT Annual Report: 2017–18 // New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade. 2018. P. 2. URL: <https://www.mfat.govt.nz/assets/About-us-Corporate/MFAT-corporate-publications/MFAT-Annual-Report-2018/MFAT-Annual-Report-2017-18.pdf> (accessed: 10.05.2022).

¹⁷ Ibid.

безопасного ведения торговли с Китаем. Это согласуется с наблюдениями А. Джи и Р.Г. Патмана (Gee & Patman 2021), Н. Смита (Smith, 2022) и Дж. Янга (Young, 2017; 2021) о хеджировании Новой Зеландией стратегических союзов (политического — с США и экономического — с Китаем).

В качестве одного из стратегических направлений было выделено дальнейшее развитие формализованных двусторонних торговых отношений с Китаем. Новая Зеландия «провела три раунда переговоров по обновлению Соглашения о свободной торговле с Китаем 2008 г.»¹⁸. В годовом отчете за 2018 г. отмечается, что Новая Зеландия стремилась посредством слов и действий продемонстрировать свою международную идентичность как ответственного члена международного сообщества, заинтересованного в защите его ценностей, что политически и идеологически согласуется с возглавляемым США порядком, основанным на правилах. При этом Новая Зеландия является прагматичной и торгово-ориентированной на Китай страной.

Во втором докладе за 2019 г. Крис Сид, министр иностранных дел в 2019–2023 гг., отметил ухудшение глобальной стабильности, оказавшее влияние на ценности, которые разделяет Новая Зеландия. Выявленные угрозы касались проблем институциональной структуры системы, основанной на правилах, таких как борьба со случаями протекционизма через Всемирную торговую организацию (ВТО), затронувшими экспортный сектор Новой Зеландии¹⁹. Помимо вопроса торговых отношений в центре внимания авторов доклада находилась тема важности для Новой Зеландии западнцентричных международных институтов как регуляторов торго-

экономической среды: «Долгосрочное благополучие новозеландцев зависит от совместной работы международного сообщества по защите общих глобальных ресурсов, продвижению глобальных норм и достижению устойчивого развития»²⁰. Особый акцент сделан на «необходимости» поддержки и продвижения международной системы, основанной на правилах (под руководством США), как фундаментальной основы обеспечения коллективных выгод для сообщества международных акторов²¹.

При этом Новая Зеландия стремится к углублению и диверсификации экономических и торговых связей, в том числе с Китаем²². Также подчеркнуто, что «Новая Зеландия сотрудничает с Китаем в рамках инициативы „Пояс и путь“, что включает визиты в Китай премьер-министра и министра торговли Новой Зеландии и рост экспорта. Официальные лица возобновили переговоры с Китаем по рабочему плану инициативы „Пояс и путь“»²³.

Дилеммы и противоречия, возникающие в результате геополитических трансформаций, показаны не только как риски, но и как геостратегические императивы: «Геополитические изменения делают нашу работу по достижению регионального консенсуса, основанного на правилах, и по формированию норм, которые продвигают наши интересы, еще более важной»²⁴. Здесь внимание акцентировано на роли Новой Зеландии как арбитра или посредника в урегулировании международных противоречий и конфликтов, что является одним из аспектов ее международной политики, культивируемым после окончания холодной войны.

Адаптивный и прагматичный характер внешней политики и политики безопасности Новой Зеландии также создает новые сочетания ценностей и норм во взаимодействии с Китаем: «Новая Зеландия и Китай сотрудничали по основным общим интересам,

¹⁸ MFAT Annual Report: 2017–18 // New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade. 2018. P. 15. URL: <https://www.mfat.govt.nz/assets/About-us-Corporate/MFAT-corporate-publications/MFAT-Annual-Report-2018/MFAT-Annual-Report-2017-18.pdf> (accessed: 10.05.2022).

¹⁹ MFAT Annual Report: 2018–19 // New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade. 2019. P. 2–3. URL: <https://www.mfat.govt.nz/assets/About-us-Corporate/MFAT-corporate-publications/MFAT-Annual-Report-2019/Annual-report-2019-Web-Edition.pdf> (accessed: 10.05.2022).

²⁰ Ibid. P. 6.

²¹ Ibid.

²² Ibid. P. 17.

²³ Ibid. P. 21.

²⁴ Ibid. P. 20.

включая изменение климата и мировую торговую систему. Мы четко обозначили вопросы, по которым у нас есть разногласия, и будем стремиться преодолеть их на основе взаимного уважения»²⁵. Эта цитата относится не только к ценностям и нормам внешнеполитического подхода, которые являются ключом к пониманию идентичности Новой Зеландии, но также подчеркивает, что Новая Зеландия является очень принципиальным членом международного сообщества.

Следующий, третий ежегодный отчет был опубликован в начале пандемии COVID-19, которую К. Сид оценил в духе обострения существующей международной напряженности: «До COVID-19 Новая Зеландия сталкивалась с тревожными глобальными перспективами, омраченными стратегической напряженностью и ослабленным международным порядком. Пандемия создала новые серьезные сложности, а также усугубила эти тенденции»²⁶. Такая оценка глобального геополитического порядка и баланса сил рассматривается как постепенный сдвиг от мирового порядка под руководством США к другой конфигурации, а пандемия породила новые угрозы и вызовы, одновременно усугубив существующие. Обеспокоенность по поводу упадка международного порядка, основанного на правилах, проявляется и в понимании его институтов и кодексов поведения, рассматриваемых в качестве инструментов или механизмов реализации интересов Новой Зеландии: «Укреплять, защищать и использовать международные правила и институты для следования ценностям и интересам Новой Зеландии»²⁷. Новая Зеландия чувствует себя адаптированной к существующей гегемонистской системе международных отношений, которую

ей легче понимать и использовать с максимальной выгодой для себя.

COVID-19 усложнил политику стратегической двусмысленности Новой Зеландии, создав дополнительные сдерживающие факторы и ограничения, такие как нарушение глобальных цепочек поставок. Тем не менее в докладе просматривалась и преемственность в целях, задачах и программах внешней политики и политики безопасности. Некоторые из них оставались актуальными: например, попытки использования региональных и международных институтов основанного на правилах порядка для достижения климатических целей и более свободной международной торговли, что соответствует ключевым ценностям, транслируемым Новой Зеландией, и характеристикам ее международного бренда.

Одной из стратегий во все более сложной операционной среде является построение и использование для достижения своих целей особой внешнеполитической деятельности, основанной в том числе на историческом опыте международного взаимодействия²⁸. Это проявляется в балансировании между партнерством с западными и незападными странами, например в партнерстве с США, где Новая Зеландия поддерживает США и ожидает от них взаимности, в то же время сохраняя «прочное всеобъемлющее стратегическое партнерство с Китаем для реализации выгод, конструктивной работы над взаимными интересами и управления рисками»²⁹. Предполагается, что отношения Новой Зеландии с великими державами будут носить взаимный и симметричный характер.

В четвертом докладе (2021 г.) отмечается, что COVID-19 продолжает усложнять и без того сложную и беспокойную международную обстановку. Риторика, а также многие утверждения и заявления, сделанные в предыдущих годовых отчетах, были повторены и в этом документе. Особенно это касается ценностей и норм порядка, основанного на правилах: «Безопасность и процветание Новой Зеландии обеспечены

²⁵ MFAT Annual Report: 2018–19 // New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade. 2019. P. 37. URL: <https://www.mfat.govt.nz/assets/About-us-Corporate/MFAT-corporate-publications/MFAT-Annual-Report-2019/Annual-report-2019-Web-Edition.pdf> (accessed: 10.05.2022).

²⁶ MFAT Annual Report: 2019–20 // New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade. 2020. P. 2. URL: <https://www.mfat.govt.nz/assets/About-us-Corporate/MFAT-corporate-publications/MFAT-Annual-Report-2020/MFAT-Annual-Report-2019-20.pdf> (accessed: 10.05.2022).

²⁷ Ibid. P. 18.

²⁸ Ibid. P. 45.

²⁹ Ibid.

стабильностью и гарантиями международной системы, основанной на правилах. Эта система строится на отношениях между государствами и регламентируется международным правом, согласованными рамками и многосторонними организациями, такими как Организация Объединенных Наций, ВТО и Всемирная организация здравоохранения»³⁰. Сохранение западного политического порядка, возглавляемого США, остается приоритетом Новой Зеландии, что соответствует ее интересам и выгодам от продолжения существования такой системы. Особое внимание уделяется приверженности Новой Зеландии военному и разведывательному сотрудничеству с прозападными институтами и странами, придерживающимися западноцентричного порядка, основанного на правилах³¹.

Нарратив о важности экспорта и торговли, а также о том, что Новая Зеландия является маленькой и мирной торговой нацией, также занимал видное место. В него было включено упоминание о значении построения торговых отношений с Китаем. Например, за отчетный период было подписано обновленное Соглашение о свободной торговле с Китаем³², вступившее в силу 7 апреля 2022 г.³³

Нарратив пятого отчета, выпущенного в 2022 г., продолжил тему о вызовах порядку, основанному на правилах, а также о проблемах и возможностях, возникающих для Новой Зеландии в этих условиях. В доклад вошло наблюдение за растущей геостратегической напряженностью в ИТР, которая не демонстрирует никаких признаков ослабления. Этим отчасти объясняется участие Новой

Зеландии в созданной в июне 2022 г. организации «Партнеры в голубом Тихом океане»³⁴.

В предисловии к пятому отчету К. Сид подчеркнул культурную и историческую основу внешней политики и идентичности безопасности Новой Зеландии с отсылкой к нормам и ценностям как производным от «уникального бикультурного наследия» страны, которое отражено в принципах Договора Вайтанги³⁵. Эта отсылка акцентирует внимание на роли и влиянии внутренней политики Новой Зеландии, а также исторических и культурных особенностях страны в трансляции бренда и идентичности страны на международном уровне.

Как и в предыдущих отчетах, в документе 2022 г. продолжалась пропаганда защиты и сохранения основанного на правилах порядка и его институтов как средства реализации ценностей и интересов Новой Зеландии³⁶. При этом в упоминании о вступлении в силу соглашения о свободной торговле с Китаем и в подтверждении более тесных экономических связей с США особенно заметен элемент стратегической двусмысленности³⁷.

В докладе 2022 г. также отмечено сближение целей и задач внешней политики в об-

³⁰ MFAT Annual Report: 2020–21 // New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade. 2021. P. 10. URL: <https://www.mfat.govt.nz/assets/About-us-Corporate/MFAT-corporate-publications/MFAT-Annual-Report-2021/MFAT-Annual-Report-2020-21-v2.pdf> (accessed: 10.05.2022).

³¹ Ibid. P. 33–34.

³² Ibid. P. 3.

³³ FTA Upgrade // New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade. URL: <https://www.mfat.govt.nz/en/trade/free-trade-agreements/free-trade-agreements-in-force/nz-china-free-trade-agreement/fta-upgrade/> (accessed: 26.09.2023).

³⁴ Statement by Australia, Japan, New Zealand, the United Kingdom, and the United States on the Establishment of the Partners in the Blue Pacific (PBP) // The White House. June 24, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/24/statement-by-australia-japan-new-zealand-the-united-kingdom-and-the-united-states-on-the-establishment-of-the-partners-in-the-blue-pacific-pbp/> (accessed: 12.07.2022).

³⁵ Соглашение, подписанное представителями Великобритании и вождями народа маори с Северного острова Новой Зеландии 6 февраля 1840 г. в Вайтанги. В соответствии с соглашением территория Новой Зеландии перешла под контроль Великобритании. См.: MFAT Annual Report: 2021–22 // New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade. 2022. P. 4. URL: <https://www.mfat.govt.nz/assets/About-us-Corporate/MFAT-corporate-publications/MFAT-Annual-Report-2021-22.pdf> (accessed 10.05.2022).

³⁶ MFAT Annual Report: 2021–22 // New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade. 2022. P. 12–14. URL: <https://www.mfat.govt.nz/assets/About-us-Corporate/MFAT-corporate-publications/MFAT-Annual-Report-2021-22.pdf> (accessed 10.05.2022).

³⁷ Ibid. P. 17, 41.

ласти безопасности и экономики. Было заявлено стремление «сделать Новую Зеландию активным и неотъемлемым партнером в формировании Индо-Тихоокеанского порядка, обеспечивающего региональную стабильность и экономическую интеграцию»³⁸. Данное утверждение согласуется с тезисом А. Джи и Р.Г. Патмана (Gee & Patman, 2021) о том, что Новая Зеландия скорее является малой державой, а не малым государством. Кроме того, это соответствует последовательному использованию ценностей и норм, а также образу стойкого и ответственного члена международного сообщества в нарративе Новой Зеландии о своей международной идентичности.

Вместе с тем в отчетных документах МИДТ характеризует Новую Зеландию как малое государство, а не как малую державу. Это связано с задачами управления национальным брендом, сохранения репутации и укрепления своей идентичности на международной арене. Новая Зеландия стремится сохранить западный, основанный на правилах порядок под руководством США, политически поддерживая глобальный либерализм и рассматривая Китай как растущую угрозу этому приходящему в упадок глобальному порядку. Однако при этом Новая Зеландия сумела избежать полного сближения с какой-либо из великих держав — США или Китаем (Скрипниченко, Пале, 2017). Это больше соответствует стратегии и поведению малой державы, а не малого государства, что возвращает нас к тезису А. Джи и Р.Г. Патмана (Gee & Patman, 2021, p. 34) о Новой Зеландии как малой державе.

Однако поскольку стратегическая конкуренция между США и Китаем усиливается, пространство для традиционной стратегической двусмысленности Новой Зеландии, которая допускала более независимую внешнюю политику, направленную на решение различных проблем и реализацию интересов безопасности, сужается, сокращая

возможности охранения независимости от геостратегических императивов великих держав. Политические предпочтения и ответы на гегемонистские требования по-разному и ситуативно направляются ключевыми ценностями или интересами.

Связь между декларируемой и реальной политикой Новой Зеландии в отношении Китая

Годовые отчеты МИДТ отражают официальные заявления Новой Зеландии о ее позиции по отношению к Китаю, коррелирующие с принципами внешней политики страны. Качественно разными геополитическими моментами, особенно в контексте американо-китайских отношений, были 2008 и 2018 гг. В 2008 г. уровень конкуренции между великими державами был низким, что давало Новой Зеландии большую свободу действий в выборе более независимого политического курса. В 2018 г. уровень глобальной геэкономической и геополитической напряженности заметно вырос.

В 2018 г. стратегия Новой Зеландии заключалась в расширении и интенсификации двусторонних экономических связей и взаимодействия с Китаем при сохранении политической поддержки со стороны США в эпоху администрации Д. Трампа. В 2019 г. обостряющаяся геополитическая конкуренция между США и Китаем становилась все более заметной, но, как отмечают Р. Стефф и Ф. Додд-Парр (Steff & Dodd-Parr, 2019), а также П. Кёльнер (Köllner, 2021), Новая Зеландия по-прежнему стремилась сбалансировать свои международные связи, разделяя их на политические и экономические.

В 2020–2022 гг. политика стратегической двусмысленности Новой Зеландии в процессе соперничества великих держав стала одним из факторов, которые дали стране возможность участвовать в хеджировании своих союзов в сфере безопасности, включая экономический союз с Китаем, при сохранении политического и военного союза с США (Steff & Dodd-Parr, 2019, p. 109). Поэтому мы считаем, что Новая Зеландия в своей внешней политике действительно отошла от нишевой

³⁸ MFAT Annual Report: 2021–22 // New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade. 2022. P. 20. URL: <https://www.mfat.govt.nz/assets/About-us-Corporate/MFAT-corporate-publications/MFAT-Annual-Report-2021-22.pdf> (accessed 10.05.2022).

политики малого государства, пользующегося большим государством как «убежищем», и перешла к политике хеджирования (Koga, 2018). Хеджирование — это стратегия, подразумевающая отказ от компромиссов, собственных либо балансированию, либо приемыканию. При этом ее очень сложно придерживаться в условиях нестабильной и изменчивой геополитической среды.

По мере роста конкуренции между США и Китаем для таких малых государств, как Новая Зеландия, пространство маневрирования, вероятно, будет сужаться, а возможности для проведения политики нейтралитета или двусмысленности — исчезать. Этот сценарий уже начал реализовываться, что привело к тому, что Новая Зеландия, на которую оказывалось давление с целью ограничить ее тесные экономические связи с Китаем, была вынуждена пересмотреть свою политику в отношении этой страны. Это было отражено в документе «Заявление о стратегии в области обороны и принципах будущего построения вооруженных сил», ключевая идея которого заключается в формировании и адаптации Новой Зеландии к «среде безопасности», что подразумевает «особое внимание поддержке безопасности в Тихоокеанском регионе»³⁹.

Морская безопасность чрезвычайно важна для Новой Зеландии как морской державы. Например, Новая Зеландия запустила проект *P-8A: Eyes on Ohakea*, в рамках которого планируется строительство военной базы в Манавату для противолодочных самолетов *Boeing P-8A Poseidon*. Этот проект укрепляет возможности Новой Зеландии по наблюдению за морской средой, защите рыбных ресурсов в большой исключительной экономической зоне Новой Зеландии, отдаленных районах и вокруг островных государств Тихого океана⁴⁰.

³⁹ Defence Policy Review: Future Force Design Principles 2023 // New Zealand Ministry of Defence. August 4, 2023. URL: <https://www.defence.govt.nz/publications/defence-policy-review-future-force-design-principles-2023/> (accessed: 01.03.2022).

⁴⁰ P-8A Project: Eyes on Ohakea // New Zealand Ministry of Defence. March 29, 2022. URL: <https://www.defence.govt.nz/the-latest/story/p-8a-project-eyes-on-ohakea> (accessed: 01.03.2022).

При этом в отличие от своих американских и австралийских коллег Веллингтон воздерживается от прямой критики политики Китая в регионе⁴¹. Подход Новой Зеландии основан на принципах, которые озвучила Дж. Ардерн, премьер-министр в 2017–2023 гг.: «Мы торговая нация, мы полагаемся на торговлю и предсказуемость людей, применяющих правила, и на справедливое применение правил»⁴². Таким образом, Новая Зеландия стремится избежать последствий, с которыми столкнулась Австралия⁴³, которая резко критиковала Пекин по таким вопросам, как соблюдение прав человека в Гонконге и обращение с уйгурами, а именно — карательных пошлин на более чем дюжину австралийских товаров, включая вино и ячмень.

Корректировка Новой Зеландией своей политики в отношении Китая была «менее прямолинейной, более осторожной и в целом более двусмысленной» (Köllner, 2021, p. 405). Это можно рассматривать как результат влияния нескольких факторов, таких как характер внутренней политики, а также необходимость малым государствам быть гораздо более прагматичными в своих отношениях с более крупными государствами. По мнению П. Кёльнера, «хотя статус малой державы действительно влияет на поведение таких государств, в итоге он не определяет его. Значение имеют выбор и, следовательно, субъектность малых держав» (Köllner, 2021, p. 428). Это особенно актуально и применимо в ситуации, когда более крупные державы пытаются заставить более мелкие принять политическое решение, которое последние не хотят принимать, потому что оно может противоречить их интересам.

⁴¹ New Zealand Says ‘Uncomfortable’ with Expanding Five Eyes // The Star. April 19, 2021. URL: <https://www.thestar.com.my/news/world/2021/04/19/new-zealand-says-039uncomfortable039-with-expanding-five-eyes> (accessed: 01.03.2022).

⁴² NZ Aligned with Principles Not Countries over APEC Divisions — Ardern // RNZ. November 20, 2018. URL: <https://www.rnz.co.nz/news/political/376352/nz-aligned-with-principles-not-countries-over-apec-divisions-ardern> (accessed: 01.03.2022).

⁴³ Edmonstone G. China’s Trade Restrictions on Australian Exports // The United States Studies Centre. April 2, 2024. URL: <https://www.usssc.edu.au/chinas-trade-restrictions-on-australian-exports> (accessed: 10.04.2024).

Вместе с тем Веллингтон осознает, что противостояние США и КНР может подорвать стабильность в южной части Тихого океана. Это касается и деятельности КНР⁴⁴, и политики США, которые наращивают свое военное присутствие не только на своих тихоокеанских территориях, в частности на о. Гуам, но и в других государствах региона.

С учетом роста стратегической напряженности в Южно-Тихоокеанском регионе и необходимости обеспечения субрегиональной безопасности, а также прихода к власти в 2017 г. коалиционного правительства во главе с лейбористами (Iati, 2021) в 2018 г. Новая Зеландия запустила программу «Тихоокеанская перезагрузка» (*Pacific Reset*)⁴⁵. Министр торговли в 2017–2020 гг. Д. Паркер заявил, что новая стратегия Новой Зеландии заключается в том, чтобы выступать в качестве «честного посредника» между Китаем и США⁴⁶. Однако «Тихоокеанская перезагрузка» имплицитно амбивалентна: в Полинезии, главной угрозой для которой являются стихийные бедствия и изменение климата, Новая Зеландия сотрудничает с Китаем, а в Микронезии — с США.

В целом Новая Зеландия сделала некоторые постепенные сдвиги в сторону своих более жестких западных партнеров, включая присоединение к возглавляемой США группе «Партнеры в голубом Тихом океане». Это произошло на фоне расширения военно-политического взаимодействия США с тремя тихоокеанскими государствами: Палау, Маршалловыми о-вами и Микронезией⁴⁷. Все это

свидетельствует о том, что реальная политика страны соответствует ключевым стратегемам, изложенным в годовых отчетах МИДТ. Страна оказалась бы в зоне риска, если бы была вынуждена «выбирать» одну из сторон в геополитическом конфликте великих держав.

Заключение

Во введении к этой статье был поставлен следующий исследовательский вопрос: как в нарративах ежегодных отчетов МИДТ Новой Зеландии отражается все более усложняющаяся внешнеполитическая дилемма балансирования отношений с Китаем и США в эпоху усиления стратегической конкуренции и конфликтов?

Мы ответили на него двумя способами: во-первых, составлением концептуальной и теоретической картины политики безопасности Новой Зеландии и ее сопоставлением с академической литературой о малых государствах, проводящих политику безопасности; во-вторых, сопоставлением слов и действий лиц, определяющих политику, и практических результатов в решении вопросов безопасности Новой Зеландии.

Уязвимость малых государств перед лицом изменений и трансформации международной системы была общим и повторяющимся нарративом в ежегодных отчетах МИДТ. Во всех докладах имеются многочисленные отсылки к безотлагательности и необходимости поддержания международной системы, основанной на правилах, связанной с возглавляемым США западнцентричным порядком. Из нарратив-анализа годовых отчетов следует, что Новая Зеландия соответствует всем шести критериям малого государства. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость придерживаться достаточно гибкого и адаптивного подхода к международным отношениям для снижения рисков. Требуется умелое балансирование и осторожность. В свою очередь, это также формирует прагматичный и реактивный подход Новой Зеландии к великим державам, служащий

⁴⁴ Strategic Defence Policy Statement 2018 // New Zealand Government. July 6, 2018. P. 17, 24. URL: <https://www.defence.govt.nz/publications/strategic-defence-policy-statement-2018/> (accessed 01.03.2022).

⁴⁵ New Zealand in the Pacific // New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade. November 14, 2018. URL: <https://www.mfat.govt.nz/en/media-and-resources/new-zealand-in-the-pacific> (accessed: 01.03.2022).

⁴⁶ Novak C. New Zealand's Chin Reset? // The Strategist. December 20, 2018. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/new-zealands-china-reset/> (accessed: 01.03.2022).

⁴⁷ Razdan K. US Senate Passes Funds for Pacific Island Nations After Congressional Delays // SCMP. March 9, 2024. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/>

[article/3254773/us-senate-passes-funds-pacific-island-nations-after-congressional-delays](https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3254773/us-senate-passes-funds-pacific-island-nations-after-congressional-delays) (accessed: 01.02.2024).

средством ее выживания. Теоретически это согласуется с результатами предыдущих исследований о том, что география влияет на то, какую свободу действий и пространство для маневра может иметь малое государство в своих отношениях с более крупными державами, особенно в условиях близости малого государства к зоне разногласий и конфликтов последних. Учитывая, что расположение Новой Зеландии относительно удалено от ключевых стратегических точек ИТР, она имеет определенный уровень свободы, который недоступен, например, малым государствам в Южно-Китайском море. И, наконец, как отмечалось в предыдущих научных исследованиях, быть малым государством не означает абсолютного бессилия, если оно реализует инновационную и адаптационную стратегию, которой и придерживается Новая Зеландия.

В нарративах годовых отчетов МИДТ прослеживается очевидная последовательность в том, как Новая Зеландия реагирует на меняющуюся геополитическую среду, а также на инспирированные этими изменениями проблемы и возможности. Позиция Новой Зеландии в области внешней политики и политики безопасности, как следует из ежегодных отчетов МИДТ, подчеркивает реактивный подход, который ориентирован на то, чтобы не вызывать антагонизм или отчуждение ни одной из великих держав (США и Китая). При достижении этой цели Новая Зеландия в политическом и военном отношении стратегически ориентируется на основанный на правилах порядок под руководством США, а в экономическом — на Китай.

Новая Зеландия, как и многие малые государства, подчеркивает значимость роли и функций ценностей и норм в обеспечении своей безопасности. В нарративах отчетов четко прописаны наборы ценностей и норм, которые формируют международный бренд Новой Зеландии как заинтересованного и ответственного игрока в международных отношениях, который стремится быть «силой добра» в условиях растущей турбулентности и нестабильности геополитической среды. Основной мотивацией этой позиции является

желание использовать «мягкую силу» для воздействия на великие державы в логике самих великих держав, признающих и вознаграждающих «добрые» дела. Заявленным геостратегическим императивом для Новой Зеландии является сохранение международной институциональной политической и военной архитектуры основанного на правилах мирового порядка, поскольку такая архитектура рассматривается политиками как выгодная для страны, обладающей идентичностью независимой малой торговой нации. Посягательство на эту систему мирового порядка рассматривается Новой Зеландией как прямая угроза интересам ее безопасности.

Еще одним важным фактором является роль внутренней политики и истории страны в формировании ценностей и норм ее международного бренда и идентичности, а также история дипломатии и взаимодействия с великими державами, что определяет качественный характер нынешних и будущих отношений Новой Зеландии с другими державами.

Отвечая на ключевой вопрос статьи, мы делаем вывод, что необходимость застраховаться от асимметрии проекции силы в ходе противостояния США и Китая в центре ИТР прямо или косвенно затрагивает все малые государства региона. Новая Зеландия из всех пяти возможных стратегий малых государств реализует стратегию хеджирования. Ее инструментами являются стратегическая двусмысленность, прагматичный подход к отношениям с великими державами, позиционирование себя как малой державы региона.

Таким способом Новая Зеландия поддерживает оптимальный внешнеполитический баланс интересов. Основная причина такой позиции Новой Зеландии заключается в том, что страна является получателем безопасности, а не ее поставщиком: Китай обеспечивает ее экономическую безопасность, а США — политическую и военную. Из этого проистекает очевидная дилемма и противоречие в стремлении Новой Зеландии сохранить институты и систему основанного на правилах порядка при одновременном желании расширить торговые связи с Китаем.

В этом заключается особенность поведения Новой Зеландии по отношению к Китаю на международной арене.

Однако каковы будущие перспективы продолжения Новой Зеландией политики хеджирования, стратегической двусмысленности и отказа от принятия чьей-либо стороны во все более напряженной конкуренции великих держав — США и Китаем? Момент, когда этот «выбор» будет вынужденным, может наступить сравнительно скоро, учиты-

вая существующие сегодня траектории изменений в глобальной безопасности. По мере усиления стратегической конкуренции между США и Китаем пространство для традиционной политики стратегической двусмысленности Новой Зеландии, очевидно, сузится, а «окно возможностей» сохранения независимости от геостратегических императивов великих держав, напротив, закроется. Это грозит превратить страну в объект, а не субъект международных отношений.

Поступила в редакцию / Received: 05.05.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 07.12.2023
Принята к публикации / Accepted: 15.10.2024

Библиографический список

- Гласер (Кукарцева) М. А. Исследования по философии истории, политики, безопасности : в 3 т. Т. 1: Философия истории и историческая наука. Москва : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2021. EDN: ZCRCOP
- Скрипниченко А. В., Пале С. Е. Актуальные проблемы Новой Зеландии в начале XXI века // Экономические отношения. 2017. Т. 7, № 2. С. 191–198. <https://doi.org/10.18334/eo.7.2.37983>; EDN: ZHLEBL
- Bamberg M. Narrative Analysis // APA Handbook of Research Methods in Psychology. Vol. 2: Research Designs: Quantitative, Qualitative, Neuropsychological, and Biological / ed. by H. Cooper, P. M. Camic, D. L. Long, A. T. Panter, D. Rindskopf, K. J. Sher. Washington, DC : American Psychological Association, 2012. P. 85–102. <https://doi.org/10.1037/13620-006>
- Barthes R., Duisit L. An Introduction to the Structural Analysis of Narrative // New Literary History. 1975. Vol. 6, no. 2. P. 237–272.
- Brady A.-M., Thorhallsson B. Small States and the Turning Point in Global Politics // Small States and the New Security Environment / ed. by A.-M. Brady, B. Thorhallsson. Cham, Switzerland : Springer, 2021. P. 1–11. https://doi.org/10.1007/978-3-030-51529-4_1
- Chong A., Maass M. Introduction: The Foreign Policy Power of Small States // Cambridge Review of International Affairs. 2010. Vol. 23, no. 3. P. 381–382. <https://doi.org/10.1080/09557571.2010.505131>
- Cortazzi M. Narrative Analysis // Language Teaching. 1994. Vol. 27, no. 3. P. 157–170. <https://doi.org/10.1017/S0261444800007801>
- Dalby S. The ‘Kiwi Disease’: Geopolitical Discourse in Aotearoa/New Zealand and the South Pacific // Political Geography. 1993. Vol. 12, no. 5. P. 437–456. [https://doi.org/10.1016/0962-6298\(93\)90012-V](https://doi.org/10.1016/0962-6298(93)90012-V)
- Earthy S., Cronin A. Narrative Analysis // Researching Social Life / ed. by N. Gilbert. London : Sage Publications Ltd, 2008. P. 420–439.
- Feldman M. S., Sköldbeg K., Brown R. N., Horner D. Making Sense of Stories: A Rhetorical Approach to Narrative Analysis // Journal of Public Administration Research and Theory. 2004. Vol. 14, no. 2. P. 147–170. <https://doi.org/10.1093/jopart/muh010>
- Forchtner B. Introducing ‘Narrative in Critical Discourse Studies’ // Critical Discourse Studies. 2021. Vol. 18, no. 3. P. 304–313. <https://doi.org/10.1080/17405904.2020.1802765>
- Gee A., Patman R. G. Small State or Minor Power? New Zealand’s Five Eyes Membership, Intelligence Reforms, and Wellington’s Response to China’s Growing Pacific Role // Intelligence and National Security. 2021. Vol. 36, no. 1. P. 34–50. <https://doi.org/10.1080/02684527.2020.1812876>
- Glaser (Kukartseva) M., Thomann P.-E. The Concept of “Greater Eurasia”: The Russian “Turn to the East” and Its Consequences for the European Union from the Geopolitical Angle of Analysis // Journal of Eurasian Studies. 2022. Vol. 13, no. 1. P. 3–15. <https://doi.org/10.1177/18793665211034183>; EDN: IUZCAC
- Gvalia G., Siroky D., Lebanidze B., Iashvili Z. Thinking Outside the Bloc: Explaining Foreign Policies of Small States // Security Studies. 2013. Vol. 22, no. 1. P. 98–131. <https://doi.org/10.1080/09636412.2013.757463>
- Henderson J. New Zealand and the Foreign Policy of Small States // Beyond New Zealand II: Foreign Policy into the 1990s / ed. by R. Kennaway, J. Henderson. Auckland : Longman Paul, 1991. P. 3–13.

- Iati I.* China's Impact on New Zealand Foreign Policy in the Pacific: The Pacific Rese // *The China Alternative: Changing Regional Order in the Pacific Islands* / ed. by G. Smith, T. Wesley-Smith. Canberra : ANU Press, 2021. P. 143–166. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1h45mkn.8>
- Knudsen O. F.* Analysing Small-State Security: The Role of External Factors // *Small States and Security Challenge in the New Europe* / ed. by W. Bauwens, A. Clesse, O. F. Knudsen. London, Washington DC : Brassey's, 1996. P. 3–20.
- Koga K.* The Concept of “Hedging” Revisited: The Case of Japan's Foreign Policy Strategy in East Asia's Power Shift // *International Studies Review*. 2018. Vol. 20, no. 4. P. 633–660. URL: <https://academic.oup.com/isr/article/20/4/633/4781685> (accessed: 18.04.2023).
- Köllner P.* Australia and New Zealand Recalibrate Their China Policies: Convergence and Divergence // *The Pacific Review*. 2021. Vol. 34, no. 3. P. 405–436. <https://doi.org/10.1080/09512748.2019.1683598>
- Loughlin S.* Towards a Critical Discourse Analysis of New Zealand Security Policy in Afghanistan // *Kōtuitui: New Zealand Journal of Social Sciences Online*. 2018. Vol. 13, no. 2. P. 271–284. <https://doi.org/10.1080/1177083X.2018.14914>
- Partner N.* Narrative Persistence: The Post-Postmodern Life of Narrative Theory // *Re-Figuring Hayden White* / ed. by F. Ankersmit, E. Domańska, H. Kellner. Redwood City : Stanford University Press, 2009. P. 81–104. <https://doi.org/10.1515/9780804776257-008>
- Simons G.* ‘Inevitable’ and ‘Imminent’ Invasions: The Logic Behind Western Media War Stories // *Journal of International Analytics*. 2022. Vol. 13, no. 2. P. 43–58. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-2-43-58>; EDN: DWJBFK
- Small States and International Security: Europe and Beyond* / ed. by C. Archer, A. J. K. Bailes, A. Wivel. London : Routledge, 2014.
- Small States and Shelter Theory: Iceland's External Affairs* / ed. by B. Thorhallsson. New York : Routledge, 2019. <https://doi.org/10.4324/9780429463167>
- Smith N. R.* New Zealand's Grand Strategic Options as the Room for Hedging Continues to Shrink // *Comparative Strategy*. 2022. Vol. 41, no. 3. P. 314–327. <https://doi.org/10.1080/01495933.2022.2057748>
- Souto-Manning M.* Critical Narrative Analysis: The Interplay of Critical Discourse and Narrative Analyses // *International Journal of Qualitative Studies in Education*. 2014. Vol. 27, no. 2. P. 159–180. <https://doi.org/10.1080/09518398.2012.737046>
- Steff R., Dodd-Parr F.* Examining the Immanent Dilemma of Small States in the Asia-Pacific: The Strategic Triangle Between New Zealand, the US and China // *The Pacific Review*. 2019. Vol. 32, no. 1. P. 90–112. <https://doi.org/10.1080/09512748.2017.1417324>
- Sussex M.* Understanding National Security: The Promises and Pitfalls of International Relations Theory // *The Palgrave Handbook of National Security* / ed. by M. Clarke, A. Henschke, M. Sussex, T. Legrand. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2021. P. 23–52. https://doi.org/10.1007/978-3-030-53494-3_2
- The China Alternative: Changing Regional Order in the Pacific Islands* / ed. by G. Smith, T. Wesley-Smith. Canberra : ANU Press, 2021. <https://doi.org/10.22459/CA.2021>
- Tidwell A. C.* Building Shelter in Washington: The Politics of Small State Engagement // *Small States and the New Security Environment* / ed. by A.-M. Brady, B. Thorhallsson. Cham, Switzerland : Springer, 2021. P. 13–26. https://doi.org/10.1007/978-3-030-51529-4_2
- Tow W. T., Parkin R.* Small State Security Postures: Material Compensation and Normative Leadership in Denmark and New Zealand // *Contemporary Security Policy*. 2007. Vol. 28, no. 2. P. 308–329. <https://doi.org/10.1080/13523260701489867>
- Young J.* Seeking Ontological Security Through the Rise in China: New Zealand as a Small Trading Nation // *The Pacific Review*. 2017. Vol. 30, no. 4. P. 513–530. <https://doi.org/10.1080/09512748.2016.1264457>
- Young J.* US — China Competition and Small Liberal Democracies: New Zealand and the Limits of Hegemony // *Political Science*. 2021. Vol. 73, no. 1. P. 48–65. <https://doi.org/10.1080/00323187.2021.1967763>

Сведения об авторах:

Саймонс Грег — внештатный сотрудник кафедры журналистики, медиа и коммуникаций, Международный университет Даффодил; eLibrary SPIN-код: 2833-6515; ORCID: 0000-0002-6111-5325; e-mail: gregmons@yahoo.com

Гласер (Кукарцева) Марина Алексеевна — доктор философских наук, профессор департамента международных отношений факультета мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; e-Library SPIN-код: 8048-2073; ORCID: 0000-0002-7069-4779; e-mail: mglaser@hse.ru

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

INTEGRATION PROCESSES

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-4-563-575

EDN: LUQGDZ

Научная статья / Research article

Геополитика коннективности: ЕС в Центральной Азии

С.В. Мазаник , Т.А. Романова Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
 sergeymazanik97@gmail.com

Аннотация. Артикуляция концепций стратегического суверенитета и стратегической автономии в официальном дискурсе Европейского союза (ЕС) свидетельствует о его геополитическом повороте. В этом контексте цель исследования — прояснить, как ЕС политически переопределяет пространство Центральной Азии в рамках стратегии по связыванию Европы и Азии, или стратегии коннективности (connectivity). Теоретическую основу исследования составляет критическая геополитика, позволяющая с опорой на дискурс-анализ как метод выявить изменения, происходящие в пространственной репрезентации Центральной Азии в дискурсе ЕС, а также динамику значения данного региона в стратегии коннективности. Вначале критическая геополитика будет операционализована с акцентом на такие аналитические категории, как дискурс, гегемония, идентичность и онтологическая безопасность. Затем, опираясь на давно существующие в академической литературе о европейской интеграции представления о ЕС как о геополитическом акторе, выявляется, как под воздействием современной дискуссии о стратегическом суверенитете (автономии) ЕС использует логику включения и исключения в отношениях с третьими странами. Далее будет изложено содержание европейской концепции коннективности и охарактеризована трансформация роли Центральной Азии в стратегии коннективности ЕС. Установлено, что в официальном дискурсе ЕС коннективность, для которой характерны нормативность и уклон в секьюритизацию, является инструментом достижения стрессоустойчивости Евросоюза и его партнеров в Центральной Азии, средством их защиты от попыток третьих стран использовать взаимозависимость как политическое и экономическое оружие, способом сохранения так называемого «порядка, основанного на правилах», — ресурса нормативного влияния ЕС в мире, и достижения стратегической автономии, модель которой ЕС готов экспортировать. Включение Центральной Азии в концепцию коннективности ЕС и исключение из нее иных акторов, продвигающих в данном регионе собственные модели управления и коннективности, может превратить Центральную Азию в одно из наиболее важных пространств нормативного противостояния ЕС и сторонников альтернативного миропорядка.

Ключевые слова: геополитический поворот, критическая геополитика, стрессоустойчивость, стратегический суверенитет, стратегическая автономия, порядок, основанный на правилах

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. С.В. Мазаник — подготовка рукописи и ее редактирование, Т.А. Романова — руководство исследованием.

© Мазаник С.В., Романова Т.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00682, <https://rscf.ru/project/22-28-00682/>

Для цитирования: Мазаник С. В., Романова Т. А. Геополитика коннективности: ЕС в Центральной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 4. С. 563–575. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-563-575>

Geopolitics of Connectivity: The EU in Central Asia

Sergey V. Mazanik , Tatiana A. Romanova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

sergeymazanik97@gmail.com

Abstract. The articulation of the concepts of strategic sovereignty and strategic autonomy in the official discourse of the European Union (EU) is indicative of its geopolitical turn. In this context, the purpose of this article is to clarify how the EU politically redefines the Central Asian space as part of its connectivity strategy (EU Strategy for Connecting Europe and Asia). The theoretical framework of the study is based on critical geopolitics, which, through a discourse analysis approach, makes it possible to identify the changes that EU representatives make in the spatial representation of Central Asia and the dynamics of the significance of this region in the EU's connectivity strategy. First, critical geopolitics will be operationalized with an emphasis on analytical categories such as discourse, hegemony, identity and ontological security. Thereafter, drawing upon the long-standing academic tradition of considering the EU as a geopolitical actor, the paper clarifies how, under the sway of the ongoing debate on strategic sovereignty (autonomy), the EU deploys the logic of inclusion and exclusion in its relations with third countries. Subsequently, the European connectivity concept will be outlined and the transformation of Central Asia's role within the framework of the EU's connectivity strategy will be revealed. The study found that, in the EU's official discourse, connectivity, which is characterized by both normativity and securitization, is a tool for achieving resilience for the EU and its partners in Central Asia, a means of protecting them from third countries' attempts to politically and economically weaponize interdependence, a way of preserving the so-called rules-based order as a resource of the EU's global normative influence, and a way of achieving strategic autonomy that the EU is willing to export as a model. The inclusion of Central Asia in the concept of EU connectivity and the exclusion of other actors promoting their own models of governance and connectivity in this region can turn Central Asia into one of the most important areas of normative confrontation between the EU and the proponents of an alternative world order.

Key words: geopolitical turn, critical geopolitics, resilience, strategic sovereignty, strategic autonomy, rules-based order

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. S.V. Mazanik — writing, review and editing, T.A. Romanova — supervision.

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 22-28-00682, <https://rscf.ru/project/22-28-00682/>).

For citation: Mazanik, S. V., & Romanova, T. A. (2024). Geopolitics of connectivity: The EU in Central Asia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(4), 563–575. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-563-575>

Введение

В последние годы представители Европейского союза (ЕС) стали рассматривать различные внешнеполитические факторы, такие, как, например, политическая нестабильность в соседствующих с ЕС регионах и вызванный ею миграционный кризис, нарушение цепочек поставок критически важных

материалов, использование третьими странами взаимозависимости как оружия, в качестве угроз европейской интеграции. Лидеры ЕС в качестве ответа предложили сделать Евросоюз полноценным геополитическим актором¹.

¹ Speech by President-elect von der Leyen in the European Parliament Plenary on the Occasion of the Presentation of Her College of Commissioners and Their

В официальном дискурсе ЕС это привело к так называемому геополитическому повороту, то есть к появлению концепций стратегического суверенитета и стратегической автономии. Их достижение, по замыслу, должно позволить ЕС сохранить лидирующие позиции в стремительно меняющемся мире. Однако ученые давно считают ЕС геополитическим актором, то есть агентом, занимающимся пространственным формированием международной политики, поскольку по мере расширения и установления так называемого внешнего управления Евросоюз переосмыслил географическое пространство вокруг себя, формируя иерархию соседствующих с ним стран исходя из их соответствия нормам и принципам ЕС, известным как *acquis communautaire* (Lavenex & Schimmelfennig, 2009).

Сочетание нормативности и геополитики характерно для политики ЕС и в отношении пяти государств Центральной Азии: Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана (Fawn, 2022). После долгих лет периферийности для Брюсселя (Hoffmann, 2010; Dzhuraev, 2022) Центральная Азия стала пространством, ключевым для реализации стратегии по обеспечению связанности (коннективности, *connectivity*) Европы и Азии². Стратегия коннективности хорошо изучена³, однако существующие

работы уделяют мало внимания ее нормативности (Karjalainen, 2023), определяемой в официальном дискурсе ЕС через такие неолиберальные категории, как «устойчивое развитие» и «порядок, основанный на правилах». Кроме того, непроработанным остается вопрос о потенциальном влиянии коннективности на взаимодействие ЕС с государствами Центральной Азии, а также о соотношении коннективности и нынешней геополитической риторики Брюсселя.

Таким образом, цель данной статьи состоит в установлении особенностей реализации политики коннективности ЕС в отношении государств Центральной Азии в рамках его геополитического поворота. Иными словами, работа прояснит, как ЕС политически переопределяет пространство Центральной Азии под влиянием концепции «стратегического суверенитета» («стратегической автономии»).

Теоретически исследование опирается на критическую геополитику, что методологически предполагает проведение дискурс-анализа выступлений должностных лиц и официальных документов ЕС. Это позволяет выявить основные смыслы, вкладываемые политическими элитами ЕС в концепцию коннективности, и проследить трансформацию роли Центральной Азии во внешних действиях ЕС и самого Евросоюза как геополитического актора.

Изложив сначала ключевые положения критической геополитики и особенности ЕС в этой оптике, мы проясним генезис европейской концепции коннективности и ее связь с геополитическим поворотом ЕС. После этого мы определим, как под воздействием дискуссии о коннективности и стратегическом суверенитете трансформируется роль Центральной Азии во внешних действиях ЕС на современном этапе.

Критическая геополитика: ключевые положения

Критическая геополитика опирается на конструктивистские предпосылки о социальной реальности и определяется как «дискурсивная практика, при помощи которой

Programme // European Commission. November 27, 2019. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_19_6408 (accessed: 02.05.2023).

² Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank “Connecting Europe and Asia — Building Blocks for an EU Strategy” // European Commission. September 19, 2018. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_-_connecting_europe_and_asia_-_building_blocks_for_an_eu_strategy_2018-09-19.pdf (accessed: 01.04.2023).

³ Novotná T. The European Union and Korea Between the US and China: Geopolitical Aspects of Connectivity from the Soft to Hard Power Approaches // *Ordnungspolitische Diskurse*. 2021. No. 11. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/235510/1/1761310089.pdf> (accessed: 15.05.2023). См. также: (Gaens, Sinkkonen & Vogt, 2023).

интеллектуалы государственного управления „пространственно формируют“ (*spatialize*) международную политику с целью репрезентации „мира“ через особые типы мест, народов и драм» (Tuathail & Agnew, 1992, p. 190). Задача критической геополитики сводится к выявлению «пространственного формирования международной политики ключевыми державами» (Tuathail & Agnew, 1992, p. 192), которые таким образом фиксируют свои гегемонистские позиции. Гегемония при этом трактуется как особый культурно-политический комплекс практик и репрезентаций (Agnew & Corbridge, 1995, p. 17), формирующих «субъективные, этноцентричные, эссенциалистские и имплицитно авторитарные геополитические нарративы» (Olson & Sayer, 2009, p. 180). В создании этих нарративов роль агентов играют как государственные деятели, так и интеллектуалы, рассуждающие о геополитике, вследствие чего выделяются практический и формальный типы геополитики (Tuathail, 1999). Данная статья посвящена практической геополитике ЕС.

Дискурс как место формирования геополитических нарративов и концепций предполагает фокус на дискурс-анализе. Однако критическая геополитика различает *пространственные практики* и *репрезентации пространства*. Первые представляют собой «преддискурсивную материальность», то есть «физические потоки, взаимодействия и движения в пространстве», а вторые сводятся к «концепциям, практикам присвоения названий и географическим кодам, которые артикулируются для обсуждения и понимания пространственных практик» (Tuathail, 1998, p. 18). Таким образом, дискурс-анализ позволяет учесть диалектическую взаимосвязь между дискурсом и пространственными практиками, которые в нем осмысляются и меняются под его влиянием (Agnew & Corbridge, 1995, p. 46).

Артикуляция географических допущений позволяет актору «нормализовать» пространство вокруг (Tuathail, 1996, p. 46), то есть описать его в понятных для себя и своей аудитории категориях. По этой причине геополитика часто характеризуется как практика

производства границ, разделяющих географическое пространство по принципу «мы — они» (Moisio, 2015). Этот процесс формирует и поддерживает идентичность актора (Dalby & Tuathail, 1996, p. 452), а также его онтологическую безопасность (Whittaker, 2018): регулярное повторение геополитических тропов о себе и других позволяет рассматривать такие пространственные репрезентации как часть здравого смысла, что создает ощущение стабильности и предсказуемости (Dodds, 1993).

Согласно критической геополитике, любая пространственная конфигурация должна рассматриваться как «географически и исторически специфическая форма политической организации и мысли» (Elden, 2010, p. 757), поэтому дискурс-анализ учитывает включенность агентов, артикулирующих определенные геополитические воззрения, в местные, национальные и транснациональные сообщества интерпретации (Tuathail, 1996, pp. 60–61). Помещение пространственных репрезентаций актора в социальный и исторический контекст вскрывает обусловленность этих концепций содержанием более широкой дискуссии об образах действия и путях дальнейшего развития данного актора. Соответственно, такое исследование объясняет, как определенные концепции (в нашем случае — стратегический суверенитет) преобразуют другие геополитические концепции (коннективность), из которых состоят политические дискурсы (Moisio, 2002, pp. 94–95).

ЕС как геополитический актор

Гегемония, идентичность и онтологическая безопасность, выступая основными аналитическими категориями критической геополитики, давно обсуждаются в академической дискуссии о соотношении нормативного и материального в политике Евросоюза. После расширения ЕС на Восток и появления новых репрезентаций пространства (например, «кольцо друзей», «соседи соседей») ученые стали говорить о ЕС как о системе концентрических кругов внешнего управления, расходящихся от Брюсселя (Smith, 2005).

Эта система опиралась на региональную нормативную гегемонию ЕС, способного структурировать пространство исходя из степени своего нормативного влияния на партнеров (Haukkala, 2008). Признав ЕС геополитическим актором, ученые приписывали ему неолиберальное геополитическое мышление, поскольку ЕС стремился преобразовать Европейский регион в единое политическое пространство ради установления мира и безопасности (Grygiel, 2015).

После принятия Глобальной стратегии безопасности ЕС (ГСЕС) в 2016 г.⁴, провозгласившей стрессоустойчивость (*resilience*) основой внешних действий Союза, исследователи заговорили об уменьшении амбиций Брюсселя по нормативному влиянию на третьи страны (Тосси, 2020). Однако стрессоустойчивость определяется Брюсселем как имманентная черта исключительно либеральных демократий, напрямую связанная с безопасностью. Данная концепция устанавливает непреодолимую дистанцию между нормативным центром — ЕС — и реципиентами норм, что позволяет Брюсселю ранжировать третьи государства исходя из степени их европейскости и стрессоустойчивости. Так воспроизводится система неравноправных отношений (Концепция стрессоустойчивости Европейского союза ... 2019, с. 66–79).

Логике включения и исключения подчинена и дискуссия о стратегическом суверенитете (стратегической автономии) ЕС. Истоки и генеалогия этих двух синонимичных концепций в официальной риторике Брюсселя уже тщательно изучены (Романова, Мазаник, 2022). Для целей данной статьи отметим лишь две особенности.

Во-первых, дискуссия о стратегическом суверенитете активизировалась на фоне пандемии коронавируса 2020–2021 гг. и вызванного ею нарушения глобальных цепочек поставок. Отсюда фокус в первую очередь на

торговой и промышленной политике. С одной стороны, ЕС стремится минимизировать свою зависимость от поставок из стран, признанных не только «неблагонадежными»⁵, но и стремящимися к «системному изменению международного порядка»⁶ (например, Китая). Сам ЕС заинтересован в сохранении порядка, основанного на правилах, который на протяжении многих лет рассматривается в качестве ресурса и «жизненного интереса, поддерживающего внешние действия» ЕС⁷. Поэтому в контексте стратегической автономии (суверенитета) ЕС фокусируется не только на собственных производственных мощностях, но и на стигматизации противников либерального порядка. С другой стороны, стратегическая автономия предполагает открытость миру, и здесь ключевую роль играет способность ЕС «формировать глобальные высококачественные стандарты, несущие на себе отпечаток европейских ценностей и принципов»⁸.

Во-вторых, если стрессоустойчивость присуща как ЕС, так и потенциально иным странам, для которых ЕС остается нормативным лидером, то стратегический суверенитет

⁵ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions “A Secure and Sustainable Supply of Critical Raw Materials in Support of the Twin Transition” // EUR-Lex. March 16, 2023. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52023DC0165> (accessed: 15.05.2023).

⁶ Speech by President von der Leyen on EU — China Relations to the Mercator Institute for China Studies and the European Policy Centre // European Commission. March 30, 2023. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_23_2063 (accessed: 15.04.2023).

⁷ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union’s Foreign and Security Policy // European External Action Service. June 2016. P. 13. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (accessed: 28.03.2023).

⁸ Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions “A New Industrial Strategy for Europe” // EUR-Lex. March 10, 2020. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1593086905382&uri=CELEX%3A52020DC0102> (accessed: 15.04.2023).

⁴ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union’s Foreign and Security Policy // European External Action Service. June 2016. P. 13. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (accessed: 28.03.2023).

(стратегическая автономия) — это особенность исключительно Евросоюза (Романова, Коцур, 2022). Условно реалистическое наполнение геополитической риторики ЕС — призывы научиться языку силы, чтобы не прятаться от вторжения «остального мира... джунглей» за стеной «европейского сада»⁹, — усиливает иерархичность геополитического воображения европейских элит. Как и ранее, «речевая геополитика „секьюритизации“ идет рука об руку с речевой геополитикой сотрудничества» (Voedeltje & van Houtum, 2011, p. 143). Таким образом, артикуляция геополитической риторики позволяет ЕС адаптироваться к новым шокам и тем самым обрести новое равновесное состояние онтологической безопасности (Browning, 2018). Это неизбежно накладывает отпечаток и на стратегию коннективности.

Эволюция концепции коннективности в официальном дискурсе ЕС

Согласно заявлению министров иностранных дел форума «Азия — Европа» (*Asia — Europe Meeting*), в самом общем виде коннективность охватывает «жесткие и мягкие аспекты, включая физические и институциональные социокультурные связи», и позволяет «сгладить различающиеся уровни развития и возможностей»¹⁰. Однако в разных политических дискурсах коннективность осмысливается и инструментализируется по-разному. В стратегии коннективности 2018 г. ЕС противопоставил собственное видение коннективности китайской инициативе «Пояс и путь». Посредством последней Китай — системный противник, продвигающий альтернативные модели управления¹¹, — навязывает

⁹ European Diplomatic Academy: Opening Remarks by High Representative Josep Borrell at the Inauguration of the Pilot Programme // European External Action Service. October 13, 2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/european-diplomatic-academy-opening-remarks-high-representative-josep-borrell-inauguration_en (accessed: 01.05.2023).

¹⁰ Annex I. ASEM Connectivity // ASEAN. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2017/11/Annex-I.pdf> (accessed: 02.05.2023).

¹¹ Joint Communication to the European Parliament, the European Council and the Council “EU — China —

миру китаецентричную метагеографию и ограничивает территориальный охват порядка, основанного на правилах (Godehardt & Kohlenberg, 2020). Брюссель пытается защитить ключевой ресурс своего влияния в мире — порядок, основанный на правилах, — от «других», которые «разрабатывают собственные стратегии [коннективности]»¹². В результате «устойчивая, всеобъемлющая и международная коннективность, основанная на правилах»¹³, секьюритизируется.

Рассмотрим подробнее нормативную составляющую коннективности. В целях достижения стратегической автономии Брюссель обязуется «инвестировать в региональные порядки и сотрудничество между регионами и внутри них»¹⁴. Здесь ЕС позиционирует себя как «сверхдержаву коннективности во внутренней и внешней политике»¹⁵, то есть как нормативного лидера, намеренного не только развивать энергетическую, транспортную, цифровую инфраструктуру и межличностные контакты, но и распространять свой опыт региональной коннективности

A Strategic Outlook” // March 12, 2019. P. 1. URL: <https://commission.europa.eu/system/files/2019-03/communication-eu-china-a-strategic-outlook.pdf> (accessed: 01.04.2023).

¹² Explaining the European Union’s Approach to Connecting Europe and Asia // European Commission. September 19, 2018. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/MEMO_18_5804 (accessed: 30.04.2023).

¹³ Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank “Connecting Europe and Asia — Building Blocks for an EU Strategy” // European Commission. September 19, 2018. P. 13. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_connecting_europe_and_asia_building_blocks_for_an_eu_strategy_2018-09-19.pdf (accessed: 01.04.2023).

¹⁴ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union’s Foreign and Security Policy // European External Action Service. June 2016. P. 4. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (accessed: 28.03.2023).

¹⁵ Borrell J. The EU Needs a Strategic Approach for the Indo-Pacific // European External Action Service. March 12, 2021. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-needs-strategic-approach-indo-pacific_en (accessed: 20.04.2023).

и сотрудничества на азиатские страны¹⁶. Этот подход фигурирует и в стратегии ЕС в отношении КНР¹⁷. Нормативная линия усиливается в стратегии ЕС «Глобальный портал» (*Global Gateway*) как «образце того, как Европа может выстраивать более стрессоустойчивые связи с миром»¹⁸. Согласно этой стратегии, все проекты коннективности, спонсируемые ЕС, должны соответствовать демократическим ценностям и стандартам добропорядочного управления¹⁹. Признавая тщетность попыток изолироваться от все более связанного мира, ЕС намеревается управлять взаимозависимостью «для обеспечения безопасности и процветания [своих] граждан и защиты [своих] демократий»²⁰. Следовательно, нормативная экспансия и вовлечение как можно большего числа стран в проекты, опирающиеся на сформулированные Брюсселем принципы коннективности, является залогом безопасности ЕС.

¹⁶ Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank “Connecting Europe and Asia — Building Blocks for an EU Strategy” // European Commission. September 19, 2018. P. 6, 8. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_-_connecting_europe_and_asia_-_building_blocks_for_an_eu_strategy_2018-09-19.pdf (accessed: 01.04.2023).

¹⁷ Joint Communication to the European Parliament, the European Council and the Council “EU — China — A Strategic Outlook” // March 12, 2019. P. 1. URL: <https://commission.europa.eu/system/files/2019-03/communication-eu-china-a-strategic-outlook.pdf> (accessed: 01.04.2023).

¹⁸ Global Gateway: Up to €300 Billion for the European Union’s Strategy to Boost Sustainable Links Around the World // European Commission. December 1, 2021. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_6433 (accessed: 24.04.2023).

¹⁹ Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank “The Global Gateway” // European Commission. December 1, 2021. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021JC0030> (accessed: 24.04.2023).

²⁰ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union’s Foreign and Security Policy // European External Action Service. June 2016. P. 8. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (accessed: 28.03.2023).

Акцент на безопасности Евросоюза и защите либерального миропорядка закономерно приводит к секьюритизации концепции коннективности. Об этом свидетельствуют тезисы о взаимодополняющем характере безопасности и коннективности²¹, о том, что «устойчивая и всеобъемлющая коннективность, основанная на правилах, способствует большему процветанию, безопасности и стрессоустойчивости людей и обществ в Европе и Азии»²². Так, в стратегии сотрудничества с Индо-Тихоокеанским регионом ЕС обязуется «поощрять международный порядок, основанный на правилах», что «увеличит стратегическую автономию и потенциал [ЕС] сотрудничать с партнерами для отстаивания своих ценностей и интересов», а также «будет способствовать стрессоустойчивости европейской экономики... и снижению стратегической зависимости от критически важных ресурсов»²³. Кроме того, с целью защиты «европейского суверенитета» и обеспечения «более стрессоустойчивой, конкурентоспособной и подходящей для зеленого и цифрового переходов европейской экономической базы» государства — члены ЕС обязуются «продвигать [европейские] стандарты, доступ к рынку, стабильные цепочки поставок и коннективность»²⁴. В итоге безопасность становится одним из шести критериев «надежной коннективности»²⁵.

²¹ Enhanced EU Security Cooperation in and with Asia — Council Conclusions // Council of the European Union. May 28, 2018. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/35456/st09265-re01-en18.pdf> (accessed: 15.05.2023).

²² Factsheet on the EU Strategy on Connecting Europe and Asia // European External Action Service. September 2019. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eu-asian_connectivity_factsheet_september_2019.pdf_final.pdf (accessed: 18.04.2023).

²³ EU Strategy for Cooperation in the Indo-Pacific — Council Conclusions // Council of the European Union. April 16, 2021. P. 2–3. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-7914-2021-INIT/en/pdf> (accessed: 20.04.2023).

²⁴ Informal Meeting of the Heads of State or Government. Versailles Declaration // European Council. March 11, 2022. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/54773/20220311-versailles-declaration-en.pdf> (accessed: 02.05.2023).

²⁵ Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social

С точки зрения Брюсселя, риски экономического принуждения и использования третьими странами взаимозависимости как оружия подрывают сложившийся порядок, основанный на правилах. По этой причине в контексте риторики о защите этого порядка Брюссель дополняет концепцию коннективности категорией «партнеров, мыслящих схожим с ЕС образом» (англ. *like-minded partners*; ПМСО). Они, с одной стороны, должны разделять демократические ценности ЕС²⁶ и «защищать универсальные принципы и правила»²⁷ (то есть порядок, основанный на правилах) «перед лицом пагубного влияния авторитарных и тоталитарных режимов»²⁸, а с другой — обеспечить безопасные поставки стратегически важных природных ресурсов и товаров в ЕС, что позволит Брюсселю «удовлетворить свои геополитические амбиции в глобальном масштабе»²⁹.

Сочетание нормативности и секьюритизации обеспечивают гибкость Брюсселя в идентификации ПМСО: ЕС заключил

Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank “The Global Gateway” // European Commission. December 1, 2021. P. 1–4. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021JC0030> (accessed: 24.04.2023).

²⁶ European Parliament Resolution of 25 November 2020 on the Foreign Policy Consequences of the COVID-19 Outbreak (2020/2111(INI)) // EUR-Lex. November 25, 2020. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020IP0322> (accessed: 25.04.2023).

²⁷ Joint Communication to the European Parliament and the Council on Strengthening the EU’s Contribution to Rules-Based Multilateralism // European Commission. February 17, 2021. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/en_strategy_on_strengthening_the_eus_contribution_to_rules-based_multilateralism.pdf (accessed: 15.05.2023).

²⁸ European Parliament Resolution of 6 July 2022 on the EU and the Defence of Multilateralism (2020/2114(INI)) // EUR-Lex. July 6, 2022. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52022IP0286> (accessed: 24.04.2023).

²⁹ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions “Trade Policy Review — An Open, Sustainable and Assertive Trade Policy” // EUR-Lex. February 18, 2021. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=COM:2021:66:FIN> (accessed: 02.05.2023).

соглашения о коннективности не только с демократическими Японией и Индией, но и с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) — международной организацией, в которую не входят либеральные демократии³⁰. Таким же образом ЕС заключил стратегические партнерства в сфере критических материалов с такими различающимся с точки зрения теории политических режимов государствами, как Канада, Украина, Намибия и Казахстан.

Итак, нормативно нагруженная коннективность стала рассматриваться Брюсселем в качестве:

1) инструмента обеспечения собственных стрессоустойчивости, стратегического суверенитета и стратегической автономии;

2) условия безопасности ЕС от широкого спектра угроз, в частности от использования третьими странами взаимозависимости как оружия;

3) способа сохранения международного порядка, основанного на правилах.

Отсюда и амбивалентность концепции коннективности ЕС. С одной стороны, Брюссель стирает препятствия для политического и экономического взаимодействия между ЕС и ПМСО, стремится создать единое связанное глобальное нормативное пространство. С другой стороны, Брюссель конструирует границы и отказывает в праве на коннективность с ЕС тем странам, которые не желают принимать европейские стандарты и подрывают порядок, основанный на правилах. Рассмотрим, как это отразилось на политике ЕС в отношении стран Центральной Азии.

Политика коннективности ЕС в ЦА

На фоне безуспешных попыток социализации центральноазиатских государств в либерально-демократический порядок ЕС

³⁰ Rieck C. Strange New Worlds: The European Union’s Search for Like-Minded Partners in the Indo-Pacific // *Panorama: Insights into Asian and European Affairs*. 2022. No. 1. P. 39–53. URL: <https://www.kas.de/documents/288143/16920728/Panorama+European+Strategic+Approaches+to+the+Indo-Pacific.pdf/e7b7d256-61ecd864-191a-7cd63342cee4?version=1.0&t=1645002783217> (accessed: 02.05.2023).

постепенно стал оперировать более нейтральными принципами. Обеспечение безопасности и добропорядочного управления легитимировало сотрудничество Брюсселя с нелиберальными режимами (Makarychev, 2020). Этот подход был сохранен в стратегии по Центральной Азии 2019 г. и дополнен задачей обеспечения процветания региона, которая сводится к развитию коннективности как внутри Центральной Азии (то есть поддержке внутрирегиональных интеграционных процессов), так и между Центральной Азией и ЕС³¹. Однако уменьшение значения ценностной компоненты не означает отказа от нормативности вообще.

Во-первых, коннективность в официальном дискурсе ЕС остается нормативно нагруженной концепцией. Так, активность отношений с ЕС обуславливается «готовностью каждого из государств Центральной Азии проводить реформы, укреплять демократию, права человека, верховенство права и независимость судебной власти», а также развивать свободную рыночную экономику³².

Во-вторых, в отношении Центральной Азии Брюссель повторяет тезис об «устойчивой, открытой, инклюзивной и основанной на правилах» коннективности, обязуясь поддерживать только соответствующие им проекты³³. Такие же нормативные требования ЕС выдвигает и в отношении прилегающих стратегических коридоров и их сопряжения

с собственными транспортными сетями³⁴, а саму норму о коннективности включает в тексты проектов новых договоров о сотрудничестве с государствами Центральной Азии³⁵.

Впрочем, фокус на угрозах легко совмещается со сложившимся в ЕС подходом по продвижению политически более нейтральных вопросов стабильности и безопасности в Центральной Азии. Отсюда развитие коннективности, предполагающей расширение регионального сотрудничества и поддержку стабильности центральноазиатских государств, утверждается как условие безопасности ЕС³⁶, а «более сильная коннективность между Центральной Азией, Афганистаном и Южной Азией»³⁷ видится как гарант безопасности для этих стран.

Связь коннективности и безопасности прослеживается и в стратегии по Центральной Азии 2019 г., предполагающей развитие коннективности в таких сферах, как транспорт, энергетика, цифровые технологии и межличностные контакты, и при этом для каждой из этих сфер описывающей угрозы, которые Брюссель надеется минимизировать

³⁴ Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank “The Global Gateway” // European Commission. December 1, 2021. P. 6. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021JC0030> (accessed: 24.04.2023).

³⁵ Annex to the Proposal for a Council Decision on the Conclusion, on Behalf of the European Union, of the Enhanced Partnership and Cooperation Agreement Between the European Union, of the One Part, and the Kyrgyz Republic, of the Other Part // European Commission. June 13, 2022. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:80e18e18-eaf7-11ec-a534-01aa75ed71a1.0022.02/DOC_2&format=PDF (accessed: 15.05.2023).

³⁶ Report from the Commission to the European Parliament and the Council “2021 Annual Report on the Implementation of the European Union’s External Action Instruments in 2020” // European Commission. December 16, 2021. P. 34–35. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:09b53227-5e5a-11ec-9c6c-01aa75ed71a1.0001.02/DOC_1&format=PDF (accessed: 15.05.2023).

³⁷ Council Conclusions on the New Strategy on Central Asia // Council of the European Union. June 17, 2019. P. 3. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/39778/st10221-en19.pdf> (accessed 29.04.2023).

³¹ Joint Communication to the European Parliament and the Council “The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership” // European Commission. May 15, 2019. P. 1–2. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf (accessed: 15.05.2023).

³² Council Conclusions on the New Strategy on Central Asia // Council of the European Union. June 17, 2019. P. 2. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/39778/st10221-en19.pdf> (accessed 29.04.2023).

³³ Joint Communication to the European Parliament and the Council “The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership” // European Commission. May 15, 2019. P. 11. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf (accessed: 15.05.2023).

при помощи коннективности³⁸. Поскольку стратегия коннективности ЕС — это ответ Брюсселя на китайские инициативы коннективности, неудивительно, что инфраструктурные проекты Китайской Народной Республики (КНР) в Центральной Азии Брюссель считает непрозрачными и несущими угрозы для стран региона³⁹. При этом декларативно ЕС готов сотрудничать с внерегиональными партнерами, поскольку позиционирует Центральную Азию как «регион сотрудничества, основанного на правилах, а не регион конкуренции и соперничества»⁴⁰.

В контексте же геополитического поворота секьюритизация коннективности становится более явной. Брюссель признает «коннективность в Индо-Тихоокеанском регионе и стабильность в Центральной Азии» в качестве своих «геополитических приоритетов»⁴¹ и утверждает, что «в текущем геополитическом контексте... коннективность стала областью стратегического значения»⁴². Именно поэтому ЕС установил отношения стратегического партнерства с Казахстаном как

значимым поставщиком углеводородов и иных природных ресурсов⁴³, что делает Казахстан единственным ПМСО для ЕС в Центральной Азии.

Кроме того, запуск двух инициатив — Устойчивой энергетической коннективности и Цифровой коннективности в Центральной Азии — обосновывается как стремление Евросоюза и центральноазиатских государств противостоять «интенсивному геополитическому состязанию, новым угрозам безопасности и вызовам международному порядку, основанному на правилах»⁴⁴. Поэтому, признавая, что «Центральная Азия и Европа... становятся все более связанными»⁴⁵, верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж. Боррель утверждает, что и ЕС, и Центральная Азия сталкиваются со сходными вызовами и угрозами в отношении многостороннего порядка⁴⁶. В качестве рецепта противодействия опасностям предлагается «сотрудничать больше и лучше», а также «защищать верховенство

³⁸ Joint Communication to the European Parliament and the Council “The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership” // European Commission. May 15, 2019. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf (accessed: 15.05.2023).

³⁹ European Parliament Resolution of 21 January 2021 on Connectivity and EU — Asia Relations (2020/2115(INI)) // EUR-Lex. January 21, 2021. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021IP0016> (accessed: 15.05.2023).

⁴⁰ Joint Communication to the European Parliament and the Council “The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership” // European Commission. May 15, 2019. P. 2. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf (accessed: 15.05.2023).

⁴¹ Communication from the Commission to the European Parliament and the Council “2021 Strategic Foresight Report: The EU’s Capacity and Freedom to Act” // European Commission. September 8, 2021. P. 18. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021DC0750> (accessed: 15.05.2023).

⁴² EU — Kazakhstan Cooperation Council // Council of the European Union. June 20, 2022. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-ministerial-meetings/2022/06/20/> (accessed: 02.05.2023).

⁴³ Memorandum of Understanding Between the Republic of Kazakhstan and the European Union on a Strategic Partnership on the Sustainable Raw Materials, Batteries and Renewable Hydrogen Value Chains // European Commission. November 7, 2022. URL: https://single-market-economy.ec.europa.eu/system/files/2022-11/EU-KAZ-MoU-signed_en.pdf (accessed: 15.05.2023).

⁴⁴ Global Gateway: Team Europe Launches Two Initiatives in Central Asia on Energy and on Digital Connectivity // European Parliament. February 18, 2022. URL: https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2014_2019/plmrep/COMMITTEES/DEVE/DV/2022/11-30/TeamEuropeinitiativesinCentralAsiaonenergyandondigitalconnectivityEN.pdf (accessed: 15.05.2023).

⁴⁵ Remarks by President Charles Michel After His Meeting with President of Kazakhstan Kassym-Jomart Tokayev in Astana // European Council. October 27, 2022. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/10/27/remarks-by-president-charles-michel-after-his-meeting-with-president-of-kazakhstan-kassym-jomart-tokayev-in-astana/> (accessed: 29.04.2023).

⁴⁶ EU — Central Asia Ministerial: Remarks by High Representative/Vice-President Josep Borrell at the Joint Press Conference with Foreign Minister of Uzbekistan Vladimir Norov // European External Action Service. November 17, 2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-central-asia-ministerial-remarks-high-representativevice-president-josep-borrell-joint_en (accessed: 04.05.2023).

международного права, поскольку оно является гарантом нашей [ЕС и Центральной Азии] общей безопасности»⁴⁷.

Любопытно, что эксперты из Центральной Азии тоже говорят о пересечении взглядов ЕС и центральноазиатских стран по вопросам безопасности и угроз. Так, непрозрачность китайской инициативы «Пояс и путь», по словам Н. Кассеновой, «создает некоторую ментальную и психологическую коннективность между ЕС и Центральной Азией даже без наличия физической инфраструктуры между ними»⁴⁸. Однако если Евросоюз реализует политику коннективности, чтобы расширить лагерь сторонников порядка, основанного на правилах, и таким образом увеличить собственное влияние в мире, то государства Центральной Азии видят в коннективности ЕС скорее возможность бороться с чрезмерной экономической и политической зависимостью от КНР⁴⁹, а также перенимать глобально признанные торговые, инвестиционные, технологические и управленческие стандарты ЕС для более тесного встраивания в мировую экономику и увеличения благосостояния граждан⁵⁰.

⁴⁷ Opening Remarks by High Representative/Vice-President Josep Borrell at the EU — Central Asia Connectivity Conference: Global Gateway // European External Action Service. November 18, 2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/opening-remarks-high-representativevice-president-josep-borrell-eu-central-asia-connectivity_en (accessed: 02.05.2023).

⁴⁸ Kassenova N. Central Asia and the EU Connectivity Strategy: Rising to the Good Governance Challenge // PONARS Eurasia Policy Memo. 2019. No. 617. URL: <https://www.ponarseurasia.org/central-asia-and-the-eu-connectivity-strategy-rising-to-the-good-governance-challenge/> (accessed: 14.10.2023).

⁴⁹ См.: Dzhuraev E., Muratalieva N. The EU Strategy on Central Asia // The Friedrich Ebert Foundation. March 2020. P. 6. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/bischkek/16168.pdf> (accessed 14.10.2023); Kassenova N. The EU Strategy for Central Asia: Imperatives and Opportunities for Change. A View from Kazakhstan // Friedrich-Ebert-Stiftung. 2016. URL: https://www.academia.edu/15611528/The_EU_Strategy_for_Central_Asia_Imperatives_and_Opportunities_for_Change_A_View_from_Kazakhstan (accessed: 14.10.2023).

⁵⁰ Komilov A. Digitalization: How the EU Can Transform Central Asia // The Diplomat. August 23, 2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/08/digitalization-how-the-eu-can-transform-central-asia/> (accessed: 10.10.2023).

Тем не менее, артикулируя сходство внешнеполитических целей ЕС и Центральной Азии, Брюссель в контексте геополитического поворота секьюритизирует коннективность при помощи трансляции собственных соображений безопасности. Согласно им, существуют акторы (в частности Китай), которые, используя взаимозависимость как инструмент силы, подрывают порядок, основанный на правилах. Неготовность этих акторов признать нормативное лидерство ЕС в определении параметров коннективности автоматически исключает их из спонсируемых ЕС инфраструктурных проектов. Реализация такой политики коннективности, сочетающей включение одних акторов и исключение других, обеспечивает стратегическую автономию ЕС. Однако официальные лица ЕС начинают признавать и за странами Центральной Азии право обладать стратегической автономией⁵¹ как образом действия для борьбы с вызовами современности⁵².

Таким образом, сохраняя характерные для концепции коннективности нормативность и уход в секьюритизацию, ЕС допускает возможность экспорта собственной модели стратегической автономии в страны Центральной Азии. Это говорит о том, что в контексте концепции коннективности и геополитического поворота ЕС продолжает считать Центральную Азию частью собственного нормативного пространства.

Заключение

Как показал анализ, в контексте нынешнего геополитического поворота ЕС продолжает рассматривать пространство центральноазиатских государств как часть собственной

⁵¹ Matveeva A. A New Opening for EU — Central Asia Relations? // Carnegie Europe. April 13, 2023. URL: <https://carnegieeurope.eu/2023/04/13/new-opening-for-eu-central-asia-relations-pub-89454> (accessed: 02.05.2023).

⁵² Opening Remarks by High Representative/Vice-President Josep Borrell at the EU — Central Asia Connectivity Conference: Global Gateway // European External Action Service. November 18, 2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/opening-remarks-high-representativevice-president-josep-borrell-eu-central-asia-connectivity_en (accessed: 02.05.2023).

системы нормативной гегемонии. Поддержанию этой системы служит артикуляция концепции коннективности. С момента своего появления в официальном дискурсе ЕС эта концепция отличалась нормативностью по причине того, что Брюссель определял критерии коннективности через такие неолиберальные конструкты, как «устойчивость» и «порядок, основанный на правилах». Однако череда кризисных явлений последних лет подтолкнула руководство Евросоюза к артикуляции реалистической геополитической риторики, которая предполагала защиту европейского суверенитета и достижение Евросоюзом стратегической автономии. Этот дискурсивный сдвиг трансформировал концепцию коннективности Евросоюза, которая теперь позиционируется в качестве:

1) инструмента защиты от попыток третьих стран использовать взаимозависимость как политическое и экономическое оружие;

2) способа сохранения порядка, основанного на правилах, и достижения стратегической автономии ЕС.

Противопоставление ЕС и сторонников его подхода «неблагонадежным» странам, стремящимся к системному изменению международного порядка, дополнительно секьюритизирует концепцию коннективности. Несмотря на ее изначальный фокус на инклюзивности и стирании границ, она

в действительности очерчивает границы сторонников либерального миропорядка, основанного на правилах, и ограждает их от стран-нарушителей.

ЕС стремится привлечь государства Центральной Азии в лагерь сторонников «правильной» европейской коннективности. Не в последнюю очередь это происходит потому, что КНР как системный противник ЕС осуществляет свои модели управления и коннективности в этом регионе. Зависимость государств Центральной Азии от Пекина дает Брюсселю повод продвигать в данном регионе собственную модель достижения стратегической автономии и перебалансировки зависимости от третьих стран. Реализация Брюсселем политики коннективности, уменьшающей пространство для компромисса и воспроизводящей более четкие границы между сторонниками порядка, основанного на правилах, и его конструируемыми противниками, может превратить Центральную Азию в одно из наиболее важных пространств нормативного противостояния. Контуры этого противостояния и проистекающие из него возможности/ограничения для государств Центральной Азии, а также предполагаемые изменения центральноазиатской политики ЕС в контексте обостряющейся нормативной конкуренции в регионе представляют собой предмет дальнейших исследований.

Поступила в редакцию / Received: 07.06.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 12.07.2024

Принята к публикации / Accepted: 15.10.2024

Библиографический список

- Концепция стрессоустойчивости Европейского союза: артикуляция и ее последствия для России / под ред. Т. А. Романовой. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2019. EDN: MSJNVT
- Романова Т. А., Коцур Г. В. От политической либерализации к геополитическому повороту (эволюция дискурса Евросоюза и связь нормативного и материального) // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66, № 8. С. 25–33. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-8-25-33>; EDN: IJCKIP
- Романова Т. А., Мазаник С. В. Влияние координационного дискурса о «стратегическом суверенитете» Евросоюза на его институциональный баланс // *Вестник МГИМО-Университета*. 2022. Т. 15, № 5. С. 79–112. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-5-86-79-112>; EDN: OOIZHD
- Agnew J., Corbridge S. *Mastering Space: Hegemony, Territory and International Political Economy*. London : Routledge, 1995.
- Boedeltje F., van Houtum H. Brussels Is Speaking: The Adverse Speech Geo-Politics of the European Union Towards Its Neighbours // *Geopolitics*. 2011. Vol. 16, no. 1. P. 130–145. <https://doi.org/10.1080/14650045.2010.493791>
- Browning C. S. Geostrategies, Geopolitics and Ontological Security in the Eastern Neighbourhood: The European Union and the ‘New Cold War’ // *Political Geography*. 2018. Vol. 62. P. 106–115. <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2017.10.009>

- Dalby S., Tuathail G. Ó.* The Critical Geopolitics Constellation: Problematizing Fusions of Geographical Knowledge and Power // *Political geography*. 1996. Vol. 15, no. 6–7. P. 451–456. [https://doi.org/10.1016/0962-6298\(96\)00026-1](https://doi.org/10.1016/0962-6298(96)00026-1)
- Dodds K. J.* Geopolitics, Experts and the Making of Foreign Policy // *Area*. 1993. Vol. 25, no. 1. P. 70–74.
- Dzhuraev S.* The EU's Central Asia Policy: No Chance for Change? // *Central Asian Survey*. 2022. Vol. 41, no. 4. P. 639–653. <https://doi.org/10.1080/02634937.2022.2054951>
- Elden S.* Thinking Territory Historically // *Geopolitics*. 2010. Vol. 15, no. 4. P. 757–761. <https://doi.org/10.1080/14650041003717517>
- Fawn R.* 'Not Here for Geopolitical Interests or Games': The EU's 2019 Strategy and the Regional and Inter-Regional Competition for Central Asia // *Central Asian Survey*. 2022. Vol. 41, no. 4. P. 675–698. <https://doi.org/10.1080/02634937.2021.1951662>
- Gaens B., Sinkkonen V., Vogt H.* Connectivity and Order: An Analytical Framework // *East Asia*. 2023. Vol. 40. P. 209–228. <https://doi.org/10.1007/s12140-023-09401-z>
- Godehardt N., Kohlenberg P. J.* China's Global Connectivity Politics: A Meta-Geography in the Making // *The Multidimensionality of Regions in World Politics* / ed. by P. J. Kohlenberg, N. Godehardt. London : Routledge, 2020. P. 191–214.
- Grygiel J.* The Geopolitics of Europe: Europe's Illusions and Delusions // *Orbis*. 2015. Vol. 59, no. 4. P. 505–517. <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2015.08.002>
- Haukkala H.* The European Union as a Regional Normative Hegemon: The Case of European Neighbourhood Policy // *Europe — Asia Studies*. 2008. Vol. 60, no. 9. P. 1601–1622. <https://doi.org/10.1080/09668130802362342>
- Hoffmann K.* The EU in Central Asia: Successful Good Governance Promotion? // *Third World Quarterly*. 2010. Vol. 31, no. 1. P. 87–103. <https://doi.org/10.1080/01436590903557397>
- Karjalainen T.* European Norms Trap? EU Connectivity Policies and the Case of the Global Gateway // *East Asia*. 2023. Vol. 40. P. 293–316. <https://doi.org/10.1007/s12140-023-09403-x>
- Lavenex S., Schimmelfennig F.* EU Rules beyond EU Borders: Theorizing External Governance in European Politics // *Journal of European Public Policy*. 2009. Vol. 16, no. 6. P. 791–812. <https://doi.org/10.1080/13501760903087696>
- Makarychev A.* Illiberalism, Post-liberalism, Geopolitics: The EU in Central Asia // *Acta Via Serica*. 2020. Vol. 5, no. 1. P. 1–22. <https://doi.org/10.22679/avs.2020.5.1.001>
- Moisio S.* EU Eligibility, Central Europe, and the Invention of Applicant State Narrative // *Geopolitics*. 2002. Vol. 7, no. 3. P. 89–116. <https://doi.org/10.1080/714000971>
- Moisio S.* Geopolitics/Critical Geopolitics // *The Wiley Blackwell Companion to Political Geography* / ed. by J. Agnew, V. Mamadouh, A. J. Secor, J. Sharp. Chichester : John Wiley & Sons Ltd., 2015. P. 220–234. <https://doi.org/10.1002/9781118725771.ch17>
- Olson E., Sayer A.* Radical Geography and Its Critical Standpoints: Embracing the Normative // *Antipode*. 2009. Vol. 41, no. 1. P. 180–198. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8330.2008.00661.x>
- Smith K. E.* The Outsiders: The European Neighbourhood Policy // *International Affairs*. 2005. Vol. 81, no. 4. P. 757–773. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2005.00483.x>
- Tocci N.* Resilience and the Role of the European Union in the World // *Contemporary Security Policy*. 2020. Vol. 41, no. 2. P. 176–194. <https://doi.org/10.1080/13523260.2019.1640342>
- Tuathail G. Ó.* *Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space*. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1996.
- Tuathail G. Ó.* Postmodern Geopolitics? The Modern Geopolitical Imagination and Beyond // *Rethinking Geopolitics* / ed. by S. Dalby, G. Ó. Tuathail. London : Routledge, 1998. P. 16–38.
- Tuathail G. Ó.* Understanding Critical Geopolitics: Geopolitics and Risk Society // *Journal of Strategic Studies*. 1999. Vol. 22, no. 2–3. P. 107–124. <https://doi.org/10.1080/01402399908437756>
- Tuathail G. Ó., Agnew J.* Geopolitics and Discourse: Practical Geopolitical Reasoning in American Foreign Policy // *Political Geography*. 1992. Vol. 11, no. 2. P. 190–204. [https://doi.org/10.1016/0962-6298\(92\)90048-X](https://doi.org/10.1016/0962-6298(92)90048-X)
- Whittaker N.* The Island Race: Ontological Security and Critical Geopolitics in British Parliamentary Discourse // *Geopolitics*. 2018. Vol. 23, no. 4. P. 954–985. <https://doi.org/10.1080/14650045.2017.1390743>

Сведения об авторах:

Мазаник Сергей Владимирович — аспирант кафедры европейских исследований факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет; eLibrary SPIN-код: 2097-5678; ORCID: 0000-0003-1150-0193; e-mail: sergeymazanik97@gmail.com

Романова Татьяна Алексеевна — кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет; eLibrary SPIN-код: 8791-1970; ORCID: 0000-0002-5199-0003; e-mail: t.romanova@spbu.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-4-576-587

EDN: LVIPSQ

Научная статья / Research article

Внешнеполитический имидж Евразийского экономического союза в СМИ Великобритании

О.Ю. Вихрова , Я.С. Горлова

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

 eurasiansu@gmail.com

Аннотация. В медиатизированном мире образы и имиджи региональных объединений, находясь под пристальным вниманием международных организаций, СМИ и общественности, порой приобретают большее значение, чем территориальные и сырьевые ресурсы, имеющиеся в распоряжении этих объединений. Негативное отношение к объединению, которое может сформироваться у различных аудиторий в условиях международного информационного противоборства при бездействии или недостаточных действиях со стороны властей, а также недооценка реальных успехов интеграции могут не только служить барьером к увеличению объемов прямых иностранных инвестиций, но и негативно влиять на товарооборот с внешними партнерами, а также привлекательность национальных и общего рынков труда. В этой связи в контексте выстраивания системы взаимодействия с международными партнерами крайне важно установить, какие паттерны и дискурсы в сознании различных национальных аудиторий формируют зарубежные медиа. В период передела сфер влияния и наблюдаемого в настоящее время изменения баланса сил на международной арене особый интерес представляет анализ образа Евразийского экономического союза (ЕАЭС), формируемого средствами массовой информации Великобритании с года подписания договора о Евразийском экономическом союзе до конца 2022 г. В ходе исследования проведен частотный контент-анализ релевантных публикаций британских новостных онлайн-СМИ и анализ эмоциональной тональности данных материалов. Выявлено, что изначально в новостных ресурсах Великобритании сложился негативно окрашенный образ объединения, характеризующегося как собственный проект В.В. Путина по возрождению СССР и противостоянию Европейскому союзу (ЕС), однако уже с 2016 г. начался резкий спад интереса новостных журналистов к данной теме. В связи с обострением политического кризиса в 2022 г. ЕАЭС вернулся в повестку британских СМИ, однако преимущественно в контексте внешней политики России. Это позволяет судить о том, что за 2014–2022 гг. со стороны ЕАЭС не было принято мер, которые бы способствовали формированию его внешнеполитического имиджа, что подчеркивает необходимость подобной работы в текущих условиях.

Ключевые слова: евразийская интеграция, имидж ЕАЭС, информационное сопровождение евразийской интеграции, контент-анализ, Россия, В.В. Путин

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Вихрова О. Ю., Горлова Я. С. Внешнеполитический имидж Евразийского экономического союза в СМИ Великобритании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 4. С. 576–587. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-576-587>

© Вихрова О.Ю., Горлова Я.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Foreign Policy Image of the Eurasian Economic Union in the Mass Media of the United Kingdom

Olga Yu. Vikhrova , Iaroslava S. Gorlova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

eurasiansu@gmail.com

Abstract. In a mediatized world, the images of regional unions can sometimes become more important than their territorial and raw material resources. These components are subject to close monitoring of international organizations, the media and the public. A negative attitude towards the union, which can be formed by various audiences amid international information confrontation in times of inaction or insufficient actions on the part of the authorities, and underestimation of the real success of integration, can not only serve as a barrier to an increase in direct foreign investment, but also negatively affect trade turnover with external partners, as well as the attractiveness of national and general labor markets. In this regard, in the context of building a system of interaction with international partners, it is imperative to ascertain what patterns and discourses are formed by foreign media in the minds of various national audiences. Under the conditions of the redistribution of influence spheres and the currently observed change in the balance of power in the international arena, it is of particular interest to analyze the image of the Eurasian Economic Union (EAEU) formed by the United Kingdom (UK) media from the year of the signing of the Treaty on the Eurasian Economic Union until the end of 2022. In the course of this study, a frequency content analysis of relevant publications in the British online news media was carried out, as well as an analysis of the emotional tone of these articles. The results suggest that initially, the Union was portrayed in the UK news with a negative image, characterized as Vladimir Putin's own attempt to revive the USSR and confront the European Union (EU). However, since 2016, there has been a sharp decline in journalists' interest in this topic. Due to the aggravation of the political crisis in 2022, the EAEU returned to the agenda of the British media, but mainly in the context of Russia's foreign policy. This leads to the assumption that in the period from 2014 to 2022 the EAEU did not take any actions that would contribute to the formation of its foreign policy image, which underlines the necessity of such a study in the current circumstances.

Key words: Eurasian integration, image of EAEU, information support of Eurasian integration, content analysis, Russia, Vladimir Putin

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

For citation: Vikhrova, O. Yu., & Gorlova, I. S. (2024). Foreign policy image of the Eurasian Economic Union in the mass media of the United Kingdom. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(4), 576–587. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-576-587>

Введение

Вопросами концептуализации понятия «внешнеполитический имидж» государств на протяжении последних лет занимались отечественные и зарубежные исследователи. В частности, предпринимались попытки операционализации конструкта «образ государства» и анализа основных механизмов, влияющих на поведение государств на международной сцене в связи с изменением их образов (Киселев, 2003; 2007). Следует отметить, что в этом контексте также фигурирует проблема соотношения понятий «образ государства» и «имидж государства». В статье

«Образ ЕАЭС в ведущих новостных СМИ США» О.Ю. Вихрова приводит различные точки зрения на этот вопрос и приходит к тому, что в определенной мере понятия «образ» и «имидж» могут использоваться как синонимы. При этом, как указывает автор, основное отличие имиджа территории от образа заключается в том, что имидж представляет собой результаты спланированной работы по продвижению сформированной позиции, в то время как образ складывается в восприятии аудитории стихийно (Вихрова, 2021, с. 439–440).

Особое внимание вопросам формирования имиджа государств на международной

арене уделяется в работах Т.Э. Гринберг. Рассматривая компоненты имиджа «государства как корпорации», исследователь выделяет две группы: условно-статичные и условно-динамичные. И если объективные параметры (условно-статичные), к которым исследователь московской школы относит «природный ресурсный потенциал; национальное и культурное наследие общества и геополитические параметры, можно масштабировать до общих характеристик государств, подходящих для оценки имиджа интеграционных объединений, то компоненты социального блока (субъективные) такому „объединению“ не поддаются. Социально-психологические настроения в каждом из государств союзов, принципы деятельности общественно-политических объединений стран, морально-нравственные аспекты развития обществ, а также соответствие правовых норм международным требованиям не могут быть „усреднены“ или „приведены к единому знаменателю“» (Гринберг, 2008).

В число наиболее заметных отечественных работ, посвященных внешнеполитическому имиджу государств, также входят научные труды Д.В. Тренина (Тренин, 2021), П.И. Жуковой (Жукова, 2010) и Т.А. Пашкиной (Пашкина, 2012). Последняя отмечает, что трактовка понятия «имиджа территории» в трудах современных исследователей многовариантна, но во всех определениях «имидж территории» определяется при помощи понятия «образ». При этом к инвариантной составляющей имиджа ученый относит географические характеристики, климатические условия и сырьевые ресурсы, которые также поддаются условному объединению по «региональному признаку» с целью дальнейшей оценки имиджа интеграционного объединения (Пашкина, 2012, с. 64).

В работах российских и зарубежных исследователей в рамках формирования подходов к определению элементов «внешнеполитического имиджа» также рассматривается понятие «идентичности государства». При этом происходит отождествление понятий «идентичность государства» и «национальная идентичность». В частности, вопросы взаимосвязи образа территории с национальной

идентичностью исследуются И.Ю. Киселевым (Киселев, 2003; 2007), Е.А. Тороповой (Торопова, 2010), Ю.П. Горяиной (Горяина, 2012), А.Г. Смирновой (Смирнова, 2011), О.С. Драгачевой (Драгачева, 2006) и др.

Понятие «наднациональной идентичности» в настоящее время закреплено только в Маастрихтском договоре о Европейском союзе (ЕС), а также выделено в работах зарубежных ученых, занимающихся вопросами формирования и изучения европейской идентичности¹.

Однако говорить о формировании любой другой наднациональной идентичности в контексте рассмотрения компонентов имиджа интеграционных объединений в настоящее время невозможно. Несмотря на наличие у населения государств Евразийского экономического союза (ЕАЭС) таких объединяющих элементов, как единое языковое пространство и общее историческое наследие, которые могут выступать основой для формирования общей евразийской идентичности, подобный подход представляется искусственным в силу главенствующих после распада СССР стремлений государств к укреплению независимости, часто выражавшихся в радикальной форме, граничащей с дерусификацией.

Вопросы влияния СМИ на формирование и восприятие аудиторией имиджа территорий рассмотрены в работах А.А. Морозовой (Морозова, 2018), М.М. Русяевой и Е.Ф. Черемушкиной (Русяева, Черемушкина, 2017), О.А. Елкова (Елков, 2011), Л.Е. Хрустовой, Е.А. Федоровой и Ф.Ю. Федорова (Хрустова, Федорова, Федоров, 2020) и ряда других отечественных исследователей (Палитай, 2018; Кривохиж, Соболева, Мельникова, 2023).

В частности, А.А. Морозова отмечает, что «политический имидж страны, как и любой другой имидж, образуется в массовом

¹ Tekiner U. The 'European (Union) Identity': An Overview // E-International Relations. April 15, 2020. URL: <https://www.e-ir.info/2020/04/15/the-european-union-identity-an-overview/> (accessed: 23.08.2022). См. также: (Caporaso, 2005; Haller & Ressler, 2006; Todorov & Bracher, 2008; Latcheva, Datler & Roszbacher 2012; European Identity in the Context of National Identity..., 2016; Royuela & López-Bazo, 2020).

сознании через систему определенных представлений и поступающую информацию, которую преподносят СМИ» (Морозова, 2018, с. 36). Детально влияние СМИ на внешнюю политику рассматривает в своей работе О. Елков, отмечая, что США, например, «добились создания системы, которая обеспечивает информационную поддержку реализации их национальных приоритетов в каждом уголке земного шара... Белый дом не только создает и поддерживает свой имидж, но и в том числе влияет на новостную политику других государств, формирует информационные поводы» (Елков, 2011).

В свою очередь, И.С. Палитай, рассматривая трансформацию образа Великобритании, транслируемого СМИ США и Евросоюза на фоне Брексита, приходит к выводу, что «изменения внешнеполитического курса страны и ее роли в международных организациях действительно представляют собой значимые факторы в вопросах изменения образа в информационно-коммуникативном пространстве» (Палитай, 2018, с. 52).

В научном сообществе также активно исследуется формирование имиджа международных наднациональных объединений. Так, одна из последних работ в этой сфере, посвященная восприятию Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) через призму китайских СМИ, принадлежит С.В. Кривохиж, Е.Д. Соболевой и Е.С. Мельниковой (Кривохиж, Соболева, Мельникова, 2023). При этом отмечается, что «в большинстве случаев в материалах информационных агентств как класс отсутствует серьезный и обстоятельный анализ данных, а имеющиеся сведения подгоняются под готовые субъективные выводы» (Bachmann, Eisenegger & Ingenhoff, 2022).

В работе «Имидж России в зеркале англоязычных СМИ», опубликованной еще в 2017 г., М.М. Русяева и Е.Ф. Черемушкина подчеркивают, что «в СМИ развернута информационная война, где пропаганда занимает одно из главенствующих положений», и «если говорить об имидже России в Великобритании, то в британских СМИ наблюдается процесс оперирования стереотипами о

России, сформированными еще во времена холодной войны и снова появившимися в наши дни» (Русяева, Черемушкина, 2017, с. 14).

«Представителями филологического сообщества неоднократно отмечался стереотипный характер изображения России и русского человека в англоязычных средствах массовой информации. Россия зачастую характеризуется как сторона, находящаяся в оппозиции по отношению к ведущим странам — участницам международных отношений. Восприятие зарубежным сообществом России как страны-агрессора с жесткой вертикалью власти формируется, в том числе, в связи со сложившейся тенденцией зарубежных (в т.ч. англоязычных) СМИ к освещению событий, происходящих в стране, в негативной тональности», — справедливо отмечают исследователи (Хрустова, Федорова, Федоров, 2020, с. 294).

Принимая во внимание, что Российская Федерация является доминирующим в торговле и экономике в рамках ЕАЭС государством, можно предположить, что основные тематические доминанты публикаций британских СМИ о ЕАЭС за анализируемый период будут напрямую связаны с Россией и сопряженными с ней стереотипами, а подавляющее большинство материалов будет характеризоваться негативной эмоциональной тональностью. Данное предположение основывается в том числе и на результатах аналогичного исследования, проведенного на материале новостных СМИ США и показавшего, что «нерегулируемое и полностью переданное в управление западных СМИ формирование образа Евразийского экономического союза в медийном пространстве США привело к тому, что в период становления он характеризовался как „сомнительное с точки зрения жизнеспособности интеграционное объединение“... С 2017 г. по настоящее время Евразийский интеграционный союз в информационном пространстве США фактически не присутствует» (Вихрова, 2021, с. 445). Однако для подтверждения или опровержения данной гипотезы необходимо провести соответствующий анализ, так как в настоящее время исследования СМИ Великобритании на данную тему отсутствуют.

Таблица 1

Наиболее популярные новостные сайты Великобритании в 2020 г. и их аудиторные показатели

Название сайта	Ссылка на ресурс	Подписчиков на Facebook*, млн чел.	Подписчиков в Twitter (X), млн чел.	Подписчиков в Instagram*, млн чел.	Social Media Engagement**
BBC News	www.bbc.co.uk/	51,9	10,3	11,6	25
The Guardian	www.theguardian.com/uk	8,2	8,2	–	800
Daily Mail Online	www.dailymail.co.uk/home/index.html	16,4	0,3	1,1	146
The Telegraph	www.telegraph.co.uk	4,4	2,9	0,5	56
The Independent	www.independent.co.uk	8,8	3	–	90
Daily Mirror	www.mirror.co.uk	3,2	1,2	0,2	48
The Sun	www.thesun.co.uk	2,7	1,3	–	94
Daily Express	www.express.co.uk/news	1,4	0,8	–	93
Metro	www.metro.co.uk	2,4	0,3	0,06	18
Channel 4 News	www.channel4.com/news	4,6	2,4	0,1	31

Примечания.

* — Деятельность социальных сетей Facebook и Instagram, принадлежащих компании Meta, признана в Российской Федерации экстремистской.

** — Social Media Engagement — показатель, основанный на количестве репостов, лайков и комментариев аудитории в отношении контента (активности) новостного веб-сайта в социальных сетях.

Источник: составлено О.Ю. Вихровой и Я.С. Горловой на основе: Top 70 UK News Websites to Follow in 2020 // FeedSpot. February 23, 2024. URL: https://blog.feedspot.com/uk_news_websites/ (accessed: 20.08.2024).

Методология и результаты исследования

С целью изучения образа ЕАЭС, формируемого ведущими новостными онлайн-СМИ Великобритании, был проведен частотный и тематический контент-анализ, осуществлена оценка эмоциональной тональности публикуемых текстов новостей за период с января 2014 по декабрь 2022 г., содержащих упоминание интеграционного объединения. Поиск релевантных материалов осуществлялся по следующим ключевым словам: *EAEU*, *Eurasian Economic Union*, *Eurasian Union*.

Наиболее популярными новостными сайтами Великобритании по числу подписчиков в соцсетях в 2020 г.², когда разрабатывалась методологическая база исследования, стали *BBC News*, *The Guardian*, *Daily Mail Online*, *The Telegraph*, *The Independent*, *Daily Mirror*, *The Sun*, *Daily Express*, *Metro* и *Channel 4 News*. Более подробная информация представлена в табл. 1. Необходимо отметить, что с целью обеспечения репрезентативности в

рамках анализа рассматривались прежде всего общественно-политические медиа, ориентированные на массовую аудиторию, а не деловые или экономические, включающие более широкий спектр тематических материалов, посвященных региональной экономической интеграции.

При этом общее число материалов, в которых упоминается ЕАЭС, за полных 8 лет составляет всего 114. В табл. 2 также представлена динамика, иллюстрирующая заинтересованность британских онлайн-СМИ в создании и размещении материалов, прямо или косвенно касающихся Евразийского экономического союза.

Число материалов сократилось с 36 в год подписания договора о Евразийском экономическом союзе до двух в 2020 г. Необходимо отметить, что резкий спад наблюдается уже в 2016 г. (8 материалов относительно 29 опубликованных в 2015). В период с 2016 по 2021 г. включительно число опубликованных материалов с упоминанием ЕАЭС варьировалось от 2 до 8 и составляло в среднем 5,3. Данные показатели иллюстрируют потерю интереса британских журналистов к интеграционному объединению постсоветского

² Top 70 UK News Websites to Follow in 2020 // FeedSpot. February 23, 2024. URL: https://blog.feedspot.com/uk_news_websites/ (accessed: 20.08.2024).

пространства и отсутствие какой-либо целенаправленной работы по формированию своего внешнеполитического имиджа со стороны ЕАЭС.

Небольшой подъем упоминаемости Евразийского экономического союза в 2019 г. связан с освещением разрозненных, не связанных между собой событий: выступление президента РФ В.В. Путина на форуме в Пекине, предложение немецкой бизнес-группы

«Восточный комитет» развивать контакты между ЕАЭС и Европой, обсуждение возможного присоединения Северной Македонии к ЕАЭС, отказ американского политика и личного адвоката Д. Трампа Р. Джулиани выступать на одной конференции с В.В. Путиным. Таким образом, незначительное увеличение количества публикаций нельзя связать с определенным инфоповодом и назвать проявлением той или иной тенденции.

Таблица 2

Количество материалов ведущих СМИ Великобритании с упоминанием ЕАЭС,
1 января 2014 г. — 31 декабря 2022 г.

Название издания / Количество материалов за год	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	Итого
BBC News	5	5	2	0	2	2	0	1	1	18
The Guardian	14	10	2	0	1	2	0	0	3	32
Daily Mail Online	4	3	1	0	0	2	1	0	2	13
The Telegraph	6	6	2	0	0	0	0	1	3	18
The Independent	1	1	0	0	0	0	0	1	1	4
Daily Mirror	2	1	0	0	0	0	0	0	1	4
The Sun	0	0	0	0	2	0	0	0	1	3
Daily Express	3	2	1	5	1	2	1	0	4	19
Metro	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1
Channel 4 News	1	1	0	0	0	0	0	0	0	2
Всего:	36	29	8	5	6	8	2	3	17	114

Источник: составлено О.Ю. Вихровой и Я.С. Горловой.

Пять материалов *Daily Express*, опубликованных в 2017 г. на фоне общего игнорирования темы ЕАЭС британскими медиа, посвящены таким явлениям и событиям, как получение Молдовой статуса страны — наблюдателя в ЕАЭС, подписание соглашения между Арменией и Евросоюзом, пресс-конференция Владимира Путина во время саммита Группы двадцати и сотрудничество России и Китая. Непосредственно Евразийскому экономическому союзу при этом посвящены только два материала, касающиеся Молдовы и Армении, в остальных случаях интеграционное объединение упоминается в контексте, но не является предметом публикации.

Материалы также были проанализированы с точки зрения их эмоциональной тональности. Для оценки этого показателя в рамках исследования принимались во внимание такие элементы, как оценочная лексика,

упоминание ЕАЭС в позитивном или негативном контексте, характеристика перспектив существования объединения как положительных или отрицательных.

В результате анализа удалось установить, что в подавляющем большинстве онлайн-изданий тексты журналистских публикаций, касающиеся Евразийского экономического союза или содержащие его упоминание, характеризуются негативной тональностью (табл. 3). Обе новости, опубликованные в *Channel 4 News*, были оценены как негативные, в связи с чем процент преобладания негативного фона в этом новостном канале составил 100 %. В других СМИ отмечались в основном негативно или нейтрально окрашенные публикации.

Единственным медиа, где ЕАЭС упоминался в положительном контексте за исследуемый период, стал сайт издания *Daily Express*.

Таблица 3

Эмоциональная тональность содержащих упоминание ЕАЭС материалов британских СМИ, %

Название издания	Процент преобладания негативного фона	Процент преобладания позитивного фона	Процент преобладания нейтрального фона
Channel 4 News	100	0	0
Daily Mirror	75	0	25
Daily Express	72	0	28
The Telegraph	68	5	27
BBC News	67	0	33
Daily Mail Online	62	0	38
The Independent	56	0	44
The Sun	53	0	47
The Guardian	50	0	50
Metro	0	0	100

Источник: составлено О.Ю. Вихровой и Я.С. Горловой.

Материал, охарактеризованный как позитивно окрашенный, посвящен заявлению С.В. Лаврова о том, что Кремль открыт для расширения экономического сотрудничества между Евразийским экономическим союзом и ЕС. Министр добавил, что В.В. Путин обсуждал это с председателем Европейской комиссии Жаном-Клодом Юнкером, но, видимо, «страны — члены ЕС не очень хорошо знакомы с этими предложениями»³. Тем не менее в данном случае позитивная тональность скорее условна и объясняется тем, что на фоне отрицательной характеристики Ж.-К. Юнкера С.В. Лавров, в данном контексте репрезентирующий Россию и ЕАЭС, выглядит положительно.

Основные тематические направления освещения ЕАЭС британскими СМИ

В общем массиве материалов о ЕАЭС преобладают две тематические доминанты.

В рамках первой из них Евразийский экономический союз характеризуется как «кремлевский проект», созданный для противодействия Европейскому союзу («противник ЕС», «контрмодель ЕС», «оппозиционный ЕС субъект», «соперник Евросоюза», «цель ЕАЭС — победа над Западом»). В некоторых случаях эта доминанта проявляется более

нейтрально, без очевидно отрицательных сравнений и коннотаций, например: «Путин надеялся, что Евразийский союз с доминирующей в нем Москвой, будет функционировать как альтернатива ЕС»⁴.

Однако следует отметить, что даже если непосредственно ЕАЭС не характеризуется негативно в рамках данного направления, то на восприятие его образа могут оказывать влияние отрицательные оценки, данные России как самому крупному государству, которое доминирует в объединении: «Россия относится к Европейскому союзу со все возрастающей враждебностью, а Украина была неотъемлемой частью плана президента Путина по созданию конкурирующего торгового блока — Евразийского союза»⁵. Таким образом, на ЕАЭС проецируются характеристики России, основанные на существующих в западном дискурсе стереотипах: «империя зла», «медвежья объятия Москвы».

В качестве второго ключевого тематического направления можно выделить объяснение существования ЕАЭС попыткой ресоветизации: авторы публикаций утверждают, что данное объединение создано Россией главным образом с целью возрождения СССР

⁴ Burke J. Post-Soviet World: What You Need to Know About the 15 States // The Guardian. June 9, 2014. URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/jun/09/-sp-profiles-post-soviet-states> (accessed: 23.08.2022).

⁵ Holehouse M. Brilliant Putin Is the Leader I Most Admire, Says Nigel Farage // The Telegraph. March 31, 2014. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/vladimir-putin/10733446/Brilliant-Putin-is-the-leader-I-most-admire-says-Nigel-Farage.html> (accessed: 23.08.2022).

(«ЕАЭС является прикрытием для стремления Владимира Путина загнать постсоветских соседей России в тесный политический союз»; «ЕАЭС — попытка воссоздать империю»; «ЕАЭС — замаскированные усилия воссоздать СССР»). Например:

— «Хотя Путин назвал распад Советского Союза „величайшей геополитической катастрофой XX века“, он отрицает, что стремится его возродить. Запад не так уверен; бывший госсекретарь США Хиллари Клинтон охарактеризовала ЕАЭС как „попытку ресоветизировать регион“»⁶.

— «В качестве президента России Владимир Путин стремился подорвать позиции Запада при каждой возможности, но когда он пытался сформировать блок наций в стиле ЕС, чтобы возродить наследие Советского Союза, то был отвергнут всеми сторонами... После многих лет переговоров ему в конце концов удалось собрать Евразийский экономический союз в январе 2015 года, но он оказался таким же непопулярным, как и блоки, которые были до него»⁷.

Примечательно, что одной из наиболее частотных оценок является характеристика ЕАЭС как личного проекта В.В. Путина («Армения — участник Евразийского экономического союза президента Владимира Путина», «интеграционный проект Владимира Путина», «мечта Владимира Путина о Евразийском союзе»). Образцы подобной риторики можно встретить в обоих вышеупомянутых тематических направлениях. Например: «Он (Путин) хочет, чтобы Украина была в составе его любимого проекта — Евразийского союза, ответа России Европейскому союзу... Евразийский проект Путина — на самом деле Москва и кучка диктаторов из Центральной Азии»⁸.

⁶ Henley J. A Brief Primer on Vladimir Putin's Eurasian Dream // *The Guardian*. February 18, 2014. URL: <https://www.theguardian.com/world/shortcuts/2014/feb/18/brief-primer-vladimir-putin-eurasian-union-trade> (accessed: 23.08.2022).

⁷ Bradley Ch. Putin Snub: Russia's Botched Effort to Form EU-Style Soviet Bloc Revealed // *The Daily Express*. December 12, 2019. URL: <https://www.express.co.uk/news/world/1216449/putin-news-russia-eu-soviet-union-emmanuel-macron-balkans-nato-spt> (accessed: 23.08.2022).

⁸ Mardell M. Ukraine Crisis: Why Russia and EU Both Stand to Lose // *BBC News*. February 21, 2014. URL:

Важно также отметить, что указанные выше темы не являются взаимоисключающими и могут сосуществовать в одной публикации. Например, в материале *The Guardian* от 11 июля 2016 г. можно выделить риторику, посвященную роли В.В. Путина в ЕАЭС, оппозиции ЕАЭС — ЕС и попытке ресоветизации: «В последние годы Путин стремился продвигать свой собственный Евразийский союз в качестве альтернативы ЕС... Критики назвали Евразийский союз обновленной версией Советского Союза»⁹.

Активное включение в публикации рассмотренных тематических доминант приводит к тому, что в британских новостных медиа ЕАЭС рассматривается в первую очередь как геополитический блок, соперничающий с Евросоюзом и стремящийся восстановить влияние СССР: «Это может показаться фантастическим, но Кремль, вероятно, будет продолжать приветствовать разногласия внутри ЕС и подъем партий-евроскептиков... В 1960-х и 70-х годах Советский Союз проводил политику, пытаясь вбить клин между США и Европой, между разными европейскими странами... Такая же политика и сейчас»¹⁰.

Также политический аспект существования ЕАЭС, который доминирует в материалах британских СМИ, усиливается упоминаниями объединения в одном контексте с Украиной. Это можно объяснить тем, что создание Евразийского экономического союза совпало по времени с обострением отношений между Россией и Украиной, поэтому британские авторы склонны анализировать эти явления в комплексе, особенно в материалах 2014–2015 гг.: «Путин тем временем в равной степени полон решимости эффективно аннексировать Украину и привлечь ее в качестве члена нового торгового блока, называемого Евразийским союзом, с центром в России»¹¹.

<https://www.bbc.com/news/world-us-canada-26299178> (accessed: 23.08.2022).

⁹ Walker S. What Russia Thinks of Brexit — And How It Could Gain from a Fractured Europe // *The Guardian*. July 11, 2016. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/jul/11/what-russia-thinks-of-brexit-and-how-it-could-gain-from-a-fractured-europe> (accessed: 23.08.2022).

¹⁰ Ibid.

¹¹ Burleigh M. Return of the Evil Empire and a Nation on the Brink of Civil War: America and Europe Look on in

В качестве еще одного тематического направления можно выделить сопоставление ЕАЭС с интеграционными инициативами Китая — ШОС и «Один пояс, один путь». Это может быть обусловлено ориентацией обоих проектов на евразийское пространство и, в частности страны Центральной Азии. Авторы публикаций, в которых ЕАЭС и Китай фигурируют вместе, как правило, обращаются к вопросу доминирования в регионе и возможного развития отношений между Россией и КНР. Например: *«Вместо сопряжения Евразийского экономического союза и „Пояса и пути“ все может привести к тому, что в конечном итоге ЕАЭС подчинится этой китайской схеме»*¹².

В свою очередь, исследование материалов британских СМИ за 2021 и 2022 гг. показывает, как изменилась подача новостей, связанных с ЕАЭС, на фоне обострения политического кризиса и начала специальной военной операции. Всего за два года в изучаемых медиа было опубликовано 20 материалов, в которых упоминался Евразийский экономический союз. При этом в 2022 г. подобных публикаций было почти в 6 раз больше, чем в 2021 г. (17 против трех соответственно).

Абсолютное большинство материалов характеризуются негативной эмоциональной тональностью, что особенно свойственно для публикаций 2022 г. Главным образом ЕАЭС упоминается в контексте действий России на Украине, включая экономические явления (санкции и контрсанкции, параллельный импорт), ход и возможные последствия специальной военной операции. Соответственно, в представлении данных СМИ Евразийский экономический союз априори появляется в негативном контексте.

В 2021 и 2022 гг. продолжается основная тематическая линия изображения ЕАЭС как

Fear as Violence Grips Ukraine // The Daily Mail. February 19, 2014. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2563404/Return-evil-empire-nation-brink-civil-war-America-Europe-look-fear-violencegrips-Ukraine.html> (accessed: 23.08.2022).

¹² Christys P. China and Russia Can Keep GLOBAL PEACE, Says Xi Jinping — But They Can't Agree on Much... // The Daily Express. May 15, 2017. URL: <https://www.express.co.uk/news/world/804730/Russia-China-trade-infrastructure-Eurasian-Economic-Union-Belt-and-Road> (accessed: 23.08.2022).

проекта России. В части материалов Союз упоминается исключительно в контексте заявлений Владимира Путина на встрече глав ЕАЭС:

— *«Выступая на саммите Евразийского экономического союза в Киргизии, Владимир Путин заявил, что некоторые проблемы, связанные с обеспечением людей, теперь находят решение»*¹³.

— *«Подразумевается, что решение блока (Европейского союза), принятое за день до саммита ЕАЭС, должно стимулировать Путина сделать акцент на ослаблении санкций»*¹⁴.

Также авторы проанализированных материалов британских СМИ утверждают, что ЕАЭС — это кремлевский *“pet project”* («проект-любимчик»), необходимый России для политических манипуляций и удовлетворения имперских амбиций:

— *«Условия капитуляции Украины почти наверняка будут включать обещание украинского нейтралитета и могут распространяться шире, включая передачу Украины в сферу влияния России с членством в российских Организации Договора о коллективной безопасности или ЕАЭС»*¹⁵.

— *«В 2000 году Путин создал Евразийское экономическое сообщество, конкурирующее с Европейским союзом, чтобы обеспечить более тесное сотрудничество между бывшими советскими государствами. Переименованное в 2014 году в Евразийский экономический союз, объединение включает в себя Россию и пропутинские правитель-*

¹³ Putin Admits Russia Can't Supply Clothing to Front Line Troops // The Telegraph. December 9, 2022. URL: <https://www.telegraph.co.uk/world-news/2022/12/09/ukraine-russia-news-ukraine-russia-news-putin-war-latest-missiles/> (accessed: 23.08.2022).

¹⁴ Gottein Martinez T. Putin Health Latest: New Pictures Show Despot Looking Pale as He Speaks from Moscow // Daily Express. May 26, 2022. URL: <https://www.express.co.uk/news/world/1616438/putin-health-latest-pale-pictures-moscow-video-conference> (accessed: 23.08.2022).

¹⁵ Chivvis C. S. I've Studied the Possible Trajectories of the Russia-Ukraine War. None Are Good // The Guardian. March 8, 2022. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/mar/08/russia-ukraine-war-possible-trajectories> (accessed: 23.08.2022).

ства Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана»¹⁶.

Еще одна тематическая доминанта материалов 2022 г. — страны ЕАЭС как союзники России в ее политике. Так, два материала из рассмотренных (из *Metro* и *Daily Express*) посвящены исключительно перечислению союзников России и Организации Североатлантического договора (НАТО) на фоне военного конфликта на Украине. Примечательно, что эмоциональная тональность этих материалов нейтральная, авторы оперируют фактически данными и не прибегают к оценкам:

— «У России также есть несколько союзников в ЕАЭС, который по большей части состоит из бывших стран Советского Союза»¹⁷.

— «У России есть несколько постоянных союзников, прежде всего это страны Евразийского экономического союза. ЕАЭС представляет собой политический и экономический союз, который Путин предложил создать в 2011 году, а первыми вместе с Россией подписали договор о его создании Беларусь и Казахстан»¹⁸.

В двух материалах Евразийский экономический союз также упоминался в контексте протестов в Казахстане в январе 2022 г. Авторы акцентировали внимание на том, что протесты в республике могут вызвать страх у президента России, а также прогнозировали, что для Казахстана более вероятно остаться в ЕАЭС вне зависимости от исхода ситуации. Примечательно, что в отношении Евразийского экономического союза снова использовалась одна и та же формулировка — “*pet project*”:

¹⁶ Blair A. Evil Empire: Vladimir Putin’s Twisted Dream of a New Russian Empire Stretching 10,000 Miles Encompassing Britain & Europe // *The Sun*. April 7, 2022. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/18174670/vladimir-putin-eurasia-ukraine-war-dmitry-medvedev/> (accessed: 23.08.2022).

¹⁷ Carey D. NATO vs Russia Allies: Who Is Supporting the World Superpowers? // *Daily Express*. June 28, 2022. URL: <https://www.express.co.uk/news/world/1632481/nato-vs-russia-allies-who-supports-world-superpowers-eva> (accessed: 23.08.2022).

¹⁸ Slater J. Do Russia Have Any Allies and What Have They Said About Ukraine? // *Metro*. March 19, 2022. URL: <https://metro.co.uk/2022/02/27/russia-ukraine-war-which-countries-are-russias-allies-16182955/> (accessed: 23.08.2022).

— «Для Казахстана маловероятно выскользнуть из орбиты Москвы, даже если нынешнее правительство падет. Москва будет стремиться к тому, чтобы победитель не вышел из ее „проектов-любимчиков“, таких как Евразийский экономический союз»¹⁹.

— «Даже если правительство Казахстана полностью падет, страна вряд ли полностью выйдет из-под влияния Москвы, хотя Россия будет беспокоиться о своих „проектах-любимчиках“, таких как Евразийский экономический союз»²⁰.

Материалы 2021 г. в основном характеризуются нейтральной тональностью и посвящены анализу взаимоотношений России с другими государствами. Например, автор публикации *BBC News* “*Vladimir Putin: What Russian President’s India Visit Means for World Politics*” от 6 декабря 2021 г. анализирует отношения между Россией и Индией и возможные перспективы их развития, принимая во внимание различные факторы: вступление Индии в «Квад» (альянс с США, Японией и Австралией), конфликты между Индией и Китаем, объемы торговли между Индией и РФ: «*Переговоры о соглашении по созданию зоны свободной торговли между Индией и Евразийским экономическим союзом, возглавляемым Россией, также, вероятно, будут продвигаться вперед. Если сделка состоится, это поможет предприятиям легко перемещать товары между двумя регионами*»²¹.

Обсуждение

Изучение восприятия ЕАЭС новостными онлайн-СМИ Великобритании в период с

¹⁹ Oliphant R. Kazakhstan Crisis Exposes Flaw at the Heart of Vladimir Putin’s Authoritarian Model // *The Telegraph*. January 5, 2022. URL: <https://www.telegraph.co.uk/world-news/2022/01/05/kazakhstan-crisis-exposes-fragility-heart-putins-authoritarian/> (accessed: 23.08.2022).

²⁰ Jewers C. Why Kazakhstan Uprising Will Strike Fear in Putin: Protests Against Another of Vladimir’s Allies Show Citizens of Former Soviet Nations Are Ready to Rise Up After Decades of Suppression // *Daily Mail Online*. January 6, 2022. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-10374723/temp.html> (accessed: 23.08.2022).

²¹ Pandey V. What Russian President’s India Visit Means for World Politics // *BBC News*. December 5, 2021. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-india-59515741> (accessed: 23.08.2022).

2014 по 2022 г. характеризует то, как на деятельность объединения реагировали профессиональные журналисты в условиях относительной политической стабильности. Однако на фоне обострения политического кризиса на Украине и конфронтации между Россией и Западом, которая перешла в «горячую» фазу в 2022 г., Евразийский экономический союз снова начал фигурировать в повестке западных медиа, но в негативном ключе. В этой связи интерес представляет дальнейшее исследование актуальных тенденций в западном инфополе, включая восприятие процессов на постсоветском пространстве не только профессиональными журналистами, но и широкой аудиторией.

Заключение

Результаты анализа, проведенного в ходе исследования, показывают, что к 2021 г. Евразийский экономический союз практически исчез из новостного поля британских новостных СМИ. Пристальное внимание медиа к объединению, зафиксированное в 2014–2015 гг., сопряжено с преимущественно негативными оценками целей создания ЕАЭС. Можно предположить, что причиной подобной реакции (или, вернее, отсутствия всякой реакции) стал недостаток целенаправленной работы по выстраиванию внешнеполитического имиджа объединения. Также в первые годы становления политика Евразийского

экономического союза была направлена главным образом на внутренние вопросы и взаимодействие с партнерами в Азиатском регионе, и, соответственно, объединение почти не создавало инфоповодов, интересных широкой международной аудитории.

Таким образом, в отсутствие альтернативной повестки в западных медиа сформировался образ Евразийского экономического союза как личного геополитического проекта Владимира Путина, созданного ради противостояния с Евросоюзом и возрождения СССР. Эта тенденция продолжилась в 2022 г., когда ЕАЭС вернулся в повестку медиа Великобритании в контексте российской внешней политики. При этом британские журналисты почти не уделяют внимания экономическому аспекту существования ЕАЭС, хотя именно он является главенствующим в данном интеграционном проекте. В этом контексте представляется важным продемонстрировать международной аудитории успехи объединения на экономическом поле, в том числе в деле установления связей с партнерами за пределами постсоветского пространства: Таиландом, Вьетнамом, Египтом и др. Безусловно, для выстраивания корректного внешнеполитического образа ЕАЭС требуется комплексная информационная работа, и текущий политический кризис делает эту потребность еще более насущной.

Поступила в редакцию / Received: 04.10.2022
Доработана после рецензирования / Revised: 05.03.2024
Принята к публикации / Accepted: 15.10.2024

Библиографический список

- Вихрова О. Ю. Образ ЕАЭС в ведущих новостных СМИ США // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10, № 3. С. 437–449. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10\(3\).437-449](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(3).437-449); EDN: NGUOIE
- Горягина Ю. П. Национальная идентичность как основа формирования имиджа Китая // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. № 3. С. 102–107. EDN: OYTENZ
- Гринберг Т. Э. Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели // Медиаскоп. 2008. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/en/%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7-%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%8B-%D0%B8%D0%BB%D0%B8-%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D0%B4%D0%B6-%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0-%D0%BF%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%BA-%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D1%80%D1%83%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B9-%D0%BC%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B8> (дата обращения: 23.08.2022).
- Драгачева О. С. Внешнеполитический имидж государства и его лидера: технологии формирования и позиционирования : дис. ... канд. полит. наук. Москва : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2006.
- Елков О. А. Роль СМИ во внешней политике и формировании образа государства в международном массовом сознании // Дипломатический вестник Приднестровья. 2011. № 1. С. 109–110.

- Жукова П. И.* Имидж России и ее безопасность: диалектика взаимосвязи // *Власть*. 2010. № 2. С. 53–55. EDN: LAAQVL
- Киселев И. Ю.* Образы государства в международных отношениях: механизмы трансформации // *Политические исследования*. 2003. № 3. С. 50–57. <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.03.05>; EDN: ESCXAF
- Киселев И. Ю.* Проблема образа государства в международных отношениях: конструктивистская парадигма // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*. 2007. Т. 3, № 3. С. 253–260. EDN: KNUZZL
- Кривохиж С. В., Соболева Е. Д., Мельникова Е. С.* ШОС через призму китайских СМИ: анализ публикаций в «Жэньминь Жибао» и «Хуаньцю Шибао» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2023. Т. 23, № 1. С. 105–115. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-105-115>; EDN: ULEZQK
- Морозова А. А.* Средства массовой информации как инструмент управления общественным мнением в процессе формирования политического имиджа государства за рубежом // *Социально-экономические явления и процессы*. 2018. Т. 13, № 103. С. 33–41. <https://doi.org/10.20310/1819-8813-2018-13-103-33-41>; EDN: KWHRGB
- Палитай И. С.* Брекзит как фактор трансформации коммуникативного образа Великобритании // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62, № 4. С. 45–54. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-4-45-54>; EDN: XNKTFB
- Пашикина Т. А.* Понятие «имидж территории» в современной науке и практике // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2012. Т. 12, № 2. С. 63–66. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2012-12-2-63-66>; EDN: PJXOGH
- Русяева М. М., Черемушкина Е. Ф.* Имидж России в зеркале англоязычных СМИ // *Гуманитарный научный вестник*. 2017. № 6. С. 14–18. <https://doi.org/10.5281/zenodo.1049109>; EDN: ZRTAIZ
- Смирнова А. Г.* Образ государства во внешней политике и международных отношениях: опыт социологического исследования. Санкт-Петербург: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного ун-та, 2011.
- Торопова Е. А.* Национальная идентичность как компонент имиджа страны // *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. 2010. № 4. С. 219–230. EDN: NCETLP
- Тренин Д. В.* Новый баланс сил. Россия в поисках внешнеполитического равновесия. Москва: Альпина Паблишер, 2021.
- Хрустова Л. Е., Федорова Е. А., Федоров Ф. Ю.* Тональность освещения позиции России в англоязычных СМИ в период санкций // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020. Т. 13, № 4. С. 292–310. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-4-14>; EDN: TIRMFO
- Bachmann P., Eisenegger M., Ingenhoff D.* Defining and Measuring News Media Quality: Comparing the Content Perspective and the Audience Perspective // *The International Journal of Press/Politics*. 2022. Vol. 27, no. 1. P. 9–37. <https://doi.org/10.1177/1940161221999666>
- Caporaso J. A.* The Possibilities of a European Identity // *Brown Journal of World Affairs*. 2005. Vol. 12, no. 1. P. 65–75.
- European Identity in the Context of National Identity: Questions of Identity in Sixteen European Countries in the Wake of the Financial Crisis* / ed. by B. Westle, P. Segatti. New York: Oxford University Press, 2016. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198732907.001.0001>
- Haller M., Ressler R.* National and European Identity. A Study of Their Meanings and Interrelationships // *Revue française de sociologie*. 2006. Vol. 47, no. 4. P. 817–850. <https://doi.org/10.3917/rfs.474.0817>
- Latcheva R., Datler G., Roszbacher E.* The Concept of European Identity: Overused and Underspecified? // *Methods, Theories, and Empirical Applications in the Social Sciences* / ed. by S. Salzborn, E. Davidov, J. Reinecke. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2012. P. 235–248. https://doi.org/10.1007/978-3-531-18898-0_29
- Royuela V., López-Bazo E.* Understanding the Process of Creation of European Identity — the Role of Cohesion Policy // *Investigaciones Regionales — Journal of Regional Research*. 2020. Vol. 46. P. 51–70. URL: https://investigacionesregionales.org/wp-content/uploads/sites/3/2020/04/3.-Royuela_vf.pdf (accessed: 01.04.2024).
- Todorov T., Bracher N.* European Identity // *South Central Review*. 2008. Vol. 25, no. 3. P. 3–15. <https://doi.org/10.1353/scr.0.0030>

Сведения об авторах:

Вихрова Ольга Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и экономики СМИ факультета журналистики, МГУ им. М.В. Ломоносова; eLibrary SPIN-код: 1713-1204; ORCID: 0000-0002-9208-906X; e-mail: eurasiamsu@gmail.com

Горлова Ярослава Сергеевна — аспирант кафедры теории и экономики СМИ факультета журналистики, МГУ им. М.В. Ломоносова; ORCID: 0009-0002-9505-7933; e-mail: jaroslava.gorlova@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-4-588-605

EDN: MСУСDR

Научная статья / Research article

Латиноамериканская дезинтеграция при Жаире Болсонару во время мандата канцлера Бразилии Эрнесто Араужу в 2019–2021 гг.

А.Л. Эстевес

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация
 aaarauzhoesteves@hse.ru

Аннотация. Рассматривается влияние внешней политики Жаира Болсонару на интеграционные процессы в Латинской Америке во время исполнения своих обязанностей первым канцлером Эрнесто Араужу с января 2019 по март 2021 г. В исследовании утверждается, что ухудшение двусторонних отношений Бразилии с Аргентиной и Венесуэлой в этот период было главным препятствием для дальнейшего развития латиноамериканской интеграции в соответствии с теорией осей региональной интеграции, предложенной бразильскими учеными Ракель Патрисиу и Амадо Серво. Направленность внешней политики Э. Араужу на изоляцию Венесуэлы от региональных инициатив стала катализатором распада Союза южноамериканских наций (УНАСУР) и Сообщества государств Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК). Подход Бразилии к венесуэльскому вопросу определил ее взаимодействие с Форумом за прогресс и интеграцию Южной Америки (ПРОСУР) — организацией, которая не смогла добиться конкретных результатов в продвижении демократии и региональной политической координации. Кроме того, подчеркивается ослабление позиций Бразилии как регионального лидера и усиление роли таких стран, как Чили, Колумбия и Перу. Автор приходит к выводу, что политика Э. Араужу способствовала дезинтеграции Латинской Америки, поскольку к концу его пребывания на посту министра иностранных дел Бразилии ни одно учреждение на региональном уровне не располагало необходимыми инструментами для содействия экономической, социальной или политической координации между латиноамериканскими странами.

Ключевые слова: Бразилия, латиноамериканская интеграция, Венесуэла, УНАСУР, ПРОСУР, СЕЛАК, МЕРКОСУР

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Данная статья подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в рамках конкурса проектных групп в 2022 г.

Для цитирования: Эстевес А. Л. Латиноамериканская дезинтеграция при Жаире Болсонару во время мандата канцлера Бразилии Эрнесто Араужу в 2019–2021 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 4. С. 588–605. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-588-605>

© Эстевес А.Л., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Latin American Disintegration under Jair Bolsonaro During Brazilian Chancellor Ernesto Araujo's Mandate, 2019–2021

Ana Livia Esteves

HSE University, Moscow, Russian Federation

 aaarauzhoesteves@hse.ru

Abstract. The article investigates the impact of Jair Bolsonaro's foreign policy on Latin American integration during the mandate of his first chancellor Ernesto Araujo, from January, 2019 to March, 2021. The research argues that the deterioration of Brazil's bilateral relations with Argentina and Venezuela during this period was the main obstacle to further development of Latin American integration, in accordance with the axis theory of regional integration proposed by Brazilian scholars Raquel Patricio and Amado Cervo. The focus of Araujo's foreign policy in isolating Venezuela from regional initiatives was the main driver behind the decline of the Union of South American Nations (UNASUR) and the Community of Latin American and Caribbean States (CELAC). Brazil's approach to the Venezuelan issue determined its engagement with the Forum for the Progress and Integration of South America (PROSUR), an institution that ultimately failed to deliver concrete results in democracy promotion and regional political coordination. Brazil's relations with the Southern Common Market (MERCOSUR) will be scrutinized in greater detail, due to the organization's institutional complexity and importance for Brasilia's regional engagement. Furthermore, the research will attest to the deterioration of Brazil's regional leadership and the strengthening role of countries such as Chile, Colombia and Peru. The author concludes that Ernesto Araujo's policies have contributed to Latin American disintegration, for by the end of his term at the Brazilian Minister of Foreign Affairs no institution in the Latin American level had the necessary instruments to promote economic, social or political coordination among regional countries.

Key words: Brazil, Latin American integration, Venezuela, UNASUR, PROSUR, CELAC, MERCOSUR

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Acknowledgements. This article was prepared with the grant support from the Faculty of World Economy and International Affairs at HSE University as part of the project group competition in 2022.

For citation: Esteves, A. L. (2024). Latin American disintegration under Jair Bolsonaro during Brazilian chancellor Ernesto Araujo's mandate, 2019–2021. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(4), 588–605. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-588-605>

Введение

1 января 2019 г. Жаир Болсонару вступил в должность президента Бразилии. Первым министром иностранных дел в его правительстве стал Эрнесто Араужу, который привнес в МИД Бразилии (*Итамарати*) новую повестку дня внешней политики, основанной на концепциях, чуждых бразильской дипломатической традиции.

В статье исследуется влияние внешнеполитической деятельности Э. Араужу на участие Бразилии в латиноамериканской интеграции. Хронологические рамки исследования ограничены его нахождением на посту министра иностранных дел с 1 января 2019 г. по 29 марта 2021 г.

Теоретико-методологическая основа исследования

Данное исследование вносит свой вклад в дискуссию о влиянии, которое конкретное

правительство оказывает на внешнеполитический курс государства, ставя под сомнение реалистическую теорию международных отношений, которая рассматривает государство в качестве унитарного субъекта, в котором внутренняя и внешняя политика являются разделенными, независимыми областями¹.

После восстановления демократии и принятия Конституции Бразилии в 1988 г. круг субъектов, участвующих в формировании внешнеполитического курса, расширился, сократив разрыв между внутренней и внешней политикой (Milani, Pinheiro & De Lima, 2017). В этих условиях внутриполитический курс отдельных правительств

¹ Boekle H., Rittberger V., Wagner W. Norms and Foreign Policy: Constructivist Foreign Policy Theory // *Tübinger Arbeitspapiere zur Internationalen Politik und Friedensforschung*. 1999. No. 34a. URL: <https://tobias-lib.uni-tuebingen.de/xmlui/bitstream/handle/10900/47193/pdf/tap34a.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed: 03.06.2022).

начал оказывать все более заметное влияние на внешнеполитическое поведение Бразилии.

Для того чтобы оценить эволюцию внешней политики Э. Араужу в области латиноамериканской интеграции, мы будем опираться на исторический подход, основывая исследование на концепции «глубинных сил» Пьера Ренувена (Thobie, 1985), чтобы показать, как идеи и подходы, разделяемые правящей элитой страны, влияют на формирование внешней политики. Эта концепция была сформирована под теоретическим зонтиком исторического подхода к международным отношениям, предложенного французскими учеными П. Реноувином и Ж.-Б. Дюрозелем (Renouvin & Duroselle, 1964).

Исследование в значительной степени опирается на первоисточники, такие как акты и договоры, подписанные (или денонсированные) Бразилией в исследуемый период. Кроме того, речи и интервью Э. Араужу тщательно изучены с помощью методов дискурс-анализа (Díaz-Bone et al., 2008), чтобы раскрыть его концепцию региональной интеграции и личные взгляды на роль Латинской Америки во внешней политике Бразилии.

Конкретные шаги, осуществленные канцлером в *Итамарати*, представлены на основе документов, конференций и интервью с бразильскими дипломатами, составленных Фондом Александра де Гужмау при МИД Бразилии.

Латиноамериканская интеграция до Ж. Болсонару

Для более полного понимания того, какое влияние оказала политика Э. Араужу на латиноамериканскую интеграцию, необходимо кратко описать положение дел с участием Бразилии в региональных интеграционных процессах до его назначения на пост министра иностранных дел.

Участие в латиноамериканской интеграции является важным принципом бразильской внешней политики, установленным ст. 4 Конституции Бразилии 1988 г.²

² Constituição da República Federativa do Brasil de 1988 // Presidência da República. URL:

Наиболее всеобъемлющим и институционально выстроенным региональным проектом, в котором участвует Бразилия, является Общий рынок стран Южной Америки (*Mercado Común del Sur*, МЕРКОСУР). Созданный в 1991 г. в результате подписания Асунсьонского договора, МЕРКОСУР включает в себя Аргентину, Бразилию, Парагвай, Уругвай и Венесуэлу, участие которой в настоящее время приостановлено из-за несоблюдения Ушуйских протоколов, навязывающих демократическую политическую систему как обязательную для всех членов торгового блока³. Созданный на волне неолиберальных тенденций в политическом и экономическом мышлении Латинской Америки, МЕРКОСУР изначально ставил своей целью создание таможенного союза в Южном конусе Американского континента. К началу XXI в. МЕРКОСУР расширил свою деятельность, в духе концепции многомерного регионализма, которая подразумевает интеграцию не только в торгово-экономической, но и политической и социальной сферах.

В итоге МЕРКОСУР трансформировался в организацию со сложной и развитой институциональной структурой и международной правосубъектностью: группа имеет органы по урегулированию споров, общий внешний тариф, парламент и фонд для устранения асимметрии между членами (Фонд структурной конвергенции), и это лишь некоторые из достижений организации.

С момента ратификации соглашения о свободной торговле между МЕРКОСУР и Перу в 2006 г. Южная Америка стала де-факто зоной свободной торговли, при этом большинство товаров, подлежащих торговле, освобождены от импортных тарифов во всех странах региона, за исключением Гвианы и Суринама. Несмотря на это выдающееся достижение, в Южной Америке все еще есть

https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/constituicao.htm (accessed: 03.06.2022).

³ Mercosur Suspends Venezuela for “Rupture of the Democratic Order” // Presidência da República. 06.08.2017. URL: https://gestaoconteudo.presidencia.gov.br/gestao_brazilgovnews/about-brazil/news/2017/08/mercossur-suspends-venezuela-for-rupture-of-the-democratic-order (accessed: 03.06.2022).

место для экономической либерализации, особенно в вопросах торговли «нового поколения», которые включают такие области, как инвестиции, государственные закупки и электронная коммерция. Более того, торговля и экономическая интеграция между Южной и Центральной Америкой все еще находятся на уровне значительно ниже ожидаемого.

До инаугурации Ж. Болсонару в январе 2019 г. Бразилия была членом двух организаций, деятельность которых направлена на укрепление политической и социальной координации между государствами Латинской Америки, — Союза южноамериканских государств (*Unión de Naciones Suramericanas*, УНАСУР) и Сообщества государств Латинской Америки и Карибского бассейна (*Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños*, СЕЛАК).

Созданный в 2008 г. УНАСУР стал первой организацией, в которую вошли все страны Южной Америки. Была создана штаб-квартира в Кито (Эквадор) и постоянный секретариат для координации в ключевых областях регионального развития. Кроме того, УНАСУР стал первым блоком, который содействовал региональной координации в области обороны и безопасности (Борзова, Маричева, 2018, с. 867).

СЕЛАК, созданный в 2010 г., — первая организация, объединившая все страны Латинской Америки, включая Кубу. СЕЛАК позиционировал себя как альтернативу Организации американских государств (ОАГ), которую часто критиковали за якобы гипертрофированное влияние США в ее деятельности. Сообщество призвано взаимодействовать с внешними акторами в таких форматах, как Форум СЕЛАК — Китай или Платформа СЕЛАК — Европейский союз (ЕС).

В период нахождения на посту министра иностранных дел Э. Араужу Бразилия 15 апреля 2019 г. денонсировала Учредительный договор УНАСУР, а 15 января 2020 г. приостановила свое участие в СЕЛАК (Sanchez, 2020).

Бразильско-аргентинская ось

Успех интеграционных процессов в Южной Америке часто приписывают координации

между двумя основными региональными игроками — Бразилией и Аргентиной. Этот подход известен в Бразильской школе международных отношений как «теория оси» и широко используется в современных латиноамериканских исследованиях (Cervo & Lessa, 2014; Cervo & Bueno, 2015, p. 512; Oliveira & Souza, 2021).

Видный бразильский исследователь международных отношений А. Серво отмечает, что преодоление соперничества между Бразилией и Аргентиной имело важное значение для развития интеграционных инициатив в Южной Америке (Cervo, 2008). Ученый Рабель Патрисио предполагает, что ось Бразилия — Аргентина была ответственна за развитие южноамериканской интеграции, так же как ось Франция — Германия играла ключевую роль в создании ЕС (Patrício, 2006). Р. Патрисио определяет осевые отношения как «особые отношения, установленные между двумя международными державами, которые имеют общую границу и связаны экономической взаимодополняемостью. На первом этапе отношения характеризуются взаимным соперничеством, которое развивается во вторую фазу кооперативного поведения и, наконец, в стратегическое партнерство». Эти особые отношения становятся «гравитационной осью», вокруг которой развивается региональная интеграция (Patrício, 2006, p. 7).

Бразилия и Буэнос-Айрес пережили давнее соперничество, которое переросло в вооруженные столкновения во время военных конфликтов 1825–1828 гг. (так называемая Сисплатинская война). Соперничество за региональное лидерство, а также за доступ к природным ресурсам вызывало вражду между двумя странами.

Первым импульсом к интеграции между Бразилией и Аргентиной послужило подписание Уругвайских соглашений в 1961 г. Однако новаторским достижением в преодолении бразильско-аргентинского соперничества стало положившее конец долгому спору об использовании гидроэнергетического потенциала бассейна р. Прата Соглашение Итайпу-Корпус, подписанное между сторонами и Парагваем в 1979 г.

Вскоре после этого, в 1980 г., Бразилиа и Буэнос-Айрес подписали ряд соглашений о ядерном сотрудничестве, подняв двусторонние отношения на беспрецедентный уровень доверия. Поддержка Бразилией притязаний Аргентины на суверенитет над Мальвинскими островами во время ее военного конфликта с Соединенным Королевством в 1982 г. установила атмосферу взаимопонимания между политическими и военными элитами в Бразилиа и Буэнос-Айресе.

По мнению А. Серво, эмпатия между бразильской и аргентинской элитами и создание зоны мира в Южном конусе Американского континента были основными движущими силами основания МЕРКОСУР в 1991 г. и дальнейшей региональной интеграции (Servo, 2008, p. 163). Используя МЕРКОСУР в качестве отправной точки, Бразилиа и Аргентина подняли свое региональное взаимодействие с Южного конуса на уровень Южной Америки. МЕРКОСУР способствовал присоединению Венесуэлы к региональной интеграции и установил тесные связи с ассоциированными государствами, такими как Боливия, Чили, Колумбия, Эквадор и Перу.

Ось «Бразилиа — Аргентина — Венесуэла»

Сила бразильско-аргентинской оси имела решающее значение для южноамериканской интеграции, но у нее не было стимула вовлечь страны Центральной Америки и Карибского бассейна в функционирование своих институциональных механизмов (Oliveira & Souza, 2021).

Привлечение Венесуэлы как заинтересованного регионального игрока с огромными нефтяными и финансовыми ресурсами создавало ось «Бразилиа — Буэнос-Айрес — Каракас», которая расширила бы географический спектр региональной интеграции, охватив Латинскую Америку в целом в рамках СЕЛАК.

На протяжении всего XX в. отношения между Бразилией и Венесуэлой были довольно прохладными. Каракас имел низкий международный авторитет до 1930-х гг., после чего он отдал приоритет отношениям с США и странами Карибского бассейна (Nunes, 2011). Однако после прихода к власти Уго

Чавеса в 1999 г. Венесуэла стремилась к продуктивной интеграции с Бразилией, в частности между государственными нефтяными компаниями стран — *PDVSA* и *Petrobras*. 2005 г., когда Каракас и Бразилиа подписали 15 соглашений в таких областях, как горнодобывающая промышленность, сельское хозяйство и военное сотрудничество, считается поворотным моментом в двусторонних отношениях⁴.

При У. Чавесе Каракас также развивал отношения с Аргентиной в рамках своих устремлений по присоединению к торговому блоку МЕРКОСУР и уравниванию регионального лидерства Бразилии путем внедрения менее «коммерциалистского» подхода к целям организации (Visentini, 2012).

О консолидации оси «Бразилиа — Буэнос-Айрес — Каракас» можно говорить с 2006 г., когда Венесуэла вышла из зоны свободной торговли Андского сообщества наций (*Comunidad Andina*, CAN), чтобы присоединиться к торговому блоку МЕРКОСУР.

Четыре года спустя эти три страны продвигали создание СЕЛАК, объединившего все 34 страны региона, прежде чем бразильский канцлер Эрнесто Араужу объявил о выходе Бразилии из организации в январе 2020 г.

Восхождение к власти Э. Араужу

Бразильский дипломат Э. Араужу, занимавший должность министра первого класса, был назначен главой Министерства иностранных дел 1 января 2019 г., после вступления в должность нового президента страны Жаира Болсонару. Э. Араужу окончил факультет лингвистики в Университете Бразилиа и приобрел значительный опыт в торговых переговорах, которыми занимался на протяжении всей своей карьеры.

Тем не менее назначение должностного лица, которое не считалось одним из ведущих дипломатов страны и никогда не возглавляло

⁴ Urrutia E. G. As relações do Brasil com a Venezuela: da desconfiança à aliança estratégica // Plataforma Democrática. 2011. No. 15. P. 9. URL: https://web.archive.org/web/20230203175825/https://plataformademocratica.org/arquivos/plataforma_democratica_working_paper_15_portugues.pdf (accessed: 03.06.2022).

посольство, застало его коллег врасплох (De Almeida, 2019).

Назначение Э. Араужу объясняется его близостью бразильскому праворадикальному мыслителю Олаво де Карвалью (De Almeida, 2019, p. 35), который оказал значительное влияние на семью Болсонару. О. де Карвалью утверждает, что мировая гегемония в настоящее время оспаривается тремя глобалистскими проектами (De Carvalho & Dugin, 2012, p. 9). В Латинской Америке наиболее успешным, по мнению ученого, является китайско-российский коммунистический глобалистский проект, поддерживаемый инфраструктурой таких стран, как Никарагуа, Куба и Венесуэла (De Carvalho, 2022). В своей инаугурационной речи Э. Араужу отдал дань уважения своему наставнику, заявив, что О. де Карвалью — «человек, который после президента Ж. Болсонару, вероятно, является главным ответственным за колоссальные преобразования, которые переживает Бразилия». Э. Араужу разделяет озабоченность О. де Карвалью «глобальными угрозами», которые он описывает как заговор элит с целью подрыва традиционных западных ценностей и государственного суверенитета. Как выразился тогдашний канцлер, цель глобализма — построить «фрагментированное общество без наций, семей и идентичностей... и подчинить людей некой материалистической и редукционистской философии» (Araújo, 2021, p. 36).

Э. Араужу выделил США как страну-образец, на которую Бразилия должна равняться. Его внешняя политика широко рассматривается бразильскими исследователями международных отношений как политика автоматического соответствия интересам Вашингтона (Berringer et al., 2021). На первый взгляд, антиглобалистские и проамериканские взгляды министра иностранных дел должны были сделать его противником латиноамериканской интеграции. Однако в этой статье будет высказано предположение, что Э. Араужу был не против региональной интеграции как таковой, а скорее был заинтересован в изменении ее параметров и выборе предпочтительных партнеров Бразилии.

Концепция региональной интеграции Э. Араужу тесно связана с концепцией

«открытого регионализма», разработанной в 1990-х гг. и принятой МЕРКОСУР в первые годы его функционирования. В ней подчеркивается, что региональная интеграция должна стать ступенькой к глобальной экономической либерализации. Концепция «открытого регионализма» была разработана для противодействия идее о том, что региональная торговая интеграция является неопротекционистской практикой. Критики региональной интеграции утверждают, что, способствуя либерализации торговли в рамках конкретного торгового блока, эта практика создает большие барьеры для торговли со странами, не являющимися его членами.

К началу XXI в. «открытый регионализм» уступил место в МЕРКОСУР такой концепции, как «многомерный регионализм», который предполагает расширение повестки дня блока за счет включения вопросов социального и экономического развития. Как заявлял Э. Араужу, «больно говорить, но в предыдущих администрациях Бразилия была частью этого заблуждения относительно МЕРКОСУР. Бразилия привыкла рассматривать МЕРКОСУР, особенно в период с 2000 по 2010 г., в большей или меньшей степени как инструмент, позволяющий избежать интеграции с остальным миром»⁵. Э. Араужу определил возвращение МЕРКОСУР к его основе «открытого регионализма» как одну из целей своей региональной внешней политики⁶.

⁵ Intervenção do Ministro Ernesto Araújo durante webinar do Conselho do Atlântico sobre os 30 anos do MERCOSUL — 12/03/2021 // Ministério das Relações Exteriores. 17.03.2021. URL: <https://www.gov.br/mre/pt-br/centrais-de-conteudo/publicacoes/discursos-artigos-e-entrevistas/ministro-das-relacoes-exteriores/discursos-mre/intervencao-do-ministro-ernesto-araujo-durante-webinar-do-conselho-do-atlantico-sobre-os-30-anos-do-mercosul-12-03-2021> (accessed: 03.06.2022).

⁶ Discursos do Ministro Ernesto Araújo na LV Reunião do Conselho do Mercado Comum (CMC) — Bento Gonçalves, 4 de dezembro de 2019 // Ministério das Relações Exteriores. 06.12.2019. URL: <https://www.gov.br/mre/pt-br/centrais-de-conteudo/publicacoes/discursos-artigos-e-entrevistas/ministro-das-relacoes-exteriores/discursos-mre/discursos-do-ministro-ernesto-araujo-na-lv-reuniao-ministerial-do-mercosul-bento-goncalves-4-de-dezembro-de-2019> (accessed: 03.06.2022).

Другим определяющим элементом концепции интеграции Э. Араужу является «продвижение демократии». Во время слушаний в бразильском сенате он выступил за то, чтобы продвижение демократии стало предпосылкой для региональной интеграции: «Кажется, невозможно продвигаться в стремлении к латиноамериканской интеграции (что является конституционным требованием) без демократии» (Араужо, 2021, р. 30). Э. Араужу призвал Бразилию продолжить «защиту демократии» в Венесуэле, осудив ее «тоталитарное» правительство как главное препятствие для региональной интеграции (Араужо, 2021).

Наконец, региональный подход Э. Араужу характеризуется предпочтением взаимодействовать с организациями, которые охватывают весь Американский континент, а не с институтами, объединяющими только латиноамериканские или южноамериканские страны (Кузнецов, 2020, с. 55). С 2000-х гг. концепция Южной Америки получила распространение в бразильской политике региональной интеграции из-за ее симметричных характеристик Юг — Юг, в отличие от асимметричных отношений Север — Юг в региональных организациях, таких как ОАГ, где присутствует сверхдержава в лице США (Taschetto, Ligeiro Dias & Villar, 2021). Э. Араужу выразил сожаление, что такие инициативы, как УНАСУР, «позиционировали себя альтернативами ОАГ» и преследовали «цели, противоречащие ценностям, которые должны нас объединять», заявив, что «именно поэтому Бразилия решила дистанцироваться от некоторых форумов и осудить другие, возобновив свою ставку на ОАГ»⁷.

Разрушение оси «Бразилиа — Буэнос-Айрес — Каракас»

Дальнейшее развитие латиноамериканской интеграции зависело от сохранения оси

⁷ Intervenção do Ministro Ernesto Araújo na Reunião Extraordinária de Chanceleres da Conferência Ibero-Americana — 30/11/2020 // Ministério das Relações Exteriores. 01.12.2020. URL: <https://www.gov.br/mre/pt-br/centrais-de-conteudo/publicacoes/discursos-artigos-e-entrevistas/ministro-das-relacoes-exteriores/discursos-mre/intervencao-do-ministro-ernesto-araujo-na-reuniao-extraordinaria-de-chanceleres-da-conferencia-ibero-americana> (accessed: 03.06.2022).

«Бразилиа — Буэнос-Айрес — Каракас», однако внешняя политика Э. Араужу привела к разрушению этой структуры, начавшемуся с ухудшения отношений между Бразилией и Каракасом.

Э. Араужу в своей инаугурационной речи классифицировал Венесуэлу как «тиранию» и неоднократно призывал американские страны заняться ее изоляцией. Предшественник Ж. Болсонару Мишел Темер (2016–2018 гг.) уже осуществил значительные шаги по исключению Каракаса из региональной интеграции (Бразилиа: смена приоритетов в новом политическом цикле, 2019, с. 65). Под его руководством Бразилиа проголосовала за приостановление участия Венесуэлы в МЕРКОСУР из-за предполагаемых нарушений демократических положений, установленных Ушуайскими протоколами.

Тем не менее Э. Араужу ввел новшество, приняв новый набор концепций, чтобы представить венесуэльское правительство не только как недемократическое государство, но и как преступную организацию, связанную с региональными наркокартелями. По его словам, «венесуэльский режим поддерживает себя с помощью сложной сети, которая пересекается с организованной преступностью», в симбиозе с «терроризмом и транснациональной коррупцией»⁸. Лексикон, используемый для характеристики Венесуэлы, беспрецедентен в бразильском внешнеполитическом дискурсе и оказывается ближе к тому, который используется правительством США в его инициативах по безопасности в Латинской Америке, таких как «война с наркотиками». Более того, классифицируя венесуэльское правительство «не как авторитарное государство», а как «новую форму организованной преступности», Э. Араужу отрицает легитимность диалога между Каракасом и

⁸ Discurso do Senhor Ministro das Relações Exteriores por ocasião da 50a Assembleia-Geral da Organização dos Estados Americanos — OEA // Ministério das Relações Exteriores do Brasil. 20.10.2020. URL: <https://www.gov.br/mre/pt-br/centrais-de-conteudo/publicacoes/discursos-artigos-e-entrevistas/ministro-das-relacoes-exteriores/discursos-mre/discurso-do-senhor-ministro-das-relacoes-exteriores-ernesto-araujo-por-ocasio-da-50a-assembleia-geral-da-organizacao-dos-estados-americanos-oea> (accessed: 08.04.2022).

оппозицией, что является существенным изменением в бразильской позиции, которая традиционно поддерживала внутривенесуэльские переговоры.

Региональной платформой, выбранной Э. Араужу для действий по венесуэльскому вопросу, стала Группа Лимы. Первой поездкой Э. Араужу в качестве главы МИД Бразилии стал визит в перуанскую столицу для участия в собрании группы. Созданная в 2017 г. после того, как ОАГ не смогла набрать минимальный кворум для применения своей Демократической хартии против Венесуэлы, Группа Лимы объединила 13 американских государств: Аргентину, Бразилию, Канаду, Чили, Колумбию, Коста-Рику, Гватемалу, Гвиану, Гондурас, Мексику, Панаму, Парагвай и Перу. Группа является специальной организацией, члены которой определяют регулярность собраний по своему усмотрению.

П.С. Баррос и Дж. де С.В. Гонсалвес полагают, что создание Группы Лимы вместо использования УНАСУР как механизма защиты демократии для решения венесуэльской проблемы стала одной из главных причин окончательного упадка УНАСУР в частности и дезинтеграции Латинской Америки в целом (Barros & Gonçalves, 2021, p. 14).

В январе 2019 г. Группа Лимы признала Хуана Гуайдо законным президентом Венесуэлы, открыв двери для смены режима и экономических санкций против Каракаса. В марте 2019 г. *Итамарати* отозвал свой дипломатический и консульский персонал из Венесуэлы, в апреле 2019 г. посольство Бразилии в Каракасе прекратило свою деятельность, а *Итамарати* потребовал от Венесуэлы отозвать свой дипломатический корпус из Бразилиа, пригрозив объявить оставшихся в стране венесуэльских правительственных чиновников «персонами нон грата».

За разрывом оси «Бразилиа — Каракас» последовали серьезные потрясения в оси «Бразилиа — Буэнос-Айрес». Отношения с Аргентиной при Э. Араужу можно разделить на два периода: первый — во время президентства аргентинского правого лидера Маурисио Макри в 2019 г., и второй — с инаугурации левого президента Аргентины Альберто Фернандеса в январе 2020 г. до отставки Э. Араужу в марте 2021 г.

О предпочтении правительству М. Макри было публично заявлено президентом Бразилии Ж. Болсонару, который поддержал лидера Аргентины на президентских выборах в 2019 г.⁹ Сам Э. Араужу заявлял во время выборов в Аргентине, что правительство А. Фернандеса «разочарует» Бразилию и будет угрозой для МЕРКОСУР¹⁰. Канцлер отметил, что не видит в А. Фернандесе «приверженности демократии, открытому регионализму и экономической либерализации, которые являются самой сутью МЕРКОСУР»¹¹.

Президент Ж. Болсонару не присутствовал на инаугурации президента Аргентины А. Фернандеса в январе 2020 г., отправив вице-президента Амильтона Моурана представлять Бразилию. Первая встреча двух лидеров состоялась в режиме онлайн в декабре 2020 г.

Однако необходимо отметить, что даже во время президентства М. Макри Бразилия принимала меры по подрыву стратегического партнерства с Аргентиной. В марте 2019 г. правительство Бразилии объявило о либерализации импорта пшеницы из США, что поставило под угрозу положение Аргентины как основного поставщика Бразилии. По данным Секретариата внешней торговли Бразилии, торговые потоки между соседними странами сократились с 40 млрд долл. США в 2011 г. до 16 млрд долл. США

⁹ Ferro M. Bolsonaro fala em “invasão” argentina caso “esquerdalha” vença eleição // Poder 360. 06.09.2019. URL: <https://www.poder360.com.br/governo/bolsonaro-fala-em-invasao-argentina-caso-esquerdalha-venca-eleicao/> (accessed: 03.06.2022).

¹⁰ Brandimarte W., Adghirni S. Brazil Sees Argentina’s Fernandez as Threat to Mercosur Economy // BQ Prime Bloomberg. September 4, 2019. URL: <https://www.bqprime.com/politics/brazil-sees-argentina-s-fernandez-as-threat-to-mercosur-economy> (accessed: 03.06.2022).

¹¹ Palestra do Ministro de Estado das Relações Exteriores sobre a nova Política Externa do Brasil e sua vertente comercial — Firjan, Rio de Janeiro, 28 de agosto de 2019 // Ministério das Relações Exteriores. 28.08.2019. URL: <https://www.gov.br/mre/pt-br/centrais-de-conteudo/publicacoes/discursos-artigos-e-entrevistas/ministro-das-relacoes-exteriores/discursos-mre/palestra-do-ministro-de-estado-das-relacoes-exteriores-sobre-a-nova-politica-externa-do-brasil-e-sua-vertente-comercial-firjan-28-8-2019> (accessed: 03.06.2022).

в 2020 г.¹² Кроме того, в августе 2020 г. Бразилия потеряла позицию основного внешне-торгового партнера Аргентины, уступив место Китаю¹³.

Региональная интеграция без оси

После того, как ось «Бразилия — Буэнос-Айрес — Каракас» была разорвана, Бразилия начала реализовывать новые интеграционные инициативы с различными преференциальными партнерами. 22 марта 2019 г. страны региона во главе с правоцентристскими и правыми правительствами собрались в столице Чили Сантьяго, чтобы создать Форум для прогресса и интеграции Южной Америки (*Foro para el Progreso e Integración de América del Sur*, ПРОСУР).

Наиболее видными лидерами в создании форума были чилийский президент Себастьян Пиньера (2018–2022 гг.) и его колумбийский коллега Иван Дукэ (2018–2022 гг.). В этой связи Чили и Колумбия председательствовали в ПРОСУР в 2019 и 2020 гг. соответственно.

В сентябре 2019 г. министры иностранных дел Аргентины, Бразилии, Чили, Колумбии, Эквадора, Перу и Парагвая, а также представитель Гвианы встретились на полях сессии Генеральной Ассамблеи ООН, чтобы разработать первую совместную декларацию ПРОСУР. В документе подчеркивалось, что решения, принимаемые в рамках ПРОСУР, не будут иметь юридической силы для ее членов, а будут носить «декларативный характер политической направленности»¹⁴. Кроме того, группа приняла оговорку, обязывающую государства-члены защищать верховенство

закона, представительную демократию, права человека, а также международные принципы суверенитета и территориальной целостности. Декларация предусматривает исключение государств-членов, нарушающих демократические принципы, в случае одобрения большинством в две трети голосов.

Неолиберальные идеи, разделяемые руководством ПРОСУР, подчеркивали стремление избегать создания бюрократического органа для организации (Пятаков, 2020, с. 28). По словам представителей *Итамарати*, форум будет иметь «легкую и гибкую структуру с четкими правилами взаимодействия и быстрыми механизмами принятия решений»¹⁵, то есть подразумевалось, что у ПРОСУР не будет штаб-квартиры, постоянного секретариата или независимого бюджета. Деятельность группы должна была быть организована посредством временного председательства, которое координировало бы деятельность шести рабочих групп, сосредоточившись на таких вопросах, как инфраструктура, безопасность и борьба с преступностью, энергетика, управление стихийными бедствиями и здравоохранение.

Несмотря на политическую волю государств-членов заложить новую идеологическую основу для южноамериканской интеграции, уровень активности ПРОСУР в 2019–2021 гг., оказался чрезвычайно низким. Организация не смогла справиться с пандемией COVID-19 или углубить торгово-экономическое сотрудничество. Отчет руководства, выпущенный к концу временного председательства Чили, не показывает конкретных результатов¹⁶. В отчете пандемия упоминается как препятствие для деятельности группы, но отсутствие совместных деклараций относительно политического кризиса 2019 г. в Боливии и Перу демонстрирует неспособность группы обеспечить пространство для диалога и взаимодействия даже в такой

¹² ComexVis // Ministério da Indústria, Comércio Exterior e Serviços. URL: <http://comexstat.mdic.gov.br/pt/comex-vis> (accessed: 03.06.2022).

¹³ China Overtook Brazil as Argentina's Largest Trading Partner in April // Buenos Aires Times. June 4, 2020. URL: <https://www.batimes.com.ar/news/economy/china-overtook-brazil-as-argentina-s-largest-trading-partner-in-april.phtml> (accessed: 03.06.2022).

¹⁴ Declaración de Cancilleres y Lineamientos para el Funcionamiento del Foro para el Progreso y la Intergación de América del Sur // PROSUR. 25.09.2019. URL: <https://foroprosur.org/wp-content/uploads/2020/09/Declaracion-de-Ministros-de-RREE-1.pdf> (accessed: 03.06.2022).

¹⁵ Creación de Prosur // Ministério das Relações Exteriores. 17.11.2020. URL: <https://www.gov.br/mre/es/archivos/creacion-de-prosur> (accessed: 03.06.2022).

¹⁶ Informe de Gestión PROSUR 2019–2020 // PROSUR. 11.12.2020. URL: https://foroprosur.org/wp-content/uploads/2020/12/PROSUR_Informe_de_Gestion_2020.pdf (accessed: 03.06.2022).

заявленной приоритетной области, как продвижение демократии. Однако ПРОСУР достиг двух своих главных политических целей: изоляции Венесуэлы от региональных инициатив и замены организации УНАСУР (Barros, Lima & Carneiro, 2022, p. 4).

Намерение продвигать ПРОСУР как альтернативу УНАСУР было подтверждено бразильским канцлером в заявлении в августе 2019 г.: «Бразилия является одной из стран, приверженных проекту ПРОСУР, новому примеру южноамериканской интеграции, призванному заменить УНАСУР»¹⁷. Само существование ПРОСУР как альтернативного регионального форума было отмечено в качестве причины приостановки участия в УНАСУР Эквадора в мае 2019 г.¹⁸ и Уругвая в марте 2020 г.¹⁹ В ноябре 2019 г. правительство Боливии объявило о своем намерении выйти из УНАСУР²⁰. Бразилия приостановила свое участие в УНАСУР в апреле 2018 г. при президенте М. Темере, но окончательно денонсировала Учредительный договор организации 15 апреля 2019 г. при Ж. Болсонару²¹.

¹⁷ Intervenção do Ministro Ernesto Araújo na VIII Reunião do Corredor Rodoviário Bioceânico — Campo Grande (MS), em 22 de agosto de 2019 // Ministério das Relações Exteriores. 29.08.2019. URL: <https://www.gov.br/mre/pt-br/centrais-de-conteudo/publicacoes/discursos-artigos-e-entrevistas/ministro-das-relacoes-exteriores/discursos-mre/intervencao-do-ministro-ernesto-araujo-na-viii-reuniao-do-corredor-rodoviario-bioceanico-campo-grande-ms-em-22-de-agosto-de-2019> (accessed: 03.06.2022).

¹⁸ Ecuador suspende su participación en UNASUR // Noticias de América Latina y el Caribe. 13.03.2019. URL: <https://www.nodal.am/2019/03/ecuador-suspende-su-participacion-en-unasur/> (accessed: 03.06.2022).

¹⁹ N° 18/20: Cancillería anuncia el retiro del Uruguay de la UNASUR y su regreso al TIAR // Ministerio de Relaciones Exteriores de Uruguay. 10.03.2020. URL: <https://www.gub.uy/ministerio-relaciones-exteriores/comunicacion/comunicados/1820-cancilleria-anuncia-retiro-del-uruguay-unasur-su-regreso-tiar> (accessed: 03.06.2022).

²⁰ Bolivia se retira de la ALBA y estudia salida de Unasur // La República. 15.11.2019. URL: <https://www.larepublica.ec/blog/2019/11/15/bolivia-retira-alba-estudia-salida-unasur/> (accessed: 03.06.2022).

²¹ Oliveira E., Gonçalves M. Governo Bolsonaro enterra Unasul criada por Lula e adere a novo organismo regional // Jornal O Globo. 07.03.2019. URL: <https://oglobo.globo.com/mundo/governo-bolsonaro-enterra-unasul-criada-por-lula-adere-novo-organismo-regional-23505468> (accessed: 03.06.2022).

Другой целью создания ПРОСУР была изоляция Венесуэлы. ПРОСУР удалось включить 66 % независимых стран Южной Америки (Аргентина, Бразилия, Чили, Колумбия, Эквадор, Гвиана, Перу и Парагвай) в качестве государств-членов, а также Боливию, Суринам и Уругвай в качестве государств-наблюдателей. Таким образом, Венесуэла оказалась единственным региональным государством, не имевшим никаких связей с деятельностью группы. Кроме того, российский исследователь А.Н. Пятаков предполагает, что создание ПРОСУР было направлено на предоставление международной платформы для лидера венесуэльской оппозиции Х. Гуайдо, тогда признанного большинством членов ПРОСУР в качестве законного президента страны (Пятаков, 2020, с. 19).

Последним актом, закрепившим изоляцию Венесуэлы от региональной деятельности, стал выход Бразилии из СЕЛАК. В течение 2019 г. Бразилия избегала участия в заседаниях группы, ссылаясь на присутствие Кубы, Никарагуа и Венесуэлы как на препятствие. 15 января 2020 г. Бразилия уведомила Мексику, занимавшую должность временного председателя, о выходе из организации, заявив, что «условия для действий СЕЛАК в контексте нынешнего регионального кризиса еще не созрели»²².

Повестка дня Э. Араужу для МЕРКОСУР

Ожидания от участия Бразилии в МЕРКОСУР при Ж. Болсонару были невысокими. Вскоре после выборов назначенный министр экономики Бразилии Паулу Гедес заявил, что МЕРКОСУР не будет приоритетом для нового правительства²³.

Тем не менее у Э. Араужу была четкая повестка дня для торгового блока. Он имел

[enterra-unasul-criada-por-lula-adere-novo-organismo-regional-23505468](https://oglobo.globo.com/mundo/governo-bolsonaro-enterra-unasul-criada-por-lula-adere-novo-organismo-regional-23505468) (accessed: 03.06.2022).

²² Brasil suspende participação na Celac // Poder 360. 16.01.2020. URL: <https://www.poder360.com.br/governo/brasil-suspende-participacao-na-celac/> (accessed: 28.05.2022).

²³ Soares J. Paulo Guedes diz que ‘Mercosul não será prioridade’ em governo Bolsonaro // Jornal O Globo. 28.10.2018. URL: <https://oglobo.globo.com/politica/paulo-guedes-diz-que-mercossul-nao-sera-prioridade-em-governo-bolsonaro-23194734> (accessed: 28.05.2022).

большой опыт переговорщика в МЕРКОСУР, поскольку в начале своей карьеры он был частью команды, которая вела диалог по общему внешнему тарифу торгового блока. С 2005 по 2007 г. он возглавлял департамент *Итамарати* по внерегиональным переговорам МЕРКОСУР. Кроме того, Бразилия должна была стать временным председателем в организации во втором полугодии 2019 г., что потребовало от нее активизации повестки дня.

В этом разделе будут определены основные вопросы бразильской повестки дня для МЕРКОСУР в период полномочий Э. Араужу, разделенные на три подраздела: отношения между МЕРКОСУР и внешними акторами («внеблоковые вопросы», согласно термину *Итамарати*), внутренние вопросы торгового блока МЕРКОСУР («внутриблоковые вопросы») и некоммерческая повестка дня.

МЕРКОСУР и внешние акторы

Концепция «открытого регионализма», отстаиваемая Э. Араужу, подразумевала значительный акцент на расширении взаимодействия МЕРКОСУР с внешними рынками. Основными целями канцлера были:

- 1) ускорение переговоров по заключению соглашений о свободной торговле (ССТ) и преференциальных торговых соглашений (ПТС) с внерегиональными партнерами;
- 2) инициирование новых переговоров с развитыми экономиками;
- 3) поиск новых торговых партнеров в Центральной Америке;
- 4) продвижение координации МЕРКОСУР с Тихоокеанским альянсом;
- 5) продвижение торговых переговоров с Мексикой.

МЕРКОСУР имеет ССТ с такими внерегиональными партнерами, как Израиль²⁴, Палестина²⁵, Египет²⁶, а также ПТС с Индией²⁷

²⁴ Free Trade Agreement Between MERCOSUR and the State of Israel // SICE OAS. December 18, 2007. URL: http://www.sice.oas.org/Trade/MER_ISR/Core_Text_e.pdf (accessed: 03.06.2022).

²⁵ Mercosur — Palestine Free Trade Agreement — Montevideo, 20 December 2011 // Ministério das Relações Exteriores. October 30, 2017. URL: <https://www.gov.br/mre/en/contact-us/press-area/press-releases/mercosur->

и Южноафриканским таможенным союзом (ЮАТС)²⁸. Однако они считаются соглашениями «первого поколения», сосредоточенными на торговых товарах и снижении тарифов, в отличие от соглашений «второго поколения», которые охватывают такие вопросы, как услуги, государственные закупки, инвестиции и электронная коммерция.

В своей речи на встрече МЕРКОСУР в сентябре 2020 г. Э. Араужу заявил о своих намерениях углубить партнерство Бразилии с внерегиональными партнерами: «Мы хотим продвинуть переговоры с Канадой, Ливаном, Сингапуром и Республикой Корея. Мы хотим завершить предварительные диалоги с Вьетнамом и Индонезией до конца года. К тому же в 2020 г. Бразилия хочет расширить уже действующее торговое соглашение с Израилем, которое имеет широкий охват, и восстановить диалог с Индией»²⁹.

Торговые переговоры с Канадой, Республикой Корея, Сингапуром и Ливаном начались до прихода Э. Араужу и продвинулись под его руководством. Заметные достижения также наблюдались в диалоге с Ливаном, который перерос в очные раунды переговоров.

МЕРКОСУР и Израиль имеют всеобъемлющее соглашение о свободной торговле, действующее с 2010 г. Под руководством

[palestine-free-trade-agreement-montevideo-20-december-2011](http://www.sice.oas.org/Trade/MER_EGY/English/Text_e.pdf) (accessed: 03.06.2022).

²⁶ Free Trade Agreement Between MERCOSUR and the Arab Republic of Egypt // SICE OAS. August 2, 2010. URL: http://www.sice.oas.org/Trade/MER_EGY/English/Text_e.pdf (accessed: 03.06.2022).

²⁷ Preferential Trade Agreement Between the Common Market of the South (MERCOSUR) and the Southern African Customs Union (SACU) // SICE OAS. URL: http://www.sice.oas.org/Trade/MRSRSACU/Text_2008_e.pdf (accessed: 03.06.2022).

²⁸ Preferential Trade Agreement MERCOSUR — India // SICE OAS. January 25, 2004. URL: http://www.sice.oas.org/Trade/MRCSRIndia/Index_e.asp (accessed: 03.06.2022).

²⁹ Intervenção do Ministro Ernesto Araújo na LVI Reunião Ordinária do Conselho do Mercado Comum (CMC) // Ministério das Relações Exteriores. 02.07.2020. URL: <https://www.gov.br/mre/pt-br/centrais-de-conteudo/publicacoes/discursos-artigos-e-entrevistas/ministro-das-relacoes-exteriores/discursos-mre/intervencao-do-ministro-ernesto-araujo-na-lvi-reuniao-ordinaria-do-conselho-do-mercado-comum-cmc> (accessed: 03.06.2022).

Э. Араужу *Итамарати* намеревался расширить тарифное покрытие соглашения и включить в него новые торговые вопросы, такие как услуги и государственные закупки, до конца 2020 г. Однако эта цель не была достигнута во время срока Э. Араужу.

Что касается предварительных диалогов, предшествующих торговым переговорам как таковым, то были достигнуты заметные успехи с Вьетнамом. В 2020 г. между двумя странами был завершен предварительный диалог, который, однако, не перерос в полноценные переговоры с МЕРКОСУР.

Э. Араужу также поставил цель расширить торговые переговоры с развитыми экономиками, такими как США, Великобритания и Япония. Однако никаких достижений во взаимодействии с этими торговыми партнерами не было, несмотря на политическую волю администраций М. Макри и Ж. Болсонару в отношении контактов с США³⁰.

Главным достижением торговой политики Э. Араужу, несомненно, стало подписание Соглашения о свободной торговле ЕС — МЕРКОСУР в июне 2019 г.³¹ Масштаб соглашения впечатляет, поскольку охватывает 20 трлн долл. США в ВВП Бразилии, около 25 % мировой экономики и 800 млн потребителей³².

Спустя два месяца после завершения переговоров с ЕС МЕРКОСУР подписал аналогичный договор с Европейской ассоциацией свободной торговли (ЕАСТ)³³. По словам

³⁰ Colombo S. Brasil e Argentina negociam acordo de livre-comércio com os EUA, diz Macri // Folha de São Paulo. 04.07.2019. URL: <https://www1.folha.uol.com.br/mercado/2019/07/brasil-e-argentina-negociam-acordo-de-livre-comercio-com-os-eua-diz-macri.shtml> (accessed: 03.06.2022).

³¹ EU and Mercosur Reach Agreement on Trade // European Commission. June 28, 2019. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_19_3396 (accessed: 03.06.2022).

³² EU — Mercosur Trade Agreement — Key Facts // European Commission. June 28, 2019. URL: https://web.archive.org/web/20190819115417/http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2019/june/tradoc_157954.pdf (accessed: 03.06.2022).

³³ EFTA — Mercosur Free Trade Agreement // European Free Trade Association. August 23, 2019. URL: <https://www.efta.int/sites/default/files/documents/legal-texts/free-trade-relations/mercotur/2019-08-24-EFTA->

генерального координатора по внерегиональным торговым переговорам, министра Паулы Агияр Барбозы, уровень либерализации торговли соглашения с ЕАСТ выше, чем с ЕС, поскольку у ЕАСТ было меньше чувствительных товаров в отношении экспортного потенциала МЕРКОСУР³⁴.

Следует подчеркнуть, что вышеупомянутые договоры обсуждались задолго до мандата Эрнесто Араужу. Переговоры по соглашению о свободной торговле ЕС — МЕРКОСУР длились почти 20 лет, в то время как переговоры с ЕАСТ начались в 2017 г. Поворотный момент в переговорах ЕС — МЕРКОСУР наступил в апреле 2016 г., когда Бразилия изменила свою торговую политику и представила ЕС новое предложение, взяв на вооружение новую парадигму переговоров. Кроме того, подписание соглашения не означало окончания переговоров (Nitsch Bressan, Goulart Menezes & da Silva Ribeiro, 2021, p. 47). Ряд европейских стран во главе с Францией публично выразили свое несогласие с ратификацией соглашения, сославшись на экологическую политику Ж. Болсонару как на главное препятствие (Esteves, 2021).

Предложенный Э. Араужу коммерческий подход к МЕРКОСУР должен был адаптироваться к современному региональному контексту. Хотя Южную Америку можно считать зоной свободной торговли с 2006 г., торговые связи между МЕРКОСУР и странами Центральной Америки редки. Их развитие рассматривалось Э. Араужу как новый рубеж региональных торговых переговоров для МЕРКОСУР. В октябре 2020 г. *Итамарати* представил первоначальные предложения по торговым переговорам каждой стране Центральной Америки по отдельности³⁵,

Mercotur-Chapter-Description-of-FTA.pdf (accessed: 03.06.2022).

³⁴ Ciclo de conferências sobre a nova política externa brasileira — Ministra Paula Aguiar Barboza // YouTube. 31.05.2021. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Z11zTFzwOU8&ab_channel=Funda%C3%A7%C3%A3oAlexandredeGusm%C3%A3o (accessed: 03.06.2022).

³⁵ Oliveira E. Mercosul propõe acordo de livre comércio com os países da América Central // Jornal O Globo. 06.10.2020. URL: <https://oglobo.globo.com/economia/mercotur-propoe-acordo-de-livre-comercio->

придерживаясь двустороннего подхода в диалоге с центральноамериканскими интеграционными механизмами, такими как Центральноамериканское соглашение о свободной торговле (САФТА). Несмотря на государственные визиты Э. Араужу в Гондурас и Гватемалу, вплоть до его отставки, МЕРКОСУР так и не смог инициировать торговые переговоры со странами Центральной Америки.

Э. Араужу также предполагал достичь соглашения между МЕРКОСУР и Тихоокеанским альянсом, торговым блоком, в который входят Чили, Колумбия, Коста-Рика, Мексика и Перу. Это сближение могло бы интегрировать МЕРКОСУР в более широкие переговоры с Тихоокеанским регионом. С технической точки зрения участие Тихоокеанского альянса в комплексных торговых переговорах с Транстихоокеанским партнерством (ТТП) могло бы обогатить переговорный опыт МЕРКОСУР по так называемым торговым вопросам «нового поколения»³⁶, причем эта инициатива стояла на повестке дня Бразилии еще до начала срока Э. Араужу. В 2018 г. МЕРКОСУР и Тихоокеанский альянс приняли План действий Пуэрто-Вальярта, который создал механизмы для большей координации между торговыми блоками. МЕРКОСУР имеет соглашения «первого поколения» со всеми членами Тихоокеанского альянса, за исключением Мексики, поэтому продвижение координации МЕРКОСУР — Тихоокеанский альянс будет иметь первостепенное значение для доступа Бразилии на мексиканский рынок.

Мексиканское направление можно считать одним из самых успешных для МЕРКОСУР в период пребывания Э. Араужу на посту канцлера Бразилии. Стороны подписали Соглашение о торговле легковыми автомобилями в марте 2019 г.³⁷ и соглашение о

com-os-paises-da-america-central-24679975 (accessed: 03.06.2022).

³⁶ Ciclo de conferências sobre a nova política externa brasileira — Ministra Paula Aguiar Barboza // YouTube. 31.05.2021. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Z11zTFzwOU8&ab_channel=Funda%C3%A7%C3%A3oAlexandredeGusm%C3%A3o (accessed: 03.06.2022).

³⁷ Mexico and Brazil Reach Light-Vehicle Free Trade Agreement // Reuters. March 20, 2019. URL:

тяжелых транспортных средствах в июне 2020 г.³⁸ Однако Мексика остается единственной крупной экономикой Латинской Америки, с которой у Бразилии нет всеобъемлющего соглашения о свободной торговле.

Повестка дня внутри МЕРКОСУР

К началу председательства Бразилии разногласия между членами МЕРКОСУР достигли тревожного уровня. Подвергалось сомнению сохранение Единого внешнего тарифа, объединяющего стороны в таможенный союз, а также обязательства совместно вести переговоры по соглашениям о свободной торговле с внешними партнерами.

Бразильская повестка дня внутри МЕРКОСУР при Э. Араужу была сосредоточена на следующих принципах:

- 1) гибкости Единого внешнего тарифа;
- 2) отмене обязательства вести коллективные переговоры с внерегиональными партнерами;
- 3) продвижении торговых соглашений «второго поколения» между членами МЕРКОСУР.

МЕРКОСУР достиг статуса таможенного союза после постепенного принятия Единого внешнего тарифа в период с 1995 по 2000 г.³⁹ Члены МЕРКОСУР применяют единый импортный тариф, который варьируется от 0 до 12 % для сырья, от 12 до 16 % — для капитальных товаров и от 18 до 20 % — для потребительских товаров⁴⁰. Средний размер

<https://www.reuters.com/article/us-mexico-trade-idUSKCN1R02M0> (accessed: 03.06.2022).

³⁸ Acordo sobre o livre comércio de veículos pesados entre Brasil e México // Siscomex. 22.02.2022. URL: <https://www.gov.br/siscomex/pt-br/informacoes/demais-noticias-de-comercio-exterior/comercio-exterior/acordo-sobre-o-livre-comercio-de-veiculos-pesados-entre-brasil-e-mexico> (accessed: 03.06.2022).

³⁹ Representação Brasileira no parlamento do Mercosul // Câmara dos Deputados do Brasil. URL: <https://www2.camara.leg.br/atividade-legislativa/comissoes/comissoes-mistas/cpcms/oqueoemercosul.html/processonegociador.html> (accessed: 03.06.2022).

⁴⁰ O que é a tarifa externa comum do Mercosul // Remessa Online. 04.05.2020. URL: <https://web.archive.org/web/20230228173501/https://www.remessaonline.com.br/blog/o-que-e-a-tarifa-externa-comum-do-mercopol/> (accessed: 03.06.2022).

тарифа, применяемого членами МЕРКОСУР к внешним субъектам, составляет 11,7 %, что считается высоким показателем по сравнению с другими таможенными союзами⁴¹.

Политика «открытого регионализма» Э. Араужу для МЕРКОСУР требовала гибкости Единого внешнего тарифа. Несмотря на важность этого тарифа для поддержания таможенного союза, члены МЕРКОСУР в целом были согласны с тем, что его следует снизить, однако не было согласия о том, насколько и при каких условиях он должен быть пересмотрен. Хотя Уругвай, Парагвай и Бразилия поддержали пересмотр, позиция Аргентины изменилась вместе с политической ориентацией ее правительства⁴². Первоначальное предложение Бразилии заключалось в общем снижении Единого внешнего тарифа на 50 %. После столкновения с оппозицией со стороны своих коллег Бразилия согласилась на предложение Уругвая снизить его на 20 %.⁴³ Однако предложение не было поддержано левым правительством Аргентины, которое требовало большей защиты для своей промышленности. Во время мандата Э. Араужу Бразилия и Аргентина не смогли выработать консенсус по этому вопросу. Таким образом, цель Э. Араужу по пересмотру Единого внешнего тарифа не была достигнута.

Другим спорным моментом в повестке дня МЕРКОСУР во время правления Э. Араужу была внутренняя Резолюция 32/00, которая устанавливает «формат 4+1» для коллективных переговоров по соглашениям о

свободной торговле с третьими сторонами⁴⁴. Сторонники «формата 4+1» утверждают, что переговоры в группе, а не в качестве отдельных стран, дают членам МЕРКОСУР больше переговорной силы в торговых диалогах с развитыми экономиками. Более того, если бы члены МЕРКОСУР подписали соглашения о свободной торговле индивидуально, Единый внешний тариф прекратил бы свое существование, понизив статус торгового блока с таможенного союза до простой зоны свободной торговли. Во время пребывания на посту Э. Араужу Бразилия присоединилась к Уругваю в его обещании пересмотреть Резолюцию 32/00 и отменить обязательство вести переговоры в «формате 4+1»⁴⁵. Тем не менее члены МЕРКОСУР в итоге не смогли договориться о коллективном предложении по пересмотру Резолюции 32/00.

Что касается либерализации торговли между членами МЕРКОСУР, то основными достижениями за время канцлерства Э. Араужу стали подписание Соглашения о взаимной защите географических названий, происходящих с территорий государств — участников МЕРКОСУР, в декабре 2019 г.⁴⁶ и Соглашения об упрощении процедур торговли МЕРКОСУР в октябре 2020 г.⁴⁷ Первое, однако, можно считать следствием

⁴⁴ MERCOSUR/CMC/DEC N° 32/00 — Relanzamiento del MERCOSUR — Relacionamento Externo // SICE OAS. 29.06.2000. URL: <http://www.sice.oas.org/Trade/MRCSRS/Decisions/dec3200s.asp> (accessed: 03.06.2022).

⁴⁵ Resende M. Brasil assume la presidencia del Mercosur, que se debate entre proteccionismo y apertura // RFI. 08.07.2021. URL: <https://web.archive.org/web/20210711091154/https://www.rfi.fr/es/am%C3%A9ricas/20210708-brasil-assume-la-presidencia-del-mercosur-que-se-debate-entre-proteccionismo-y-apertura> (accessed: 03.06.2022).

⁴⁶ Acuerdo para la Protección Mutua de las Indicaciones Geográficas Originarias en los Territorios de los Estados Partes del Mercosur // Mercosur. 04.12.2019. URL: https://normas.mercosur.int/simfiles/normativas/75394_DEC_010-2019_ES_Acuerdo%20Indicaciones%20Geograficas%20MERCOSUR.pdf (accessed: 03.06.2022).

⁴⁷ Acuerdo sobre de Facilitación del Comercio del MERCOSUR // Ministerio de Economía y Finanzas de Uruguay. 04.10.2020. URL: https://www.gub.uy/ministerio-economia-finanzas/sites/ministerio-economia-finanzas/files/2020-10/75425_dec_029_2019_es_acuerdo-facilitacion-comercio.pdf (accessed: 03.06.2022).

⁴¹ Tarifa do Mercosul: entenda a queda de braço entre Guedes e Argentina // iG Publicidade e Conteúdo. 07.06.2021. URL: <https://economia.ig.com.br/2021-06-07/guedess-imposto-mercosul.html> (accessed: 03.06.2022).

⁴² Pedro Miguel da Costa e Silva: O Brasil e as Américas — Fundação Alexandre de Gusmão // YouTube. 06.10.2020. URL: https://www.youtube.com/watch?v=stZygPndlj8&ab_channel=Funda%C3%A7%C3%A3oAlexandreGusm%C3%A3o (accessed: 03.06.2022).

⁴³ Brasil e Argentina fecham acordo para reduzir tarifa comum do Mercosul em 10%, em uma derrota para Guedes // Folha de S.Paulo. 08.10.2021. URL: <https://www1.folha.uol.com.br/mercado/2021/10/brasil-e-argentina-fecham-acordo-para-reduzir-tarifa-comum-do-mercosul-em-10-em-uma-derrota-para-guedes.shtml> (accessed: 03.06.2022).

соглашения между ЕС и МЕРКОСУР, поскольку некоторые уступки, сделанные странами МЕРКОСУР Европейскому союзу, потребовали обновления внутреннего законодательства, что привело к появлению вышеупомянутого документа.

Некоммерческая повестка дня МЕРКОСУР

Несмотря на желание Э. Араужу ограничить повестку дня МЕРКОСУР коммерческой сферой, он мобилизовал институциональную структуру блока для продвижения проектов по общественной безопасности, борьбе с коррупцией и защите границ. Канцлер предложил соглашения по таким вопросам, как незаконная торговля оружием, ордер на арест, доставка заключенных, передача осужденных, юридическая помощь по уголовным делам и утилизация активов, конфискованных у международных преступных организаций.

Временное председательство Бразилии в МЕРКОСУР способствовало подписанию Соглашения о сотрудничестве полиции для борьбы с незаконной деятельностью в приграничных районах и принятию Плана действий по борьбе с коррупцией во внешней торговле и инвестициях. Достижения в области безопасности затмевают отсутствие действий по борьбе с COVID-19, несмотря на то, что Южная Америка считалась одним из наиболее пострадавших от пандемии регионов мира⁴⁸. Одним из немногих шагов, предпринятых Бразилией в МЕРКОСУР для противодействия санитарному кризису, стало применение ст. 50 Договора Монтевидео, которая допускает снижение пошлин на импорт товаров медицинского назначения, таких как маски и аппараты искусственной вентиляции легких.

Еще одним ярким событием является взнос Бразилии в размере 15 млн долл. США в Фонд структурной конвергенции (*Fondo*

⁴⁸ Filgueira F., Galindo L. M., Giamb Bruno C., Blofield M. América Latina ante la crisis del COVID-19: Vulnerabilidad socioeconómica y respuesta social // CEPAL. Serie Políticas Sociales. 2020. No. 238. URL: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/46484/1/S2000718_es.pdf (accessed: 03.06.2022).

para la Convergencia Estructural del MERCOSUR, FOCEM) в 2020 г. для финансирования закупки тестов на выявление COVID-19 государствами — членами МЕРКОСУР⁴⁹. FOCEM был создан в 2014 г. для содействия структурной конвергенции и сокращения асимметрии между государствами — членами МЕРКОСУР⁵⁰. Проект считается торговой маркой «многомерного регионализма», распространенного в МЕРКОСУР во время «розовой волны» левых правительств в странах Южного конуса. Коммерческий подход Э. Араужу к МЕРКОСУР делает такие инициативы, как FOCEM, второстепенными. До 2016 г. Бразилия ежегодно вносила в фонд около 100 млн долл. США, тогда как в 2019 г. ее вклад составил всего 12 млн долл. США⁵¹.

Отсутствие действий со стороны *Итамара-рати* по противодействию пандемии в рамках МЕРКОСУР оправдывается бразильским министром иностранных дел, который считает упрощение процедур торговли и экономическое развитие основными инструментами, имеющимися в распоряжении организации для борьбы с COVID-19. На 56-м заседании совета Общего рынка он заявил, что «наилучший вклад, который МЕРКОСУР может внести в противодействие пандемии и ее последствиям, — это торговые переговоры, которые могут стимулировать экономический рост, благосостояние и занятость»⁵².

Учитывая уровень институционализации и инструменты, имеющиеся в распоряжении

⁴⁹ Investigaçao, Educaçao e Biotecnologias Aplicadas à Saude // FOCEM. URL: <https://focem.mercosur.int/pt/projeto/investigacao-educacao-e-biotecnologias-aplicadas-a-saude/> (accessed: 03.06.2022).

⁵⁰ Qué es FOCEM // FOCEM. URL: <https://focem.mercosur.int/es/que-es-focem/> (accessed: 03.06.2022).

⁵¹ Fondo para la Convergencia Estructural del MERCOSUR — Presupuesto 2019 // FOCEM. 17.12.2018. URL: https://focem.mercosur.int/uploads/normativa/DEC_011-2018_ES_%20Presupuesto%20FOCEM%202019-0.pdf (accessed: 03.06.2022).

⁵² Intervenção do Ministro Ernesto Araújo na LVI Reunião Ordinária do Conselho do Mercado Comum (CMC) // Ministério das Relações Exteriores. 02.07.2020. URL: <https://www.gov.br/mre/pt-br/centrais-de-conteudo/publicacoes/discursos-artigos-e-entrevistas/ministro-das-relacoes-exteriores/discursos-mre/intervencao-do-ministro-ernesto-araujo-na-lvi-reuniao-ordinaria-do-conselho-do-mercado-comum-cmc> (accessed: 03.06.2022).

МЕРКОСУР для противодействия кризису, достигшему масштабов пандемии, можно сделать вывод, что действия, продвигаемые Бразилией в торговом блоке для борьбы с COVID-19, были недостаточными.

Заключение

Прежде чем перейти к рассмотрению влияния внешней политики Эрнесто Араужу на интеграцию Латинской Америки в целом и на региональное лидерство Бразилии в частности, необходимо признать, что некоторые элементы внешней политики канцлера были инициированы предыдущими главами *Итамарати* во время президентства Мишела Темера (2016–2018).

Как упоминалось выше, такие инициативы, как сближение МЕРКОСУР и Тихоокеанского альянса и акцент на коммерческий аспект региональной интеграции, можно выделить уже у администрации М. Темера. Аналогичным образом приостановление участия Венесуэлы в МЕРКОСУР и участие Бразилии в УНАСУР были осуществлены во время президентства М. Темера. Кроме того, изменения в торговой политике Бразилии, которые привели к подписанию Соглашения о свободной торговле МЕРКОСУР — Европейский союз, относятся к периоду правления Мишела Темера. Тем не менее президентство Жаира Болсонару и руководство Эрнесто Араужо в *Итамарати* радикализировали подход предыдущего президента к региональной интеграции.

Результатом региональной внешней политики Э. Араужу стал окончательный разрыв оси «Бразилиа — Буэнос-Айрес — Каракас», что имело критические последствия для латиноамериканской интеграции и регионального лидерства Бразилии.

Участие Бразилии в делах региона в этот период определялось целью по изоляции Венесуэлы от региональной деятельности. Такой подход к венесуэльскому вопросу спровоцировал консолидацию Группы Лимы, выходу Бразилии из СЕЛАК, способствовал упадку УНАСУР и побудил к созданию ПРОСУР. Что касается МЕРКОСУР, то приостановка участия Венесуэлы положила

конец расширению торгового блока, остановив полное присоединение новых членов, таких как Боливия. Более того, разрыв дипломатических отношений с Венесуэлой не принес практически никакой выгоды ни коммерческим интересам Бразилии, ни ее региональному лидерству. Страна утратила свою традиционную позицию посредника между венесуэльскими политическими силами, оставив вакуум, который был заполнен в 2019 г. такими игроками, как Норвегия и Барбадос.

Ущерб региональному лидерству Бразилии также подтверждается тем, что движущими силами инициативы ПРОСУР были Чили и Колумбия, в то время как Перу играло ведущую роль в координации деятельности Группы Лимы. Кроме того, решение Бразилии выйти из СЕЛАК отдалило страну от стран Центральной Америки и Карибского бассейна. Попытка *Итамарати* восполнить этот пробел путем поощрения государственных визитов в страны Центральной Америки и предложения торговых переговоров каждой стране в отдельности не достигла своей цели, поскольку за время пребывания Э. Араужу на посту главы внешнеполитического ведомства не было реализовано ни одной крупной инициативы со странами Центральной Америки.

Замена УНАСУР на ПРОСУР также принесла сомнительные выгоды для региональной интеграции. До конца срока Э. Араужу ПРОСУР не смог обеспечить конкретных результатов и координации между странами региона во время политического, социального и санитарного кризиса. Можно утверждать, что регион заменил УНАСУР просто так, в преднамеренных попытках остановить более глубокую интеграцию. Заверения Э. Араужу о том, что ПРОСУР будет более эффективным инструментом для продвижения демократии, не реализовались, поскольку организация воздержалась от действий в нескольких политических кризисах, возникших в регионе, особенно в Перу и Боливии. Кроме того, у УНАСУР имелся более надежный и юридически обязательный набор норм для продвижения демократии, чем у ПРОСУР, как указано в Дополнительном протоколе УНАСУР

о продвижении демократии, принятом в 2010 г., который предусматривал региональные санкции против стран, нарушающих демократические принципы.

Из-за распада УНАСУР и бездействия ПРОСУР к концу срока Э. Араужу ни один институт на уровне Латинской или Южной Америки не имел необходимых инструментов для продвижения демократии или контроля за соблюдением странами своих демократических обязательств. Таким образом, продвижение региональной демократии было ослаблено политикой Э. Араужу, которая якобы защищала ее.

Что касается МЕРКОСУР, то Э. Араужу закрепил преобладание «открытого регионализма» над «многомерным регионализмом», тем самым подтвердив свою приверженность коммерческому подходу в отношении торгового блока. Этот акцент принес организации важные результаты, такие как подписание соглашения о свободной торговле с Европейским союзом и ЕАСТ. Также были достигнуты

успехи в углублении торговых связей с Мексикой.

Тем не менее коммерческий подход к региональной интеграции пришелся на неподходящий исторический момент, поскольку последствия пандемии COVID-19 можно было бы смягчить за счет более тесной региональной координации по вопросам общественного здравоохранения. К сожалению, отсутствие политической воли, коммерческий подход в отношении МЕРКОСУР и институциональная слабость ПРОСУР не позволили этим институтам добиться существенных результатов в этой критической области.

Однако дезинтеграция Латинской Америки не является необратимым процессом. Теория оси, которая легла в основу данного исследования, утверждает, что отношения оси могут переживать кризисы и периоды разрушения без ущерба для их будущего восстановления. Когда сомнительные результаты той или иной политики выявлены, то никогда не поздно скорректировать ее курс.

Поступила в редакцию / Received: 31.05.2022
Доработана после рецензирования / Revised: 04.02.2024
Принята к публикации / Accepted: 15.10.2024

Библиографический список

- Борзова А. Ю., Маричева А. И. Кризис региональной интеграции в Южной Америке // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8, № 6. С. 863–874. EDN: YSASHZ
- Бразилия: смена приоритетов в новом политическом цикле / отв. ред. В. М. Давыдов. Москва : Институт Латинской Америки РАН, 2019. EDN: GLPXWT
- Кузнецов Д. А. Траектории регионального развития Латинской Америки в XXI веке // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2020. Т. 12, № 2. С. 44–70. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2020-12-2-44-70>; EDN: UKBDQH
- Пятаков А. Н. PROSUR — новый механизм южноамериканской (дез)интеграции? // Латинская Америка. 2020. № 7. С. 15–36. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0009859-3>; EDN: OOPPUP
- Araujo E. Política externa: soberania, democracia e liberdade : coletânea de discursos, artigos e entrevistas do Ministro das Relações Exteriores. Brasília : Fundação Alexandre de Gusmão, 2021.
- Barros P. S., Gonçalves J. de S. B. Crisis in South American Regionalism and Brazilian Protagonism in Unasur, the Lima Group and Prosur // Revista Brasileira de Política Internacional. 2021. Vol. 64, no. 2. P. 1–19. <https://doi.org/10.1590/0034-7329202100209>
- Barros P. S., Lima R. C., Carneiro H. C. Brasil — Venezuela: Evolução das relações bilaterais e implicações da crise Venezuelana para a inserção regional Brasileira (1999–2021). Brasília, Rio de Janeiro : Ipea, 2022. <http://dx.doi.org/10.38116/td2761>
- Berringer T., Carneiro G. S., Soprijo G., de Souza L. M., Barros L. de O. Nacionalismo às avessas // As bases da política externa bolsonarista: relações internacionais em um mundo em transformação / ed. by G. Maringoni, G. R. Schutte, T. Berringer. Santo André, SP : Editora UFABC, 2021. P. 139–152.
- Cervo A L., Bueno C. História da política exterior do Brasil. Brasília : Editora da Universidade de Brasília, 2015.
- Cervo A. L. Inserção Internacional: Formação dos conceitos brasileiros. São Paulo : Editora Saraiva, 2008.
- Cervo A. L., Lessa A. C. O declínio: inserção internacional do Brasil (2011–2014) // Revista Brasileira de Política Internacional. 2014. Vol. 57, no. 2. P. 133–151. <https://doi.org/10.1590/0034-7329201400308>

- De Almeida P. R.* Miséria da diplomacia: a destruição da inteligência no Itamaraty. Boa Vista : Editora da UFRR, 2019.
- De Carvalho O.* O Foro de São Paulo: A ascensão do comunismo latino-americano. Campinas : Vide Editorial, 2022.
- De Carvalho O., Dugin A.* The USA and the New World Order: A Debate Between Olavo de Carvalho and Aleksandr Dugin. Brussels : The Inter-American Institute for Philosophy, Government and Social Thought, 2012.
- Díaz-Bone R., Buhrmann A. D., Rodríguez E. G., Schneider W., Kendall G., Tirado F.* The Field of Foucaultian Discourse Analysis: Structures, Developments and Perspectives // *Historical Social Research*. 2008. Vol. 33, no. 1. P. 7–28. <https://doi.org/10.12759/hsr.33.2008.1.7-28>
- Esteves A. L.* Relações entre Brasil e Espanha sob Bolsonaro // *Cuadernos Iberoamericanos*. 2021. Vol. 9, no. 2. P. 48–64. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-2-48-64>; EDN: LJEBYC
- Milani C. R. S., Pinheiro L., De Lima M. R. S.* Brazil's Foreign Policy and the 'Graduation Dilemma' // *International Affairs*. 2017. Vol. 93, no. 3. P. 585–605. <https://doi.org/10.1093/ia/iix078>
- Nitsch Bressan R., Goulart Menezes R., da Silva Ribeiro A.* Aos trancos e barrancos: o Mercosul na Política Externa Brasileira (2015–2021) // *Brazilian Journal of International Relations*. 2021. Vol. 10, no. 1. P. 32–54. <https://doi.org/10.36311/2237-7743.2021.v10n1.p32-54>
- Nunes T. E.* Um panorama histórico das relações Brasil — Venezuela // *Conjuntura Austral*. 2011. Vol. 2, no. 6. P. 49–68. <https://doi.org/10.22456/2178-8839.19386>
- Oliveira R. P., Souza H. G.* Argentina, Brasil e Venezuela como artífices do progressismo Sul-Americano face à hegemonia estadunidense até o avanço conservador // *América Latina em perspectiva: cultura política, crise da democracia liberal e ressurgimento autoritário* / ed. by F. Hoffman. Foz do Iguaçu : CLAEC e-Books, 2021. P. 50–61. <https://doi.org/10.23899/9786589284154.4>
- Patrício R.* As relações em eixo: novo paradigma da teoria das relações internacionais? // *Revista Brasileira de Política Internacional*. 2006. Vol. 49, no. 2. P. 5–23. <https://doi.org/10.1590/S0034-73292006000200001>
- Renouvin P., Duroselle J.-B.* Introduction à l'histoire des relations internationales. Paris : A. Colin, 1964.
- Sánchez W. A.* La política exterior de Brasil y la eterna búsqueda de la integración latinoamericana // *Cuadernos Iberoamericanos*. 2020. Vol. 8, no. 3. P. 10–23. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-10-23>; EDN: SRFXOL
- Taschetto L., Ligeiro Dias M., Villar V.* A Política de Comércio Internacional do Brasil no primeiro ano de governo Bolsonaro em um contexto de alinhamento aos Estados Unidos // *As bases da política externa bolsonarista : relações internacionais em um mundo em transformação* / ed. by G. Maringoni, G. R. Schutte, T. Berringer. Santo André, SP : Editora UFABC, 2021. P. 25–38.
- Thobie J.* La dialectique forces profondes-décision dans l'histoire des relations internationales // *Relations Internationales*. 1985. No. 41. P. 29–38.
- Visentini P. F.* Venezuela — Situação Política e Relações Internacionais // *Parceiros Estrategicos para a Insercao Internacional do Brasil*. Vol. 1: Americas / ed. by R. Dathein. Porto Alegre : UFRGS, 2012. P. 241–248.

Сведения об авторе:

Эстеves Ана Ливия — преподаватель кафедры зарубежного регионоведения факультета мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ORCID: 0000-0001-6070-5916; e-mail: aarauzhoestevs@hse.ru

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

INTERNATIONAL SECURITY

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-4-606-615

EDN: MСYIRR

Научная статья / Research article

Стратегии миротворчества и роль Руанды в конфликте в Демократической Республике Конго

С.А. Бокерия¹ , М. Махапа¹ , А. Киамба² ¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация²Университет Найроби, Найроби, Кения bokeria-sa@rudn.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью изучения роли и места Руанды во внутривнутриполитическом конфликте в Демократической Республике Конго (ДРК) с целью дальнейшего повышения эффективности миротворческих усилий в условиях ресурсных и этнических конфликтов. Выявлена роль Руанды в конфликте в ДРК и влияние политики, проводимой руандийским правительством, на миротворческие усилия по урегулированию этого конфликта. Рассматриваются стратегии, используемые Руандой в ДРК, включая поддержку вооруженных повстанческих групп и нелегальную добычу природных ископаемых, и воздействие этих стратегий на динамику конфликта. Подчеркивается необходимость международного вмешательства и сотрудничества для решения сложной динамики конфликта в ДРК, а также содействия активизации миротворческих усилий различных сторон. Несмотря на многочисленные миротворческие инициативы со времен Второй конголезской войны, направленные на улучшение отношений между ДРК и Руандой, напряженность продолжает нарастать. Основные выводы исследования заключаются в том, что Руанда участвует в продолжении конфликта в ДРК, используя внутривнутриполитическую нестабильность в последней для разграбления конголезских ресурсов, а также выступая в качестве канала контрабанды ресурсов ДРК, предназначенных для стран Азии, Ближнего Востока и Запада. Авторы приходят к выводу, что конфликт следует урегулировать дипломатическими методами с участием ведущих международных акторов и с привлечением Африканского союза (АС). В работе применяется комплексный подход к рассматриваемым процессам и явлениям, используется принцип критической оценки информации. Теоретико-методологической базой исследования послужил наступательный реализм, учитывающий стремление государств в первую очередь решать вопросы своей национальной безопасности, в том числе и во вред своим партнерским отношениям с другими международными акторами.

Ключевые слова: миротворчество, руандофоны, интерахамве, Движение 23 марта, М23, ирредентизм

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01195, <https://rscf.ru/project/23-28-01195/>.

© Бокерия С.А., Махапа М., Киамба А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Бокерия С. А., Махана М., Киамба А. Стратегии миротворчества и роль Руанды в конфликте в Демократической Республике Конго // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 4. С. 606–615. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-606-615>

Peacekeeping Strategies and the Role of Rwanda in the Conflict in the Democratic Republic of the Congo

Svetlana A. Bokeriya¹ , Manasa Mahapa¹ , Anita Kiamba²

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²University of Nairobi, Nairobi, Kenya

 bokeria-sa@rudn.ru

Abstract. The relevance of the research topic stems from the need to examine the role and place of Rwanda in the internal political conflict in the Democratic Republic of the Congo (DRC) to further improve the effectiveness of peacekeeping efforts in resource and ethnic conflicts. The article aims to identify Rwanda's role in the ongoing conflict in the DRC and to evaluate the extent to which its actions have impeded the effectiveness of peacekeeping efforts in the country. The study examines the strategies used by Rwanda in the DRC, including support for armed rebel groups, illegal mining of natural resources, and their impact on the dynamics of the conflict. The authors conclude by emphasizing the need for international intervention and cooperation to address the complex conflict dynamics in the DRC, as well as to help boost peacekeeping efforts of the various parties. Despite the implementation of numerous peacekeeping initiatives since the Second Congolese War to improve relations between the DRC and Rwanda, tensions continue to rise. The principal findings of the study are that Rwanda is involved in the DRC's continued conflict and exploiting the latter's internal political instability to plunder Congolese resources, as well as acting as a conduit for the smuggling of the DRC resources destined for Asian, Middle Eastern and Western countries. In conclusion, the authors posit that the conflict should be resolved through diplomatic methods involving the great powers and the African Union (AU). The paper employs a comprehensive approach to the processes and phenomena under consideration and uses the principle of critical evaluation of information. The theoretical and methodological basis of the research is offensive realism, which takes into account the desire of states to solve their national security issues first and foremost, even at the expense of their partnership relations with other international actors.

Key words: peacekeeping, Rwandophones, Interahamwe, March 23 Movement, M23, irredentism

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

Acknowledgements. The research was funded by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-01195, <https://rscf.ru/project/23-28-01195/>.

For citation: Bokeriya, S. A., Mahapa, M., & Kiamba, A. (2024). Peacekeeping strategies and the role of Rwanda in the conflict in the Democratic Republic of the Congo. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(4), 606–615. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-606-615>

Введение

Демократическая Республика Конго (ДРК) — страна, охваченная длительным конфликтом (Винокуров, 2003; Точигин, 2021; Денисова, Костелянец, 2023), который сопровождается массовыми перемещениями населения, жестоким насилием и беспрецедентным разграблением ресурсов. Непрекращающийся кризис является предметом долгих споров,

и исследователи выдвигают множество теорий о том, почему он приобрел хронический характер (Сидорова, 2013, 2014; Cassimon, Engelen & Reyntjens, 2013; Mathys, 2017; Müller-Crepon, Hunziker & Cederman, 2021).

Некоторые исследователи утверждают, что Руанда сыграла значительную роль в затягивании этого конфликта (Костелянец, Денисова, 2023; Ntanyoma & Hintjens, 2022). Считается, что Руанда руководствуется рядом

причин, среди которых можно выделить стремление обеспечить стабильность в регионе Великих озер, защиту экономических интересов, намерение вернуть восточные провинции ДРК, которые когда-то были частью Руанды, и др.

Руанда была связана с конфликтом в ДРК в конце 1990-х — начале 2000-х гг. В 1990-е гг. Руанда наряду с Угандой поддерживала конголезские повстанческие группировки в Заире¹, чтобы бороться с присутствием ополчений хуту, таких как интерахамбе, которые несли ответственность за геноцид 1994 г. и нашли убежище в Заире (Wako et al., 2015). После войн 1990-х гг. Руанда вывела войска из Конго в 2002 г. Тем не менее, по словам ряда исследователей (Saltnes, 2017), Руанда продолжает проецировать свои военные, политические и экономические интересы на соседнее государство, используя вооруженные группировки в качестве прокси, одной из которых является «Движение 23 марта» (М23).

Организация Объединенных Наций (ООН), Африканский союз (АС) и различные региональные экономические сообщества в разное время пытались помочь установить мир в этой стране с помощью операций по поддержанию мира. Первая подобная операция была развернута еще в 1960–1964 гг. (*United Nations Operation in the Congo*) в ответ на угрозу начала гражданской войны в Конго (Бокерия, Худайкулова, 2023, с. 439). Несмотря на эти усилия, конфликт в ДРК становился все более интенсивным.

В этой связи актуальной выглядит цель исследования, которая заключается в выявлении роли Руанды в процессе урегулирования конфликта на территории восточных провинций ДРК. Теоретическим фундаментом исследования выступает наступательный реализм, в рамках которого государства стремятся выжить в анархичной среде международных отношений, постоянно увеличивая свой потенциал и мощь. Данные теоретические рамки позволяют объяснить причины вмешательства Руанды во внутренние дела ДРК опасениями по поводу угроз безопасности, исходящих с территории этой страны.

¹ Заир — название Демократической Республики Конго с 27 октября 1971 г. по 17 мая 1997 г.

В статье рассмотрены исторический контекст конфликта, спорные вопросы, которые помогают понять, как миротворческие усилия сдерживаются такими факторами, как этничность, ирредентизм, экономические интересы, а также проблемы безопасности, которые в совокупности способствуют вовлечению Руанды во внутренние дела ДРК.

Исторический контекст конфликта

До геноцида 1994 г. насильственные конфликты в восточной части ДРК ограничивались в основном местным уровнем. Только с миграцией в Конго беженцев-хуту из Руанды локальные конфликты приобрели региональный масштаб (Mathys, 2017). Беженцы-хуту, которые были преимущественно ополченцами-интерахамбе, при попустительстве режима Сесе Секо Мобуту начали организовывать трансграничные рейды в Руанду, что дало Руанде повод для вторжения в Заир (Reyntjens, 2009).

Важно отметить, что конголезские тутси и хуту часто считаются «чужаками» в ДРК, хотя многие из них давно проживают на территории этого государства. Миграция многих руандофонов в ДРК проходила многочисленными волнами на протяжении нескольких сотен лет, но многие из них прибыли после геноцида 1994 г. в Руанде (Ntanyoma & Hintjens, 2022). Несмотря на то, что руандофоны занимали влиятельные посты в правительстве и бизнесе, в тогдaшнем Заире они сталкивались с предрассудками и дискриминацией, особенно в отношении гражданства и прав на землю. В результате дискурсы насилия в Конго начиная с 1996 г. стали глубоко этнизированными (Ceuppens & Geschiere, 2005).

В 1996 г. руандийские войска вторглись на территорию Заира и напали на лагеря хуту, где предположительно размещались ополченцы-интерахамбе и политики, ответственные за планирование и осуществление геноцида 1994 г. Кроме того, в 1997 г. правительство Руанды помогло оппозиционному политику Л.-Д. Кабиле объединить несколько конголезских группировок, выступавших против С.С. Мобуту, в одну боевую организацию под названием Альянс демократических сил за освобождение Конго (*Alliance des Forces*

Démocratiques pour la Libération du Congo, АДСЗОК). АДСЗОК при помощи Руандийской патриотической армии (РПА) сверг С.С. Мобуту в мае 1997 г. Этот период стал известен как Первая конголезская война².

Л.-Д. Кабила стал новым главой государства. При нем ДРК вступила в Сообщество развития Юга Африки (*Southern African Development Community*, САДК) (Pottier, 2002). Однако в скором времени отношения Л.-Д. Кабилы и тутси ухудшились. Во-первых, повстанцы обвинили его в том, что он нарушил свое обещание передать провинцию Киву конголезским тутси (баньямуленге). Во-вторых, в 1998 г. Л.-Д. Кабила начал вытеснять из своего правительства всех руандофонов (баньяруанда) и приказал высокопоставленным руандийским офицерам, прикомандированным к конголезской армии, вернуться в свою страну. Все это спровоцировало антиправительственный мятеж 2 августа 1998 г., во главе которого стояли офицеры-тутси. В дальнейшем при поддержке Руанды и Уганды было создано Конголезское объединение за демократию (*Rassemblement congolais pour la démocratie*, КОД), ставшее основной антиправительственной силой в ДРК. Конголезское правительство, в свою очередь, обратилось за помощью к САДК, и в страну были направлены воинские контингенты Анголы, Зимбабве и Намибии. Так началась Вторая конголезская война, более известная как «Великая африканская» (Prunier, 2009). Основные боевые действия были завершены с подписанием Лусакского соглашения о прекращении огня 10 июля 1999 г.

Новое обострение конфликта произошло в 2006–2012 гг. в результате сложностей процесса интеграции руандоязычных ополченцев, не все из которых хотели возвращаться в Руанду. Многие из них решили остаться в провинции Северное Киву, где при поддержке Руанды сформировали Национальный конгресс в защиту народа (*Congrès national pour la défense des peuples*, НКЗН) под руководством бывшего командира сил КОД Л. Нкунды. Одной из задач, декларируемых НКЗН, была

защита местных тутси от деятельности повстанческих структур хуту, например Демократических сил освобождения Руанды (*Forces Démocratiques de Libération du Rwanda*, ДСОР). В январе 2009 г. ДРК и Руанда достигли соглашения, по которому подразумевалась интеграция бойцов НКЗН в Вооруженные Силы (ВС) ДРК, однако попытка Киншасы ослабить боевиков НКЗН привела к срыву этого процесса и разделению группировки к 2012 г. (Mathys, 2017). В итоге часть членов НКЗН во главе с генералом Боско Нтагандой сформировали М23.

Вооруженная группировка М23 быстро захватила территорию в Северном Киву, включая столицу провинции город Гома, граничащий с Руандой. В последующие месяцы насилие со стороны М23 продолжалось вокруг Гомы, особенно на территориях Рутшуру и Ньирагонго. В 2012–2013 гг. М23 участвовала в более чем 20 % всех случаях политического насилия в ДРК, зарегистрированных в системе *Armed Conflict Location and Event Data* (ACLED), став самой активной негосударственной вооруженной группой в стране в это время³. В результате наступление ВС ДРК и бригады оперативного вмешательства Миссии ООН по стабилизации в Демократической Республике Конго (МООНСДРК) в ноябре 2013 г. вынудило силы М23 отступить.

После поражения М23 политическое насилие с участием боевиков пошло на спад. Однако в конце 2021 г. М23 вновь выступила в качестве участника конфликта. На фоне многочисленных конфликтов в ДРК М23 стала второй по активности негосударственной вооруженной группой в 2022 г., уступив Альянсу демократических сил (*Forces démocratiques alliées*, АДС), и самой активной негосударственной вооруженной группой в Северном Киву⁴.

ООН, иностранные правительства и правозащитные группы связывают предыдущие

² Curtis M. *Raison d'État Unleashed: Understanding Rwanda's Foreign Policy in the Democratic Republic of the Congo* // *Strategic Insights*. 2005. Vol. 4, no. 7. P. 1–15.

³ Rwanda-Backed M23 Rebels Advance Towards Goma in Eastern DR Congo // ACLED Brief. March 4, 2024. URL: <https://reliefweb.int/report/democratic-republic-congo/acled-brief-rwanda-backed-m23-rebels-advance-toward-goma-eastern-dr-congo> (accessed: 21.07.2024).

⁴ Actor Profile: The March 23 Movement (M23) // ACLED. March 23, 2023. URL: <https://acleddata.com/2023/03/23/actor-profile-m23-drc/> (accessed: 10.06.2024).

наступательные операции (Stearns, 2012) и возрождение М23 в 2021 г. с поддержкой, оказанной Руандой. Таким образом, М23 рассматривается в ДРК как посредник руандийского вторжения и как прикрытие для добычи конголезских полезных ископаемых и других ресурсов (Reyntjens, 2009).

Этническая принадлежность и конфликт в Восточной ДРК

Этнические конфликты всегда представляли собой огромную проблему для урегулирования в рамках миротворческих операций по причине нарастающей ненависти между враждующими сторонами. В ходе текущего конфликта в восточной части ДРК гражданское население стало объектом «экспрессивного» и «асимметричного» насилия, которое основывается на приписываемой этнической, расовой или племенной идентичности, учитывая, что в стране насчитывается более 250 разрозненных этнических групп (Ntanyoma & Hintjens, 2022). Термин «экспрессивное» подразумевает дискурсивный, символический, ритуальный и в целом инструментальный характер насилия, целью которого является причинение сильной боли, а также уничтожение символов противника с упором на идентичность и конфессионализм (Kalyvas, 2006). Конфликт в ДРК был отмечен насилием, вдохновленным «расовыми» нарративами, где политика идентичности вокруг «расы» используется для узаконивания «экспрессивного» насилия против «хамитских» или тутсийских меньшинств (Ntanyoma & Hintjens, 2022). Использование такого нарратива послужило причиной вмешательства Руанды в дела ДРК под предлогом преследования виновных в геноциде 1994 г., а также защиты конголезских тутси от виктимизации со стороны правительства.

Следует отметить, что история доколониальной Африки характеризовалась перемещениями населения, вызванными различными причинами, среди которых были голод, войны, поиски пастбищ или плодородных сельскохозяйственных земель. Так произошло и с баньяруанда, часть которых мигрировала в восточную часть Конго. В итоге регион Киву, находящийся на востоке ДРК, стал

домом для десятков этнических групп. Некоторые из них говорили на киньяруанда (язык народа руанда), и поэтому их называют «руандофонами». Этот факт, а также существование по ту сторону границы ДРК этнических групп, также говорящих на киньяруанда, по мнению Р. Лемаршана, является одной из причин того, что другие конголезцы воспринимают их как иностранцев⁵. Поэтому, стремясь подчеркнуть свою эндемичность, конголезские общины, говорящие на киньяруанда, используют для идентификации топонимы, такие как, например, баньябвиша, баньямасиси или баньямуленге⁶.

Миграции баньяруанда не были проблемой до 1959 г. (Ntanyoma & Hintjens, 2022), когда в Руанде, подконтрольной Бельгии, началась революция. Большинство населения в лице хуту восстали против тутси, которые при поддержке бельгийцев сосредоточили в своих руках всю полноту политической и социально-экономической власти в стране. Это запустило процесс оттока тутси на территорию Заира. После событий 1994 г., когда к власти в Руанде пришел П. Кагаме, ситуация изменилась, и уже хуту массово мигрировали в ДРК, что привело к вовлечению Руанды в конголезские войны под предлогом преследования беглых хуту⁷. После окончания Второй конголезской войны Руанда продолжает сталкиваться с обвинениями во вмешательстве в дела ДРК в попытке поддержать руандофонов, которые, по мнению Кигали, становятся жертвами конголезцев, в результате чего этот конфликт приобретает этническое измерение.

Дополнительным подтверждением того, что фактор этнической принадлежности играет огромную роль в кризисе в ДРК, являются конфликты между повстанцами М23, поддерживаемыми тутси, ополченцами «Вазалендо» («Патриоты»), говорящими на кисуахили, а также ополченцами ДСОР, в которых доминируют хуту.

⁵ Lemarchand R. Exclusion, Marginalization, and Political Mobilization: The Road to Hell in the Great Lakes // Centre of African Studies University of Copenhagen Occasional Paper. March 2000. URL: https://teol.ku.dk/cas/publications/publications/occ_papers/lemarchand20012.pdf (accessed: 10.06.2024).

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

Ирредентизм и безопасность

Концепция ирредентизма, как отмечает Н. Чазан, подразумевает возвращение территорий, культурно или исторически связанных с каким-либо государством или нацией (*Irredentism and International Politics*, 1991). В Руанде считается, что когда-то часть восточных районов ДРК принадлежала руандийскому государству (Mathys, 2017). Это предположение о существовании «Великой Руанды» основано на том, что пришедшие европейские колонизаторы навязали руандийцам искусственные границы, которые разделили некогда единую однородную группу баньяруанда. Однако такой подход приводит к тому, что, во-первых, различные культурные группы, говорящие на киньяруанда, рассматриваются как однородная группа, а различия между ними игнорируются, а во-вторых — право на какую-либо территорию обосновывается исходя из исторического опыта контроля над ней (Ntanyoma & Hintjens, 2022).

Эта идея часто продвигается в публичных выступлениях в Руанде и активно пропагандируется в руандийских государственных СМИ. Одним из наиболее показательных примеров стало выступление президента Руанды в 1994–2000 гг. Пастёра Бизимунгу 3 октября 1996 г., в разгар восстания баньямуленге в Заире (Newbury, 1997). Он заявил, что границы доколониального Руандийского королевства были перекроены колониальными державами. Хотя он и не сказал об этом прямо, утверждение о том, что без колониального правления бо́льшая часть Восточного Конго принадлежала бы Руанде, как представляется, было способом узаконить первые шаги участия Руанды в конголезской войне. П. Бизимунгу, основываясь на работе руандийского историка Алексиса Кагаме, подкрепил свои утверждения картами доколониального Королевства Руанда, показывающими, что его границы включали в себя восточные части ДРК вплоть до оз. Эдуард (Newbury, 1997).

Одним из подтверждений использования идей ирредентизма во внешнеполитической деятельности Руанды на конголезском направлении является ее поддержка как М23

в 2012 и 2013 гг., так и повстанцев из НКЗН ранее⁸. Именно благодаря Руанде М23 превратилась в хорошо вооруженную и подготовленную группировку, что подтверждается и докладом группы экспертов ООН, опубликованным в декабре 2023 г.⁹ За прошедшие годы М23 установила альтернативный административный контроль на захваченных территориях в Северном Киву. В настоящее время повстанцы контролируют стратегический пограничный пункт Бунагана, ведущий в Уганду, собирают налоги и устанавливают вооруженные блокпосты, чтобы получать доходы для финансирования своих операций.

Помимо идеи о восстановлении исторической Руанды Кигали также использует дискурс обеспечения безопасности для объяснения своей активности в ДРК. В качестве основной угрозы выделяется присутствие в восточной части ДРК вооруженных группировок, например ДСОР. Интересно, что президент Руанды П. Кагаме в эксклюзивном интервью *Jeune Afrique* 25 марта 2024 г. признал, что руандийские войска находятся на территории ДРК из соображений безопасности¹⁰. Из его наблюдения ясно, что участие Руанды в ДРК мотивировано необходимостью обезопасить границы страны, а также защитить этнических тутси, которые подвергаются виктимизации со стороны конголезцев.

Таким образом, можно сделать вывод, что ирредентизм и проблемы безопасности являются одними из движущих сил участия Руанды в конфликте в ДРК.

⁸ Rwanda-Backed M23 Rebels Advance Towards Goma in Eastern DR Congo // ACLED Brief. March 4, 2024. URL: <https://reliefweb.int/report/democratic-republic-congo/acled-brief-rwanda-backed-m23-rebels-advance-toward-goma-eastern-dr-congo> (accessed: 21.07.2024).

⁹ Midterm Report of the Group of Experts on the Democratic Republic of the Congo // UN Documents. December 30, 2023. URL: <https://reliefweb.int/report/democratic-republic-congo/acled-brief-rwanda-backed-m23-rebels-advance-toward-goma-eastern-dr-congo> (accessed: 21.07.2024).

¹⁰ Paul Kagame: «Tshisekedi est capable de tout, sauf de mesurer les conséquences de ce qu'il dit» // Jeune Afrique. 25 mars 2024. URL: <https://www.jeuneafrique.com/1548551/politique/paul-kagame-tshisekedi-est-capable-de-tout-sauf-de-mesurer-les-consequences-de-ce-quil-dit/> (accessed: 21.07.2024).

Экономические интересы

ДРК богата природными ресурсами, включая такие минералы, как колтан (колумбит-танталит), олово, кобальт, алмазы, золото и др. Поэтому участие Руанды в боевых действиях в ДРК можно рассматривать с точки зрения установления контроля над восточными районами, являющимися средоточием месторождений ресурсов, с целью получения экономической выгоды от незаконной торговли минералами. Следует отметить, что в 2021 г. Руанда была крупнейшим в мире производителем колтана и вторым по величине экспортером золота (Dusengemungu, Zhou & Liu, 2023). Чтобы подтвердить или опровергнуть это утверждение, важно сравнить наличие месторождений полезных ископаемых в этой стране и уровень их добычи.

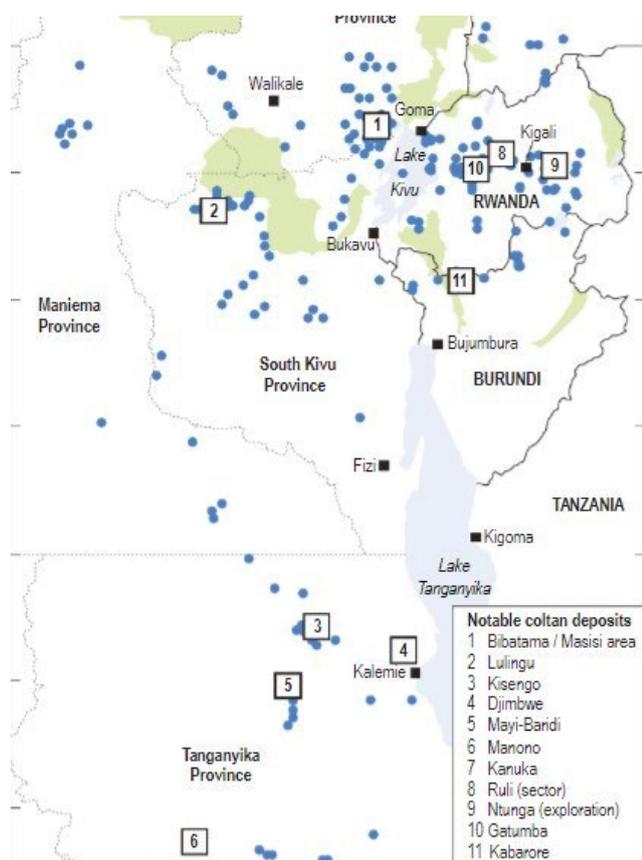

Рис. 1. Расположение зарегистрированных колтановых и колтан-касситеритовых рудников в районе Великих озер
 Источник: (Schütte & Näher, 2020).

На рис. 1 показано распределение районов добычи колтана в ДРК, Руанде, Уганде и

Бурунди (район Великих озер). На карте хорошо видно, что основная часть месторождений колтана находится в ДРК. Это заставляет авторов задаться вопросом, как Руанда, страна с таким малым количеством месторождений, может стать крупнейшим производителем колтана. Единственный логический вывод и обоснованная догадка — большая часть колтана доставляется в Руанду нелегальным путем из ДРК.

Таблица 1
Доходы Руанды от экспорта полезных ископаемых в 2023 г.

Минерал	Количество зарегистрированных компаний	Производство, кг	Общая выручка, долл. США
Касситерит	41	1 144 440	18 813 001
Колтан	44	587 015	27 814 838
Вольфрам	38	635 435	8 488 659
Золото	17	4 696	302 692 884
Драгоценные камни и др.	66	4 267 237	4 559 461

Источник: Rwanda’s Mineral Export Earnings Surge in 2023 // Rwanda Mines, Petroleum and Gas Board. February 15, 2024. URL: <https://www.rmb.gov.rw/index.php?eID=dumpFile&t=f&f=92836&token=ad4c57d124c59df2bb683f73b7f0658a3dbd263d> (accessed: 27.07.2024); Mining Sector // Rwanda Development Board. 2024. URL: <https://rdb.rw/export/export/products-directory/mining-sector/> (accessed: 27.07.2024).

В 2023 г. Совет по горнодобывающей, нефтяной и газовой промышленности Руанды опубликовал данные о добыче полезных ископаемых и количестве зарегистрированных компаний, занимающихся их обогащением (табл. 1).

Если сопоставить количество перерабатывающих компаний с количеством месторождений, как показано на рис. 1, становится очевидно, что цифры не совпадают. Возникает вопрос: откуда берется руда на всех этих предприятиях по переработке полезных ископаемых, указанных в табл. 1? Можно предположить, что огромные объемы руды могут поступать из ДРК, и это предположение подтверждается многочисленными отчетами Совета Безопасности ООН за 2001 и 2002 гг.¹¹

¹¹ См.: Report of the Panel of Experts on the Illegal Exploitation of Natural Resources and Other Forms of

Таблица 2

Доходы Руанды от экспорта минерального сырья в 2017–2023 гг.

Год	Выручка, млн долл. США
2017	373,4
2018	346,6
2019	314
2020	733
2021	516,2
2022	772,5
2023	1000,1

Источник: Rwanda's Mineral Export Revenues Soar, Fueled by Research and Innovation // IGIHE. November 29, 2023. URL: <https://en.igihe.com/news/article/rwanda-s-mineral-export-revenues-soar-fueled-by-research-and-innovation> (accessed: 27.07.2024); Rwanda's Mineral Export Earnings Surge in 2023 // Rwanda Mines, Petroleum and Gas Board. February 15, 2024. URL: <https://www.rmb.gov.rw/index.php?eID=dumpFile&t=f&f=92836&token=ad4c57d124c59df2bb683f73b7f0658a3bd263d> (accessed: 27.07.2024).

Учитывая вышеупомянутые факты, а также то, что добытые нелегальным путем ресурсы создают несколько стимулов для вмешательства третьих сторон в гражданскую войну из-за их ценности и относительной легкости доступа (Findley & Marineau, 2015), рост экспорта минералов в Руанде может быть результатом активизации наступательных операций M23 в Северном Киву.

Заключение

В заключение следует отметить, что участие Руанды — как прямое, так и косвенное — сыграло значительную роль в определении траектории конфликта. Ее вмешательство, которое нередко объясняется стремлением защитить свою национальную безопасность и стабилизировать регион, вызвало обеспокоенность по поводу суверенитета и возможности усиления региональной напряженности, но также сыграло решающую роль в сдерживании экспансии вооруженных групп и сокращении числа человеческих жертв конфликта.

Несмотря на эти усилия, более широкие международные миротворческие инициативы,

URL: <https://african-online-publishing.com/2024/03/28/president-kagame-admits-to-allowing-congos-wealth-to-be-stolen-by-the-west-through-rwanda/> (accessed: 11.08.2024).

Кроме того, данные о доходах от экспорта полезных ископаемых, полученные от Совета по горнодобывающей промышленности, нефти и газу Руанды, указывают на увеличение экспорта полезных ископаемых в период с 2017 по 2023 г. (табл. 2).

Цифры, приведенные в табл. 1 и 2, отражают тенденцию роста доходов и количества добытых минералов, экспортируемых Руандой. Минералы стали важным источником пополнения бюджета для Руанды, что привело к положительным экономическим изменениям в стране (Dusengemungu, Zhou & Liu, 2023). Чтобы опровергнуть мнение о том, что экспортируемые Руандой полезные ископаемые добываются в ДРК (Findley & Marineau, 2015), правительство утверждает, что ресурсы можно отследить с помощью системы маркировки, которая в настоящее время принята покупателями минералов на этапе их переработки¹². Вместе с тем П. Кагаме, выступая перед журналистами 22 марта 2024 г., признался, что Руанда является транзитным центром для контрабанды добытых на территории ДРК минералов, и обвинил международное сообщество в поощрении подобной нелегальной деятельности, назвав такие страны, как Объединенные Арабские Эмираты, Бельгию и Израиль. Он заявил, что «большинство из них [минералов из ДРК] направляется далее, а не остается здесь. Они идут в Дубай, в Брюссель...»¹³.

Wealth of the Democratic Republic of the Congo S/2001/357. Adopted by UN Security Council on April 12, 2001 // UN Documents. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n01/323/54/pdf/n0132354.pdf> (accessed: 16.08.2024); Final Report of the Panel of Experts on the illegal exploitation of natural resources and other forms of wealth of the Democratic Republic of the Congo S/2002/1146. Adopted by UN Security Council on October 16, 2002 // UN Documents. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/DRC%20S%202002%201146.pdf> (accessed: 16.08.2024).

¹² Rwanda. A Lithium-Tantalum-Tin-Tungsten Destination: The 3T's // Aterian PLC. 2024. URL: <https://aterianplc.com/projects/rwanda/> (accessed: 16.08.2024).

¹³ President Kagame Admits to Allowing Congo's Wealth to Be Stolen by the West Through Rwanda // African Online Publishing. March 22, 2024.

включая МООНСДРК, сталкиваются с трудностями в достижении прочного мира из-за таких проблем, как противостояние различных этнических групп, в которое вовлечены вооруженные группировки. Участие Руанды подчеркивает сложный баланс, необходимый в операциях по поддержанию мира, где региональные участники, международные организации и местные этнические группы должны сотрудничать для устранения коренных причин насилия, обеспечивая при этом устойчивый мир посредством диалога.

Однако, учитывая такие факторы, как этнические проблемы, экономические интересы, интересы безопасности, ирредентизм и многое другое, наибольший вклад в затягивание конфликта в ДРК вносит Руанда. Ее повестка дня, рассмотренная в данной статье, включает в себя все вышеперечисленные проблемы.

По мнению авторов статьи, международное сообщество должно прекратить закрывать глаза на африканские проблемы, а также перестать использовать малые государства континента в качестве своих прокси, чтобы получить доступ к африканским ресурсам. Африканцы же, в свою очередь, должны объединиться с целью разработки и добычи полезных ископаемых (колтан и др.), чтобы

направить полученные доходы на развитие своих экономик.

Другие страны континента должны последовать принципу «Африканским проблемам — африканское решение». Лидеры государств Африки должны использовать сочетание различных подходов в урегулировании кризиса в ДРК. Целесообразно провести большую африканскую встречу под руководством Коллегии мудрецов АС, возглавляемой бывшим президентом ЮАР Т. Мбеки. В эту команду должны войти уважаемые традиционные лидеры ДРК, стран САДК, Экономического сообщества государств Центральной Африки, Экономического сообщества стран Великих озер и Восточноафриканского сообщества. Целью этой большой встречи будет объединение усилий региональных экономических сообществ в ДРК для пресечения грабежа и контрабанды африканских ресурсов в целом и ресурсов ДРК в частности через свои границы путем пересмотра и синхронизации трансграничной миграции. Дипломатические усилия африканских лидеров по решению данной проблемы должны быть реализованы в части обеспечения интеграции тутси, проживающих в Восточном Конго, в общество как полноправных граждан ДРК. В то же время Руанда должна полностью простить хуту, которые участвовали в геноциде 1994 г.

Поступила в редакцию / Received: 13.04.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 25.08.2024

Принята к публикации / Accepted: 15.10.2024

Библиографический список

- Бокерия С. А., Худайкулова А. В. Миротворчество ООН в Африке: характер, масштабы и развитие // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 3. С. 435–450. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-435-450>; EDN: FSUGUV
- Винокуров Ю. Н. Демократическая Республика Конго. Власть и оппозиция. Москва : Восточная литература, 2003.
- Денисова Т. С., Костелянец С. В. Демократическая Республика Конго: политическая нестабильность и фактор Руанды // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 1. С. 37–47. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-37-47>; EDN: UUQCLB
- Костелянец С. В., Денисова Т. С. Демократическая Республика Конго: распространение исламского радикализма // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2023. № 3. С. 149–161. <https://doi.org/10.31857/S086919080024138-8>; EDN: KUGHRR
- Сидорова Г. М. Вооруженные конфликты в Африке: на примере Демократической Республики Конго. Москва : Восточная литература, 2013.
- Сидорова Г. М. Кто виноват в нестабильности Демократической Республики Конго? // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 6. С. 29–36. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-6-39-29-36>; EDN: TFANFR

- Точигин М. Ю. О внутривосточной ситуации в Демократической Республике Конго и перспективах миссии ООН (МООНСДРК) // Ученые записки Института Африки РАН. 2021. № 1. С. 46–51. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2021-54-1-46-51>; EDN: KVTHTV
- Cassimon D., Engelen P. J., Reyntjens F. Rwanda's Involvement in Eastern DRC: A Criminal Real Options Approach // *Crime, Law and Social Change*. 2013. Vol. 59. P. 39–62. <https://doi.org/10.1007/s10611-012-9397-7>
- Ceuppens B., Geschiere P. Autochthony: Local or Global? New Modes in the Struggle Over Citizenship and Belonging in Africa and Europe // *Annual Review of Anthropology*. 2005. Vol. 34. P. 385–407. <https://doi.org/10.1146/annurev.anthro.34.081804.120354>
- Dusengemungu D. R., Zhou Zhifang, Liu Jinhao. Overview of Mineral Reserves Availability in Rwanda: Opportunities and Challenges // *Environment, Development and Sustainability*. 2023. Vol. 25, no. 10. P. 10599–10626. <https://doi.org/10.1007/s10668-022-02548-4>
- Findley M. G., Marineau J. F. Lutable Resources and Third-Party Intervention into Civil Wars // *Conflict Management and Peace Science*. 2015. Vol. 32, no. 5. P. 465–486. <https://doi.org/10.1177/0738894214530828>
- Irredentism and International Politics / ed. by N. Chazan. Boulder, CO: Adamantine Press, 1991. <https://doi.org/10.1515/9781685855888>
- Kalyvas S. N. *The Logic of Violence in Civil War*. New York: Cambridge University Press, 2006. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511818462>
- Mathys G. Brining History Back in: Past, Present, and Conflict in Rwanda and the Eastern Democratic Republic of Congo // *The Journal of African History*. 2017. Vol. 58, no. 3. P. 465–487. <https://doi.org/10.1017/S0021853717000391>
- Müller-Crepon C., Hunziker P., Cederman L.-E. Roads to Rule, Roads to Rebel: Relational State Capacity and Conflict in Africa // *Journal of Conflict Resolution*. 2021. Vol. 65, no. 2–3. P. 563–590. <https://doi.org/10.1177/0022002720963674>
- Newbury D. Irredentist Rwanda: Ethnic and Territorial Frontiers in Central Africa // *Africa Today*. 1997. Vol. 44, no. 2. P. 211–221.
- Ntanyoma R. D., Hintjens H. Expressive Violence and the Slow Genocide of the Banyamulenge of South Kivu // *Ethnicities*. 2022. Vol. 22, no. 3. P. 374–403. <https://doi.org/10.1177/14687968211009895>
- Pottier J. Everybody Needs Good Neighbours: Understanding the Conflict(s) in Eastern DRC // *Cadernos de Estudos Africanos*. 2002. No. 2. P. 141–166. <https://doi.org/10.4000/cea.1318>
- Prunier G. *Africa's World War: Congo, the Rwandan Genocide, and the Making of a Continental Catastrophe*. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Reyntjens F. *The Great African War: Congo and Regional Geopolitics, 1996–2006*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511596698>
- Saltnes J. D. Norm Collision in the European Union's External Policies: The Case of European Union Sanctions Towards Rwanda // *Cooperation and Conflict*. 2017. Vol. 52, no. 4. P. 553–570. <https://doi.org/10.1177/0010836717710528>
- Schütte P., Näher U. Tantalum Supply from Artisanal and Small-Scale Mining: A Mineral Economic Evaluation of Coltan Production and Trade Dynamics in Africa's Great Lakes Region // *Resources Policy*. 2020. Vol. 69. P. 101896. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2020.101896>
- Stearns J. *From CNDP to "M23": The Evolution of an Armed Movement in Eastern Congo*. London: The Rift Valley Institute, 2012.
- Wako E., Elliott L., de Jesus E., Zott M. E., Swahn M. H., et al. Conflict, Displacement, and IPV: Findings from Two Congolese Refugee Camps in Rwanda // *Violence Against Women*. 2015. Vol. 21, no. 9. P. 1087–1101. <https://doi.org/10.1177/1077801215590669>

Сведения об авторах:

Бокерия Светлана Александровна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 3806-0961; ORCID: 0000-0002-9052-4363; e-mail: bokeria-sa@rudn.ru

Махана Манаса — аспирант кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; ORCID: 0009-0008-6191-1234; e-mail: 1042238084@pfur.ru

Киамба Анита — доктор наук (PhD), старший преподаватель факультета дипломатии и международных исследований, Университет Найроби; ORCID: 0009-0008-3474-3861; e-mail: akiamba@uonbi.ac.ke

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-4-616-627

EDN: MFEMEG

Научная статья / Research article

Миграционный кризис в Западной Африке: ограничения и перспективы политического регулирования

И.А. Захаров , М.М. Агафшин , С.А. Горохов

Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация

 vanszax@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются ограничения и перспективы политического регулирования миграционного кризиса в Западной Африке. Охарактеризована миграционная ситуация в странах региона, проанализированы имеющиеся политические инструменты Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС) для регулирования миграционных процессов и дана оценка их эффективности в решении проблемы беженцев и внутренне перемещенных лиц (ВПЛ), угрожающей гуманитарной катастрофой для государств региона. Анализ миграционной ситуации в Западной Африке опирается на статистическую базу данных о численности и структуре мигрантов, а также о направленности миграционных потоков. Особое внимание уделено инструментам политического регулирования миграционных процессов со стороны ЭКОВАС, изучение которых опирается на международные правовые документы (декларации, соглашения и т. д.), составляющие основу миграционной политики на региональном уровне. Интенсификация вынужденных миграций в Западной Африке, спровоцированная взаимосвязанными и усугубляющими угрозами, к которым относятся вооруженные конфликты и природные бедствия, привела к миграционному кризису в регионе. Анализ правовой базы на уровне ЭКОВАС свидетельствует о том, что эта международная организация достаточно оперативно реагирует на масштабный рост числа беженцев и ВПЛ. Миграционная политика ЭКОВАС отличается высоким уровнем проработки, учитывает все основные положения региональных и глобальных соглашений, регламентирующих вопросы миграции. Несмотря на прогрессивный характер, миграционная политика организации не лишена недостатков, поскольку она преследует противоречащие друг другу группы задачи — интеграцию и секьюритизацию. Первая группа задач призвана обеспечить экономическую интеграцию стран Западной Африки за счет обеспечения роста мобильности населения, вторая — направлена на усиление контроля за миграционными потоками и их капсулизацию внутри региона. Вместе с тем в миграционной политике ЭКОВАС отсутствует достаточное количество конкретных механизмов преодоления миграционных кризисов. Нехватка финансовых и кадровых ресурсов государств Западной Африки определяет высокий уровень вовлеченности в миграционную политику ЭКОВАС иных международных организаций. На примере Рабатского процесса, развитие которого во многом диктуется Европейским союзом (ЕС), показано, что ряд внешних политических акторов заинтересован не столько в разрешении миграционного кризиса в Западной Африке, сколько в его капсулизации, а потенциал ЭКОВАС используется ими для достижения целей собственной миграционной политики. В перспективе это может привести к эскалации конфликтов в Западной Африке и спровоцировать еще более масштабный миграционный кризис.

Ключевые слова: беженцы, внутренне перемещенные лица, миграционная политика, политическое регулирование миграций, Рабатский процесс, ЭКОВАС

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00123, <https://rscf.ru/project/22-18-00123/>

© Захаров И.А., Агафшин М.М., Горохов С.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Захаров И. А., Агафошин М. М., Горохов С. А. Миграционный кризис в Западной Африке: ограничения и перспективы политического регулирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 4. С. 616–627. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-616-627>

Migration Crisis in West Africa: Limits and Prospects of Political Regulation

Ivan A. Zakharov , Maksim M. Agafoshin , Stanislav A. Gorokhov

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
vanszax@yandex.ru

Abstract. The study examines the limits and prospects of political regulation of the migration crisis in West Africa. The authors characterize the migration situation in the countries of the region, analyze the available political instruments of the Economic Community of West African States (ECOWAS) that facilitate the migration processes in the region. Furthermore, the efficacy of these instruments in addressing the growing number of refugees and internally displaced persons (IDPs), which could potentially precipitate a humanitarian crisis, is evaluated. The analysis of the migration situation in West Africa is based on an extensive statistical database that provides the information on the number and structure of migrants, including refugees and IDPs, as well as on the direction of migration flows. Special attention is paid to the instruments of political regulation of migration processes available to ECOWAS, and the analysis is based on international legal documents (protocols, declarations, agreements, etc.), which constitute the core of the regional migration policy. The intensification of forced migrations in West Africa, provoked by interrelated and aggravating threats, including armed conflicts and natural disasters, has resulted in a significant migration crisis in the region. The analysis of the legal framework of migration policy at the ECOWAS level reveals that this international organization is responding quite quickly to the massive increase in the number of refugees and IDPs. The ECOWAS migration policy is distinguished by a high level of elaboration, taking into account all the main provisions of regional and global agreements regulating migration issues. Despite its progressive nature, the migration policy of the organization is not flawless since it pursues conflicting sets of tasks, namely integration and securitization. The first set of tasks is aimed at ensuring the economic integration of West African countries, which implies an increase in population mobility. The second set of tasks is aimed at strengthening the control over migration flows and encapsulating them within the region. At the same time, the ECOWAS migration policy does not contain a sufficient number of specific mechanisms for overcoming migration crises. The lack of financial and human resources in the countries of West Africa determines the high level of involvement of international organizations in the development of the migration policy of ECOWAS. The example of the Rabat Process, whose development is strongly influenced by the European Union (EU), illustrates that a number of external political actors are more interested in encapsulating the migration crisis in West Africa than in solving it. In other words, the potential of ECOWAS is being used by external political actors to achieve the goals of their own migration policies. In the future, this could lead to an escalation of conflicts in West Africa, provoking an even larger migration crisis and promoting inter-regional disagreements.

Key words: ECOWAS, internally displaced persons, migration policy, political regulation of migration, Rabat process, refugees

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

Acknowledgements. The research is supported by Russian Science Foundation under the grant No. 22-18-00123, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00123/>

For citation: Zakharov, I. A., Agafoshin, M. M., & Gorokhov, S. A. (2024). Migration crisis in West Africa: Limits and prospects of political regulation. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(4), 616–627. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-616-627>

Введение

Во второй половине XX в. в результате антиколониальной борьбы на политической карте мира появился целый ряд независимых

африканских стран, население большинства которых характеризовалось чрезвычайно высокой этнорелигиозной мозаичностью, усложнявшей процессы становления их

государственных институтов в постколониальный период. Более того, борьба за власть между этническими и религиозными общинами заложила глубокие противоречия в обществах молодых государств, не разрешенные до сих пор. Данные противоречия в значительной степени стимулировали развитие сецессионных и сепаратистских движений в Африке, а также способствовали распространению на континенте террористических организаций, стремящихся установить свой контроль над его обширными территориями. Особенно острая ситуация характерна для региона Западной Африки, где сформировались сразу две конфликтные зоны — Судано-Сахельский коридор и район бассейна озера Чад, где действуют многочисленные радикальные группировки (Захаров, Дмитриев, 2021).

Интенсификация конфликтов в странах Западной Африки, начавшаяся в конце XX — начале XXI в., спровоцировала рост потоков вынужденных переселенцев и беженцев как в пределах этого региона, так и из государств Западной Африки в другие страны континента и остального мира (Абрамова, 2009). Мощность миграционных потоков оказалась настолько велика, а социально-экономические, гуманитарные и политические последствия масштабного перемещения населения настолько значительны, что это дало возможность говорить о возникновении в Западной Африке миграционного кризиса.

Важную роль в смягчении негативных эффектов кризиса оказывает сотрудничество стран региона по линии Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС). С момента своего возникновения в 1975 г. эта организация стремится к углублению интеграционных процессов в регионе с целью развития экономического потенциала стран Западной Африки. При этом ЭКОВАС всегда уделяло большое внимание политическому регулированию миграции, сближению миграционной политики, а также формированию единой позиции по проблеме нелегальной миграции и торговле людьми у его стран-членов. На момент написания статьи в состав ЭКОВАС входило 15 из 16 государств

Западной Африки¹: Бенин, Буркина-Фасо, Гамбия, Гана, Гвинея, Гвинея-Бисау, Кот-д’Ивуар, Кабо-Верде, Либерия, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал, Сьерра-Леоне и Того.

Для оценки масштабов миграционного кризиса, с которым столкнулись страны Западной Африки, выявления ограничений и перспектив его политического регулирования в данном исследовании мы опираемся на три блока источников:

1) статистические данные о численности и структуре мигрантов², в том числе беженцев и внутренне перемещенных лиц (ВПЛ)³, масштабах, структуре и направленности миграционных потоков в странах ЭКОВАС⁴, а также о локализации и параметрах конфликтов в странах Западной Африки⁵;

2) международные правовые документы (протоколы, декларации, соглашения и т. д.), составляющие основу миграционной политики на уровне ЭКОВАС в целом;

3) теоретические труды отечественных и зарубежных исследователей, занимающихся изучением миграций (Абрамова, 2009; Горохов, Агафошин, Дмитриев, 2020; Рязанцев, 2021; Flahaux & de Haas, 2016; Idemudia & Boehnke, 2020, pp. 15–31; Teye, 2022) и особенно вопросами правового регулирования миграционных процессов в условиях миграционных кризисов (Лебедева, 2010; Кулькова, 2016; Пагани, 2021; Reslow & Vink, 2015; Adamson & Tsourapas, 2019; Bisong, 2019; Aniche, Iwuoha & Isike, 2022; Garba & Yeboah, 2022).

¹ Членство трех государств (с 30 мая 2021 г. — Мали, с 28 января 2022 г. — Буркина-Фасо, с 8 сентября 2022 г. — Нигера) приостановлено в связи с внутренней политической обстановкой.

² International Migrant Stock // United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division. 2020. URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock> (accessed: 11.06.2023).

³ UNHCR’s Refugee Population Statistics Database // UNHCR. URL: <https://www.unhcr.org/refugee-statistics> (accessed: 11.06.2023).

⁴ Displacement Tracking Matrix // International Organization for Migration. URL: <https://dtm.iom.int> (accessed: 11.06.2023).

⁵ Africa 1997 — Present (Data Through December 2022) // ACLED. URL: <https://www.acledata.com/download/2909/> (accessed: 11.06.2023).

На базе вышеприведенных источников охарактеризована миграционная ситуация в странах Западной Африки, проанализированы имеющиеся политические инструменты ЭКОВАС для регулирования миграционных процессов и дана оценка их эффективности в решении проблемы беженцев и ВПЛ, угрожающей гуманитарной катастрофой для государств региона.

Причины миграционного кризиса в Западной Африке

Сочетание целого комплекса факторов социального, экономического, политического и культурно-цивилизационного характера стало причиной того, что после обретения независимости страны Западной Африки демонстрируют крайне низкие показатели социально-экономического развития. Из 15 государств ЭКОВАС 11 (Бенин, Буркина-Фасо, Гамбия, Гвинея-Бисау, Гвинея, Либерия, Мали, Нигер, Сенегал, Сьерра-Леоне, Того) относятся экспертами ООН к группе наименее развитых стран мира⁶. С 1990-х гг. государства региона столкнулись с целым рядом конфликтов, гражданских войн, государственных переворотов, стихийных бедствий и других потрясений, резко увеличивших число переселенцев как внутри региона, так и из него (Коммегни Фонганг, 2019).

Одной из важнейших причин миграционного кризиса в Западной Африке выступают климатические изменения, повлекшие за собой процессы масштабного опустынивания. Продвижение Сахары на юг обостряет проблемы ведения сельскохозяйственной деятельности, продовольственной безопасности и водообеспечения в регионе, от которых особенно страдают страны Сахеля⁷. Однако последствия засух ощущают и страны, находящиеся в удалении от их эпицентра, так как в результате таких засух значительная часть населения региона, занятого преимущественно в сельском хозяйстве, вынуждена покидать

свои дома в поисках пищи и воды (Ксенофонта, Гришина, 2019; Teye & Nikoi, 2022). Так, в 2018 г. массовая миграция кочевников-скотоводов фульбе на юг Нигерии привела к земельным конфликтам, которые еще больше усугубили конфронтацию христианского юга и мусульманского севера в этой стране (Захаров, Дмитриев, 2021). В условиях резкого ухудшения качества жизни нарастает социальная напряженность, нередко возникают конфликты, что приводит к увеличению числа беженцев и ВПЛ, способствуя интенсификации миграционных потоков в Западной Африке и соседних с ней регионах (Abel et al., 2019).

Согласно данным *Armed Conflict Location and Event Data (ACLED)*, в 1997–2022 гг. на территории рассматриваемого региона произошло 22 тыс. конфликтов, носящих заведомо насильственный характер (например, вооруженные столкновения или теракты), которые унесли жизни более 100 тыс. человек. Почти половина от общего числа конфликтов и более 70 % жертв в Западной Африке имели место в Нигерии, где сложилась наиболее конфликтотенная ситуация в регионе. В последние годы деятельность экстремистских организаций все более активно распространяется на соседние страны — Мали, Нигер, Буркина-Фасо и др. (Захаров, Дмитриев, 2021; Исаев, Коротаев, Бобарыкина, 2022). Основными субъектами конфликтов выступают «Боко Харам», «Аль-Каида в странах исламского Магриба»⁸, Исламский фронт освобождения и другие террористические группировки, продемонстрировавшие способность контролировать обширные территории, частично осуществляя в их пределах государственные функции (Фитуни, 2015).

Активизация деятельности исламистских экстремистских организаций во многом стала возможной благодаря слабости государственных институтов в странах Западной Африки, для которых гражданские конфликты и военные перевороты стали нормой их

⁶ UN List of Least Developed Countries // UNCTAD. URL: <https://unctad.org/topic/least-developed-countries/list> (accessed: 11.06.2023).

⁷ В границах ЭКОВАС к зоне Сахеля относятся Сенегал, Мали, Буркина-Фасо, Нигер и Нигерия.

⁸ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

политической жизни⁹. Так, всего за 18 месяцев — с августа 2020 по январь 2022 г. — в трех странах Западноафриканского региона (Мали, Гвинея и Буркина-Фасо) произошли военные перевороты, причем в Мали за этот период их было даже два. Частые насильственные смены власти еще больше дестабилизируют политическую и экономическую ситуацию в Западной Африке, переживающей эскалацию исламистского экстремизма, гуманитарные и экономические кризисы, приводя в конечном счете к масштабным перемещениям населения.

Масштабы миграционного кризиса в Западной Африке

Население Западной Африки характеризуется довольно высокой мобильностью. К 2020 г. в регионе находилось более 7,5 млн международных мигрантов, большинство из которых (92,1 %) были выходцами из этого же региона. Наибольшая численность мигрантов проживала на территории Кот-д'Ивуара (2,6 млн), Нигерии (1,3 млн), Буркина-Фасо (723 тыс.), Мали (485 тыс.), Ганы (476 тыс.) и Нигера (350 тыс.)¹⁰.

Сложность миграционной ситуации заключается в том, что более 30 % международных мигрантов в регионе представлены наиболее уязвимыми группами — беженцами, просителями убежища, лицами без гражданства. Размещение данных категорий переселенцев по странам региона связано

с особенностями их передвижений, которые осуществляются в рамках трех основных международных маршрутов:

1) *Западноафриканский маршрут*, по которому происходит передвижение беженцев и других категорий мигрантов по морю до Канарских о-вов, берущий свое начало в Мавритании, Сенегале, Гамбии, Гвинея-Бисау, Гвинея и др.;

2) *Западно-Средиземноморский маршрут* обеспечивает миграцию населения из стран Западной Африки (в первую очередь из Мавритании, Мали, Нигера, Буркина-Фасо, Кот-д'Ивуара) через Гибралтарский пролив в Испанию и далее в другие страны Европы;

3) *Центрально-Средиземноморский маршрут* используется беженцами, которые следуют через Мали, Нигер, далее в Ливию и через Средиземное море в Италию и другие европейские страны. Этот маршрут особенно востребован для беженцев из Нигерии, Нигера и соседних с ними государств¹¹.

Кроме международных маршрутов в Западной Африке существует целая сеть миграционных коридоров, обеспечивающих единство миграционной системы региона¹². Наибольшее значение из них имеют два, проходящих в широтном направлении: первый — соединяет Абиджан (Кот-д'Ивуар), Аккру (Гана), Ломе (Того) и Порто-Ново (Бенин), Лагос и Абуджу (Нигерия); второй — связывает Дакар (Сенегал), Бамако (Мали), Бобо-Диуласо и Уагадугу (Буркина-Фасо), Ниамей и Агадес (Нигер). Значительная мощность потоков беженцев, следующих через данные коридоры, определяет то, что в границах стран Сахеля, прежде всего Нигера, Мали и Мавритании, а также Нигерии — популяционного гиганта Западной Африки, аккумулируется основная часть мигрантов.

В 2022 г. всего на четыре западноафриканских государства — Нигер, Мавританию, Мали и Нигерию — суммарно пришлось

⁹ См.: Giroux J., Lanz D., Sguaitamatti D. The Tormented Triangle: The Regionalisation of Conflict in Sudan, Chad and the Central African Republic // Crisis States Research Centre Working Papers Series. No. 2. 2009. P. 2—24. URL: <https://eprints.lse.ac.uk/28497/1/WP47.2.pdf> (accessed: 11.06.2023); Walther O., Retaillé D. Sahara or Sahel? The Fuzzy Geography of Terrorism in West Africa // CEPIS/INSTEAD Working Papers. 2010. No. 2010–35. P. 1–17. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1803996> (accessed: 11.06.2023). См. также: (Сидорова, 2022).

¹⁰ International Migrant Stock // United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division. 2020. URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock> (accessed: 11.06.2023).

¹¹ Migratory Map // Frontex. URL: <https://frontex.europa.eu/we-know/migratory-map/> (accessed: 11.06.2023).

¹² Regional Mobility Mapping. West and Central Africa // International Organization for Migration. January 2022. URL: <https://dtm.iom.int/reports> (accessed: 11.06.2023).

более 90 % из 653,9 тыс. беженцев и просителей убежища, что свидетельствует об обострении миграционного кризиса в регионе (табл. 1). Нигер принял 306,8 тыс. вынужденных переселенцев — 47 % от их общего числа в Западной Африке, в основном из Нигерии (66,3 % от числа беженцев в стране), Мали (20,5 %) и других стран. В Мавритании их численность составила 118,7 тыс., то есть 18,2 % от их числа в регионе, подавляющее

большинство которых происходят из Мали (75 %) и Западной Сахары (22 %). Число вынужденных мигрантов в Мали составило 53,5 тыс. — 8,2 % от их общего числа, прежде всего из Буркина-Фасо (41,2 %), Мавритании (27,9 %) и Нигера (25,4 %). На территории Нигерии сосредоточено 84,4 тыс. беженцев и просителей убежища — 12,9 % от их числа в регионе, в основном из Камеруна (92,8 %).

Таблица 1

Число беженцев, просителей убежища и ВПЛ по странам Западной Африки (2022 г.), тыс. чел.

Страна	Беженцы в стране	Просители убежища в стране	Беженцы из страны	Просители убежища из страны	ВПЛ
Нигерия	82,8	1,6	400,6	88,1	3 098,4
Буркина-Фасо	27,0	7,5	23,3	5,6	1 902,2
Нигер	290,3	16,5	56,3	3,8	264,3
Мали	52,7	0,8	183,4	24,3	350,1
Мавритания	114,1	4,6	36,8	8,4	0,0
Сенегал	11,8	0,3	13,8	18,9	0,0
Того	10,5	0,7	7,4	2,8	0,0
Гана	7,0	1,6	14,9	9,5	0,0
Кот-д'Ивуар	5,6	0,2	29,6	22,0	0,0
Либерия	3,3	1,4	5,4	3,1	0,1
Гамбия	4,4	0,2	11,3	5,1	0,0
Гвинея	4,4	0,1	36,0	25,2	0,1
Бенин	1,8	0,6	0,7	1,4	0,0
Гвинея-Бисау	1,8	0,0	2,0	2,5	0,0
Сьерра-Леоне	0,3	0,0	7,0	5,8	0,0
Кабо-Верде	0,0	0,0	0,0	0,3	0,0
Всего	617,8	36,1	828,5	226,5	5 615,1

Источник: составлено И.А. Захаровым, М.М. Агафошиным и С.А. Гороховым по: UNHCR Refugee Data Finder. URL: <https://www.unhcr.org/refugee-statistics> (accessed: 11.06.2023); Displacement Tracking Matrix. URL: <https://dtm.iom.int> (accessed: 11.06.2023).

Миграционный кризис в Западной Африке в значительной степени обусловлен высокой численностью внутренне перемещенных лиц, которые в случае обострения в регионе социально-экономической ситуации и эскалации насилия могут стать беженцами. Общее число ВПЛ в 2022 г. составило более 5,6 млн человек, что в 8,5 раза больше численности беженцев, размещенных в Западной Африке. При этом почти все ВПЛ концентрируются в пределах четырех стран: Нигерии, Буркина-Фасо, Мали и Мавритании. Наиболее сложная ситуация наблюдается в Нигерии, где территории своего постоянного проживания вынужденно покинули почти 3,1 млн человек, и в Буркина-Фасо — более 1,9 млн человек.

Отдельно следует отметить ситуацию, сложившуюся в Кот-д'Ивуаре, где проживает более 1,6 млн человек без гражданства, в основном это сельскохозяйственные работники и их потомки из Буркина-Фасо, а также других стран региона, занятые на плантациях какао. Значительное число лиц без гражданства в стране связано с рестриктивными особенностями ивуарийского законодательства в области предоставления гражданства. Принимая меры по исправлению этой ситуации, ивуарийское правительство тем не менее по-прежнему отдает предпочтение наследованию гражданства. Так, натурализация иностранцев, регламентируемая статьями 25–33 Гражданского кодекса Кот-д'Ивуара,

предписывает претенденту подтвердить постоянное проживание на территории страны, пройти проверку, которая определяет нравственность заявителя и «праведность» его жизни (фр. *être reconnu après enquête de bonnes vie et moeurs*). Кроме того, претендент не должен быть признан обузой и представлять угрозу для безопасности ивуарийского общества. Также в этой сфере сохраняются элементы дискриминации по половому признаку (ст. 45.1, 56)¹³. Все это позволяет правительству препятствовать приобретению ивуарийского гражданства «нежелательными» категориями иностранцев. Масштабный приток беженцев и искателей убежища, а также увеличение числа ВПЛ создают высокую нагрузку на социальную инфраструктуру и государственные институты, которые и без того были перегружены в некризисные периоды.

Миграционная политика ЭКОВАС: интеграция vs. секьюритизация

С момента своего создания ЭКОВАС уделяло большое внимание регулированию миграционных процессов, став одной из первых региональных организаций в Африке, согласовавших упрощение пограничного контроля между своими членами. С целью повышения мобильности населения в 1979 г. странами ЭКОВАС был принят Протокол о свободном передвижении лиц, проживании и поселении. Данный документ гарантирует право на безвизовое посещение гражданами ЭКОВАС стран — членом этой организации при наличии у мигранта идентифицирующего личность документа и международного медицинского свидетельства на срок до 90 дней с последующей возможностью подачи заявления на постоянное место жительства (должно продлеваться каждые 3 года), что дает право

трудоустройства, ведения бизнеса и инвестирования.

Впоследствии, в 1985, 1986, 1989 и 1990 гг. в этот Протокол были внесены дополнительные коррективы, содействующие региональной интеграции мигрантов (в том числе беженцев) из стран ЭКОВАС путем применения процедур натурализации или наделяющих их статусом лиц, проживающих в стране на законных основаниях. В данный документ также были внесены предложения по учреждению единого гражданства ЭКОВАС, создания единого паспорта граждан ЭКОВАС и др. Кроме того, Протокол последовательно дополнялся положениями о правах мигрантов, принятыми на глобальном уровне по линии ООН, Международной организации труда, Африканского союза и др.

Несмотря на новаторский характер Протокола, реализация его положений несколько затянулась. Только к 2008 г. был окончательно разработан Общий подход ЭКОВАС к проблеме миграции¹⁴, который на настоящий момент представляет собой один из наиболее успешных примеров развития миграционного законодательства Африки на региональном уровне. В нем декларируются следующие принципы:

- 1) интеграция миграционной политики ЭКОВАС должна осуществляться через полную реализацию положений Протокола ЭКОВАС о повышении мобильности населения в границах данной организации;
- 2) легальная миграция в странах ЭКОВАС должна стимулировать их социально-экономическое развитие за счет денежных переводов и повышении квалификации мигрантов;
- 3) противодействие торговле людьми и оказание помощи ее жертвам;
- 4) гармонизация политики стран ЭКОВАС в разных сферах, что подразумевает сближение их миграционной политики;
- 5) осуществление поддержки и защиты прав мигрантов, беженцев и просителей убежища;
- 6) учет гендерного измерения миграций.

¹³ См.: Diaha-Yao P.A. Rapport sur le Droit de la Nationalité: Côte d'Ivoire. Country Report. 2021. URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/70656/RSCA_S_GLOBALCIT_CR_2021_9.pdf?sequence=18 (accessed: 18.09.2023); McGovern M. Côte d'Ivoire Overview for Engaging Marginalized Groups in the Design of Identification Systems in Africa // World Bank. 2019. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/253751561957171413/pdf/Cote-d-Ivoire-overview-for-RSR12-Engaging-Marginalized-Groups-in-the-Design-of-Identification-Systems-in-Africa.pdf> (accessed: 11.06.2023).

¹⁴ ECOWAS Common Approach on Migration // UNHCR. 2008. URL: <https://www.unhcr.org/49e47c8f11.pdf> (accessed: 11.06.2023).

Для осуществления обозначенных принципов предлагается план действий, который должен быть реализован в миграционной политике стран ЭКОВАС. Наибольший интерес, по нашему мнению, представляют следующие моменты этого плана:

а) для *повышения мобильности населения* предлагается обеспечить выпуск документа, удостоверяющего личность владельца и его гражданство, который должен использоваться мигрантами, перемещающимися между государствами ЭКОВАС;

б) *учредить региональный фонд* для финансирования межгосударственного трансграничного взаимодействия с целью создания общей приграничной инфраструктуры, в том числе торговых центров, учреждений здравоохранения и образования и др., для поддержки населения, проживающего в приграничных районах;

в) для *гармонизации миграционной политики* — разработать систему мониторинга миграции;

г) в целях *усиления контроля за нелегальной миграцией и борьбы с торговлей людьми, особенно женщинами и детьми* — расширить межгосударственные и многосторонние соглашения между членами ЭКОВАС и добиться их реализации;

д) *расширить возможности управления миграцией* за счет роста численности сотрудников миграционных служб и повышения их квалификации, улучшения систем контроля за документооборотом, что предполагает создание электронных региональных систем в миграционных службах государств региона и развитие систем оповещения на границах.

Результаты анализа правовых документов на уровне стран ЭКОВАС свидетельствуют о повышенном внимании, которое эта организация уделяет выработке единой миграционной политики (табл. 2). Большая часть ее членов подписала и достаточно быстро ратифицировала основные международные и региональные договоры¹⁵,

¹⁵ См.: Конвенция ООН о статусе беженцев // ООН. 1951. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 11.06.2023); Протокол Организации Объединенных Наций о статусе беженцев // ООН. 1967. URL: <https://www.un.org/ru/>

которые лежат в основе политического регулирования миграционных процессов.

В свою очередь число стран, которые отказываются подписывать те или иные соглашения или задерживают их ратификацию, — относительно невелико (Андреев, 2022), что оказывает положительное влияние на сближение национальных законодательств

[documents/decl_conv/conventions/pdf/refugees_prot.pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/refugees_prot.pdf) (дата обращения: 11.06.2023); International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families // UN Treaty Collection. 1990. URL: https://treaties.un.org/doc/Treaties/1990/12/19901218%2008-12%20AM/Ch_IV_13p.pdf (accessed: 11.06.2023); Protocol Against the Smuggling of Migrants by Land, Sea and Air, Supplementing the United Nations Convention Against Transnational Organized Crime // UN Treaty Collection. 2000. URL: https://treaties.un.org/doc/Treaties/2000/11/20001115%2011-21%20AM/Ch_XVIII_12_bp.pdf (accessed: 11.06.2023); Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons, Especially Women and Children // UN Treaty Collection. 2000. URL: https://treaties.un.org/doc/Treaties/2000/11/20001115%2011-38%20AM/Ch_XVIII_12_ap.pdf (accessed: 11.06.2023); Конвенция Организации африканского единства по конкретным аспектам проблем беженцев в Африке // Агентство ООН по делам беженцев. 1969. URL: https://www.unhcr.org/ru/wp-content/uploads/sites/73/2019/08/КОНВЕНЦИЯ_1969_ГОДА_ПО_КОНКРЕТНЫМ_АСПЕКТАМ_ПРОБЛЕМ_БЕЖЕНЦЕВ_В_АФРИКЕ.pdf (дата обращения: 11.06.2023); African Union Convention for the Protection and Assistance of Internally Displaced Persons in Africa (Kampala Convention) // African Union. 2009. URL: <https://au.int/en/treaties/african-union-convention-protection-and-assistance-internally-displaced-persons-africa> (accessed: 11.06.2023); Ouagadougou Action Plan to Combat Trafficking in Human Beings, Especially Women and Children // African Union. 2006. URL: https://au.int/sites/default/files/pages/32899-file-3_ouagadougou_action_plan_to_combat_trafficking_en_1.pdf (accessed: 11.06.2023); Declarations of the Rabat Process (2006, 2008, 2011, 2014) // Rabat Process. 2023. URL: <https://www.rabat-process.org/en/document-repository> (accessed: 11.06.2023); ECOWAS Protocol A/P.1/5/79 Relating to Free Movement of Persons, Residence and Establishment // ECOWAS. 1979. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/3269/download> (accessed: 11.06.2023); ECOWAS Declaration on the Fight Against Trafficking in Persons // ACHPR. 2001. URL: <https://achpr.au.int/index.php/en/node/856> (accessed: 11.06.2023); Protocol to the Treaty Establishing the African Economic Community Relating to Free Movement of Persons, Right of Residence and Right of Establishment // African Union. 2018. URL: <https://au.int/en/treaties/protocol-treaty-establishing-african-economic-community-relating-free-movement-persons> (accessed: 11.06.2023).

Таблица 2

Основные соглашения по вопросам миграции с участием стран ЭКОВАС

Документы	Бенин	Буркина-Фасо	Гамбия	Гана	Гвинея	Гвинея-Бисау	Кабо-Верде	Кот-д'Ивуар	Либерия	Мали	Нигер	Нигерия	Сенегал	Сьерра-Леоне	Того
Конвенция Организации Объединенных Наций о статусе беженцев (1951 г.)	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+
Протокол Организации Объединенных Наций о статусе беженцев (1967 г.)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семьи (1990 г.)	+	+	+	+	+	±**	+	-	±	+	+	+	+	±	+
Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху (2000 г.)	+	+	+	+	+	±	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее (2000 г.)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Конвенция Организации африканского единства о конкретных аспектах проблем беженцев в Африке (1969 г.)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Конвенция Африканского союза о защите и помощи внутренне перемещенным лицам в Африке (2009 г.)	+	+	+	±	±	+	-	+	+	+	+	+	±	+	+
Уагадугская декларация и план действий по борьбе с торговлей людьми, особенно женщинами и детьми (2006 г.)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Декларации Рабатского процесса (2006, 2008, 2011, 2014 гг.)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Протокол ЭКОВАС о свободном передвижении лиц, проживании и поселении (1979 г.)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Декларация ЭКОВАС о борьбе с торговлей людьми (2001 г.)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Протокол Африканского экономического сообщества о свободном передвижении лиц (2018 г.)	-	±	±	±	±	-	-	±	±	+	+	-	±	±	±

Примечание.

(+) — документ ратифицирован; (±) — документ подписан, но не ратифицирован; (-) — документ не подписан.

* — Сьерра-Леоне не принимает ст. 17.2 и 29.

** — Гвинея-Бисау не приняла ст. 92.1.

Источник: составлено И.А. Захаровым, М.М. Агафошиным и С.А. Гороховым.

стран ЭКОВАС с международными нормативами в области миграции (Африка в глобальных миграционных потоках..., 2022). Это существенно облегчает формирование коллективного ответа стран — членов организации на вызовы, обусловленные активизацией миграционных процессов, что в значительной степени способствует нивелированию негативных последствий миграционного кризиса в регионе.

Высокая степень проработки миграционной политики ЭКОВАС во многом связана с деятельностью Евро-африканского диалога по миграции и развитию (Рабатский процесс)¹⁶, объединяющего 29 европейских и 28 африканских государств. Целью Рабатского процесса, запущенного в 2006 г., стал контроль и

¹⁶ The Euro-African Dialogue on Migration and Development (Rabat Process). URL: <https://www.rabat-process.org> (accessed: 11.06.2023).

регулирование миграционных потоков из стран Западной, Центральной и Северной Африки в Европу. В рамках шести заключенных деклараций Рабатского процесса¹⁷ Европейский союз (ЕС) последовательно добивался усиления противодействия нелегальной миграции и неконтролируемому притоку беженцев, в том числе из стран Западной Африки. Для достижения этих целей были достигнуты договоренности о реадмиссии и реинтеграции нелегальных мигрантов между странами выхода, транзита и входа миграционных потоков, осуществлялось финансирование, направленное на совершенствование системы контроля и статистического учета мигрантов, что нашло свое отражение в постепенном усилении секьюритизации миграционной политики стран ЭКОВАС. Этот тренд особенно четко прослеживается в последнее время, когда странами региона начали приниматься собственные миграционные стратегии.

В 2015 г. Нигерия стала одной из первых стран Африки, принявших такой документ. Основное внимание в нем уделено выработке стратегии национальной безопасности в ответ на усиление нелегальной миграции в страну. Данная стратегия предполагает существенное усиление пограничного контроля, а также расширение полномочий Национального агентства по борьбе с торговлей людьми, которое получило право проводить расследования и аресты. В 2019 г. полномочия этой организации были расширены еще больше, она стала отвечать также за контроль и выпуск таможенных сертификатов для торговых агентов, рекрутинговых агентств, туроператоров, а также проводить аккредитацию центров размещения ВПЛ и беженцев, контролировать реабилитацию жертв торговли людьми и др.¹⁸

При этом разработка и реализация миграционных стратегий стран ЭКОВАС осуществляется прежде всего за счет финансовой поддержки ЕС или международных организа-

ций. Так, для борьбы с нелегальной миграцией был создан Экстренный трастовый фонд для помощи в развитии африканских стран, который предоставляет денежные компенсации странам в виде инвестиций за репатриацию мигрантов и сдерживание на их территории нелегальных мигрантов (Жерлицына, 2022; Горохов, Агафшин, Дмитриев, 2023). Этим можно объяснить высокую численность ВПЛ и сравнительно небольшое число беженцев из Западной Африки за пределами региона по сравнению с другими регионами мира, которые сталкиваются с аналогичными по своим масштабам конфликтами. Так, почти 60 % из более 1 млн беженцев и просителей убежища из стран Западной Африки размещены в пределах самого этого региона. В то же время до стран Европы добирается достаточно небольшая часть западноафриканских беженцев. Таким образом, еще до европейского миграционного кризиса ЕС четко осознавал риски, связанные с наплывом нелегальных мигрантов из развивающихся стран, и выстроил барьеры на их пути в Европу, в том числе путем экстернализации политики предоставления убежища¹⁹.

Заключение

Современную миграционную ситуацию в Западной Африке можно охарактеризовать как кризисную. Многие страны региона, особенно в пределах Судано-Сахельского коридора, страдают от взаимосвязанных и усугубляющих друг друга угроз, включающих вооруженные конфликты и природные бедствия, которые приводят к масштабному росту численности беженцев и ВПЛ в регионе. Для преодоления миграционного вызова государства региона пришли к необходимости принятия в достаточно сжатые сроки скоординированной миграционной политики.

ЭКОВАС — один из примеров успешных региональных организаций, демонстрирующих возможность регулировать миграцион-

¹⁷ ЕС и ЭКОВАС являются участниками Рабатского процесса как партнерские организации.

¹⁸ National Migration Policy 2015 // International Organization for Migration. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/national_migration_policy_2015.pdf (accessed: 11.06.2023).

¹⁹ Betts A., Milner J. The Externalisation of EU Asylum Policy: The Position of African States // COMPAS Working Papers. 2006. No. 36. URL: https://www.compas.ox.ac.uk/wp-content/uploads/WP-2006-036-Betts-Milner_EU_Asylum_Policy_Africa.pdf (accessed: 11.06.2023).

ные процессы. Миграционная политика организации отличается высоким уровнем проработки, учитывающей основные положения региональных и глобальных соглашений, регламентирующих вопросы миграции, тем не менее включая в себя противоречащие друг другу группы задач. В первую входит обеспечение экономической интеграции стран Западной Африки за счет обеспечения политических и юридических условий для роста мобильности; во вторую — необходимость соблюдения в рамках Рабатского процесса договоренностей с ЕС, которые направлены на усиление контроля за миграционными потоками и их капсулизацию внутри региона. Кроме того, слабым местом миграционной политики стран ЭКОВАС является то, что на данный момент она не предусматривает достаточного количества конкретных механизмов преодоления миграционных кризисов.

Наблюдается нехватка внутренних ресурсов государств Западной Африки — как финансовых, так и кадровых — для преодоления последствий миграционного кризиса. В связи с этим на современном этапе миграционная политика ЭКОВАС в значительной степени координируется международными

организациями, прежде всего Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев и Международной организацией по миграции ООН. Ключевой задачей этого взаимодействия в условиях демографического роста и активизации миграционных потоков становится реализация международных договоренностей в области миграции, в частности по временному размещению беженцев из африканских стран в границах стран ЭКОВАС и Африканского союза.

Однако высокий вклад внешних политических акторов в развитие миграционной политики ЭКОВАС несет в себе риски принятия решений, которые могут негативно сказаться на развитии Западной Африки. Более того, развитые страны, прежде всего члены ЕС, используют потенциал ЭКОВАС для достижения целей собственной миграционной политики. В перспективе это может привести к эскалации конфликтов в Западной Африке и спровоцировать еще более масштабный миграционный кризис в регионе, а также усилить внутрирегиональные политические противоречия, которые обострились в последнее время.

Поступила в редакцию / Received: 13.06.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 19.03.2024
Принята к публикации / Accepted: 15.10.2024

Библиографический список

- Абрамова И. О. Африканская миграция: опыт системного анализа. Москва : Институт Африки РАН, 2009. EDN: QORJWX
- Андреев Н. Д. Миграционная политика Сенегала в рамках ЭКОВАС // Вопросы истории. 2022. № 11–2. С. 144–151. <http://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202211Statyi48>; EDN: OUWXHM
- Африка в глобальных миграционных потоках: история и современность / отв. ред. С. В. Костелянец. Москва : Институт Африки РАН, 2022. EDN: XJDBVX
- Горохов С. А., Агафошин М. М., Дмитриев Р. В. Миграционный кризис в регионе Восточной Африки // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2023. № 1. С. 50–62. <http://doi.org/10.31857/S086919080023788-3>; EDN: LOUDGX
- Горохов С. А., Агафошин М. М., Дмитриев Р. В. Сомалийцы в Швеции: региональное измерение // Современная Европа. 2020. № 7. С. 132–143. <http://doi.org/10.15211/soveurope72020150161>; EDN: GNUVUT
- Жерлицына Н. А. Стратегия ЕС в отношении Центрально-Средиземноморского маршрута миграции и пострадавших транзитных государств Сахеля и Ливии // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2022. Т. 8, № 3. С. 51–59. EDN: OIQFHE
- Захаров И. А., Дмитриев Р. В. Межобщинные конфликты в условиях трансформации конфессионального геопространства (на примере Нигерии) // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2021. № 5. С. 149–160. EDN: TWXUEO
- Исаев Л. М., Кортаев А. В., Бобарыкина Д. А. Глобальная террористическая угроза в Сахеле и истоки терроризма в Буркина-Фасо // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 2. С. 411–421. <http://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-411-421>; EDN: EPVXPRX

- Коммегни Фонганг Д. П.* Вынужденная миграция в странах Африки южнее Сахары // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19, № 2. С. 264–273. <http://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-2-264-273>; EDN: KTRURR
- Ксенофонтова Н. А., Гришина Н. В.* Страны Сахеля: опустынивание и меры противодействия // Азия и Африка сегодня. 2019. № 12. С. 64–67. <http://doi.org/10.31857/S032150750007659-6>; EDN: TAUOFT
- Кулькова О. С.* «Безопасность — развитие» в отношениях ЕС со странами Африки // Азия и Африка сегодня. 2016. № 6. С. 41–48. EDN: WGWJCX
- Лебедева Э. Е.* Миграционная политика стран Африки южнее Сахары // Миграционные процессы в странах Азии и Африки — опыт государственного регулирования: сборник статей / отв. ред. А. А. Рогожин. Москва : ИМЭМО РАН, 2010. С. 40–52. EDN: SQBCZR
- Пагани К.* Инструментализация миграции: управление миграционными потоками в двустороннем формате // Международные процессы. 2021. Т. 19, № 1. С. 103–119. <http://doi.org/10.17994/IT.2021.19.1.64.8>; EDN: MNTVBC
- Рязанцев С. В.* Миграционный кризис: понятие и критерии // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1, № 1. С. 7–16. <http://doi.org/10.19181/demis.2021.1.1.1>; EDN: KIBTEH
- Сидорова Г. М.* Трансграничная миграция в Африке в условиях военно-политических конфликтов // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2022. Т. 8, № 3. С. 60–67. EDN: XFGZSD
- Фитуну Л. Л.* Агрессивные негосударственные акторы — новая угроза развитию Африки // Ученые записки Института Африки РАН. 2015. № 1. С. 14–20. EDN: VHMPCR
- Abel G. J., Brottrager M., Cuaresma J. C., Muttarak R.* Climate, Conflict and Forced Migration // *Global Environment Change*. 2019. Vol. 54. P. 239–249. <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2018.12.003>
- Adamson F. B., Tsourapas G.* Migration Diplomacy in World Politics // *International Studies Perspectives*. 2019. Vol. 20, no. 2. P. 113–128. <https://doi.org/10.1093/isp/eky015>
- Aniche E. T., Iwuoha V. C., Isike C.* Whither the ECOWAS Free Movement Protocols? Pandemic Nationalism, Borders, and Migration in West Africa // *Political Geography*. 2022. Vol. 99. Art. 102771. <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2022.102771>
- Bisong A.* Trans-Regional Institutional Cooperation as Multilevel Governance: ECOWAS Migration Policy and the EU // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2019. Vol. 45, no. 8. P. 1294–1309. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1441607>
- Flahaux M.-L., de Haas H.* African Migration: Trends, Patterns, Drivers // *Comparative Migration Studies*. 2016. Vol. 4. P. 1–25. <https://doi.org/10.1186/s40878-015-0015-6>
- Garba F., Yeboah T.* Free Movement and Regional Integration in the ECOWAS Sub-Region // *Migration in West Africa* / ed. by J. K. Teye. Cham, Switzerland : Springer, 2022. P. 19–34. https://doi.org/10.1007/978-3-030-97322-3_2
- Idemudia E., Boehnke K.* Psychosocial Experiences of African Migrants in Six European Countries: A Mixed Method Study. Cham, Switzerland : Springer, 2020. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-48347-0>
- Reslow N., Vink M.* Three-Level Games in EU External Migration Policy: Negotiating Mobility Partnerships in West Africa // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2015. Vol. 53, no. 4. P. 857–874. <https://doi.org/10.1111/jcms.12233>
- Teye J. K.* Migration in West Africa: An Introduction // *Migration in West Africa* / ed. by J. K. Teye. Cham, Switzerland : Springer, 2022. P. 3–17. http://doi.org/10.1007/978-3-030-97322-3_1
- Teye J. K., Nikoi E. G. A.* Climate-Induced Migration in West Africa // *Migration in West Africa* / ed. by J. K. Teye. Cham, Switzerland : Springer, 2022. P. 79–105. http://doi.org/10.1007/978-3-030-97322-3_5

Сведения об авторах:

Захаров Иван Андреевич — кандидат географических наук, старший научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН; eLibrary SPIN-код: 3908-0510; ORCID: 0000-0003-3838-169X; e-mail: vanszah@yandex.ru

Агафосин Максим Михайлович — кандидат географических наук, старший научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН; eLibrary SPIN-код: 2104-2172; ORCID: 0000-0002-0245-0481; e-mail: agafoshinmm@gmail.com

Горохов Станислав Анатольевич — доктор географических наук, профессор, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН; eLibrary SPIN-код: 3928-2365; ORCID: 0000-0001-9984-6054; e-mail: stgorohov@yandex.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-4-628-642

EDN: MLGVLO

Научная статья / Research article

Эпохальный кризис мирового капитализма

У.И. Робинсон✉

Калифорнийский университет, Санта-Барбара, США

✉w.i.robinson1@gmail.com

Аннотация. Конфликт на Украине, обострившийся в 2022 г., и радикальный политический, военный и экономический ответ стран Запада на него стали смертельным ударом для упадочного западнцентричного порядка, сложившегося после Второй мировой войны. Однако эскалация геополитической напряженности во всем мире в результате насильственного распада этого порядка становится симптомом более фундаментального процесса — эпохального кризиса мирового капитализма. Этот кризис многомерен, и его разнообразные измерения взаимосвязаны. Это структурный кризис перенакопления, политический кризис государственной легитимности и капиталистической гегемонии, социальный кризис глобального социального воспроизводства, геополитический кризис эскалации международного конфликта и экологический кризис, который грозит крахом планетарной экосистемы. В отличие от более ранних кризисов мирового капитализма (традиционно выделяют четыре кризиса) в историческом плане условия для обновления мирового капитализма исчерпаны. Реактивация капитализма может быть возможной в ближайшие годы лишь посредством перераспределительной и регуляторной политики, а также с помощью применения новых цифровых технологий, однако в долгосрочной перспективе все это не сможет разрешить его глубинные противоречия. Автор приходит к выводу, что современное общество очень далеко от революции против глобального капитализма из-за неразвитости субъективных и организационных условий. В исследовании применяется комплексный подход к рассматриваемым процессам и явлениям с использованием принципов сравнительного анализа данных и критической оценки информации. Актуальность темы исследования обусловлена как нарастанием политической нестабильности в мире, так и заметным ростом соперничества и конфронтации в глобальных экономических процессах.

Ключевые слова: международный порядок, марксизм, экономический кризис, социальный кризис, геополитический конфликт

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Робинсон У.И., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Робинсон У. И. Эпохальный кризис мирового капитализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 4. С. 628–642. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-628-642>

The Epochal Crisis of Global Capitalism

William I. Robinson✉

University of California, Santa Barbara, U.S.A.

✉w.i.robinson1@gmail.com

Abstract. The conflict in Ukraine escalated in 2022 and the West’s radical political, military and economic response to it was but the *coup de grâce* of a decadent post-World War II western-centric order. However, the escalation of geopolitical tensions around the world in the wake its violent crackup is symptomatic of something more fundamental: the epochal crisis of global capitalism. The crisis is multidimensional, and its varied dimensions are interconnected. It is a structural crisis of overaccumulation, a political crisis of state legitimacy and capitalist hegemony, a social crisis of global social reproduction, a geopolitical crisis of escalating international conflict, and an environmental crisis that threatens the collapse of the planetary ecosystem. Unlike earlier crises of world capitalism (four crises are traditionally distinguished), we are reaching the historical exhaustion of the conditions for capitalist renewal. Capitalist reactivation may be possible in the coming years through redistributive and regulatory policies and through the application of new digital technologies, but such reactivation could not in the long run resolve the underlying contradictions of a decadent global capitalism. The author concludes that modern society is very far from a revolution against global capitalism, due to the underdevelopment of subjective and organizational conditions. The paper applies a comprehensive approach to the processes and phenomena under consideration, using the principles of comparative data analysis and critical assessment of information. The relevance of the topic of research is due to both the increase in political instability in the world, and the noticeable growth of rivalry and confrontation in global economic processes.

Key words: international order, Marxism, economic crisis, social crisis, geopolitical conflict

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Robinson, W. I. (2024). The epochal crisis of global capitalism. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(4), 628–642. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-628-642>

Введение

Послевоенный международный порядок распался постепенно, начиная с окончания холодной войны в 1989 г. и последовавшего за ним развала советской системы. Конфликт на Украине, обострившийся в 2022 г., и радикальный политический, военный и экономический ответ Запада на него стали смертельным ударом для приходящего в упадок послевоенного порядка. Однако эскалация геополитической напряженности во всем мире в результате насильственного распада этого миропорядка представляет собой симптом более фундаментального явления — эпохального кризиса мирового капитализма. Более ранние кризисы за пять с лишним столетий мирового капитализма включали экономическую нестабильность, социальные и политические потрясения, смену гегемонов,

войны и революции, за которыми шла стабилизация системы посредством радикальной реструктуризации¹. Волны капиталистической экспансии исторически разрешали кризисы посредством их смещения во времени и пространстве (Harvey, 2006). Однако текущий кризис, как утверждает в данном исследовании, не похож ни на какой другой, поскольку мы достигаем исторического истощения условий для капиталистического обновления.

¹ Литература о мировом капитализме и его повторяющихся циклах и кризисах обширна. Автор опирается на мир-системные и марксистские подходы. Помимо классических текстов К. Маркса и марксистов начала XX в., см., например: (Wallerstein, 1974; Mandel, 1975; Cox, 1987; *Social Structures of Accumulation...*, 1994; Beaud, 2001; Harvey, 2006; Arrighi, 2010). См. также (Schumpeter, 1950), который, хотя и не был марксистом, помог автору понять циклы кризиса в капитализме.

Кризисы свойственны капитализму. Внешние потрясения, такие как крахи фондового рынка, политическая нестабильность и войны, могут ускорять события, которые вызывают крупные кризисы. При этом сами кризисы возникают из-за внутренних противоречий системы, прежде всего из-за извечной проблемы капитализма с избыточным капиталом. Повторяются обычно кризисы двух типов. Первые — циклические — нередко появляются примерно раз в десятилетие в виде рецессии. Вторые — структурные или кризисы реструктуризации. Разрешение этих типов кризисов проходит через крупные потрясения и перестройку всей системы, включая радикальную трансформацию моделей и технологий накопления, отношений капитала и труда и перемены в социальной, политической, культурной и идеологической структурах капиталистического общества. Кризисы реструктуризации проявляются на многих уровнях, но их структурное происхождение связано с перенакоплением, то есть с такой ситуацией, при которой накапливаются огромные объемы капитала (прибыли), но этот капитал не может найти продуктивные рынки для реинвестирования.

Первый структурный кризис мирового значения, проходивший с конца 1870-х до начала 1890-х гг., привел к новой волне колониализма и империализма, которая восстановила прибыль и переросла в так называемую *belle époque*, но в свою очередь вызвала Первую мировую войну и большевистскую революцию. Следующий структурный кризис, проявившийся в Великой депрессии 1930-х гг., привел к фашизму и Второй мировой войне (ВМВ), за которыми последовала консолидация фордистско-кейнсианского и девелопменталистского капитализма в послевоенную эпоху. Новая модель, включавшая государственное регулирование и перераспределение, а также расширение государственных секторов, промышленную политику и планирование, привела к «золотым годам» капиталистического процветания после ВМВ под гегемонией США, но также породила ряд противоречий, которые и подорвали систему. Массовая борьба рабочего класса и народных

масс, национально-освободительные движения стран «третьего мира» и протестные секторальные социальные движения женщин, студентов, этнических, сексуальных меньшинств и экологов изменили мировое соотношение классовых и социальных сил в пользу народного большинства.

Это большинство отказалось нести бремя следующего структурного кризиса, который разразился в 1970-х гг. в форме стагфляции (стагнация плюс инфляция). По мере ослабления капиталистической гегемонии сама капиталистическая система становилась глобальной в попытке отобрать власть у народных масс, изменить ход революций в «третьем мире» и восстановить нормы прибыли. Кампания по возрождению гегемонии капитала включала радикальную реструктуризацию мировой политической экономии посредством глобализации и неолиберализма. Возникший транснациональный капиталистический класс (ТКК) и его агенты в государствах приступили к устранению всех нормативных и торговых барьеров для свободного перемещения капитала как внутри стран, так и между ними. Они создали новую глобально интегрированную производственную, финансовую и сервисную систему, в которую за последние четыре десятилетия была включена — порой насильственно — каждая страна, поскольку производственные цепочки были фрагментированы и децентрализованы по всему миру. Последовавший за этим «бум глобализации» 1990-х гг. на мгновение восстановил прибыль и власть капитала.

Однако глобализация привела и к беспрецедентному уровню неравенства, подорвав возможности для дальнейшего накопления капитала, что вызвало новую всемирную волну массового протеста «снизу». Глобальная рецессия 2008 г. ознаменовала начало нового структурного кризиса всемирно-исторического значения, который продолжается до сих пор и остается неразрешенным. Этот кризис многомерен. Если на структурном уровне он является кризисом перенакопления, то одновременно это также кризис социального воспроизводства, государственной легитимности и капиталистической

гегемонии. Экологическое измерение, связанное с изменением климата и угрозой краха биосферы, делает этот кризис экзистенциальным. В данной статье изучаются эти множественные измерения текущего глобального капиталистического кризиса.

Структурный кризис: перенакопление

Марксистские политические экономисты спорили о том, возникают ли кризисы из-за тенденции нормы прибыли к падению или из-за перепроизводства и недопотребления². Хотя эти два подхода, как правило, противопоставляются как несовместимые, мы должны помнить, что кризисы локализуются как в производстве, так и в распределении, даже если их внутренней отправной точкой является цикл производства. Капиталисты, движимые конкуренцией и классовый борьбой, стремятся максимизировать прибыль за счет снижения издержек производства, в частности снижения фонда заработной платы. Этого можно достичь путем поиска более дешевых источников рабочей силы, то есть увеличения абсолютной прибавочной стоимости, либо путем увеличения количества отработанных часов без увеличения ставки заработной платы, либо посредством замены более дорогой рабочей силы более дешевой. В качестве альтернативы капиталисты могут заменить человеческий труд машинами и технологиями, чтобы повысить производительность, одновременно снижая фонд заработной платы, то есть увеличивая относительную прибавочную стоимость.

Триединые процессы глобализации, цифровизации и финансиализации за последние четыре десятилетия привели к беспрецедентной концентрации и централизации капитала

² После глобального финансового кризиса 2008 г. были опубликованы сотни исследований, однако в литературе существует пробел в отношении комплексного рассмотрения различных измерений глобального кризиса капитализма. Для обзора различных теорий, объясняющих этот кризис, см., например: (O'Connor, 1987). Работа Д. Харви также является бесценным источником информации о структурных аспектах кризисов капитализма (Harvey, 2006).

в мировом масштабе, что привело к радикальному изменению глобальных схем накопления и обострению базового структурного противоречия перенакопления. Опираясь на массу предыдущих исследований этой транснационализации (Robinson, 2004; 2008; 2014), социолог Питер Филлипс пришел к выводу, что всего 17 глобальных финансовых конгломератов в совокупности контролировали более чем половину валового внутреннего продукта (ВВП) всей планеты — 41,1 трлн долл. США. В свою очередь эти транснациональные конгломераты настолько переплетены между собой, что разделить их по национальному признаку или на четко очерченные компании, не говоря уже о странах, просто невозможно. По его словам, они представляли собой «сеть самоинвестированного взаимосвязанного капитала, которая охватывает весь земной шар» (Phillips, 2018, p. 35).

Капиталисты будут инвестировать в производственные циклы только в том случае, если они могут рассчитывать на норму прибыли, которая выше, чем непроизводительная прибыльная деятельность, такая как финансовые спекуляции, скупка активов или просто накопление заработанного капитала. При этом только живой труд может генерировать прибавочную стоимость (прибыль), и чем меньше доля машин и технологий в живом труде, то есть чем больше органический состав капитала, тем меньше прибавочной стоимости можно извлечь. Снижение средней нормы прибыли после ВМВ было широко задокументировано. Она составляла около 15 % в тот период, затем к концу 1980-х гг. снизилась до 10 % и продолжила снижаться, достигнув 6 % в 2017 г. (Choonara, 2009, p. 120), в то время как Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) сообщила о неуклонном снижении с 1970 г. роста остаточного основного капитала (прокси для производительных инвестиций)³. Таким образом, снижение нормы прибыли приводит к стагнации, преодолеть которую можно только за

³ Экономист Майкл Робертс представил множество данных об этом снижении из разных источников (Roberts, 2016, p. 241).

счет повышения производительности труда без роста заработной платы или за счет использования новых источников дешевой, пригодной для эксплуатации рабочей силы.

Став глобальным, ТКК смог задействовать огромные резервы дешевой рабочей силы, предоставленной ему тогда, когда Китай, страны бывшего «третьего мира» и бывшего советского блока открылись и интегрировались в новые глобальные циклы накопления. Однако в долгосрочной перспективе бегство транснационального капитала из зон с высокой заработной платой в зоны с низкой заработной платой лишь на мгновение отодвигает проблему избыточного капитала в будущее. Социальная поляризация и растущее неравенство присущи капиталистической системе, поскольку капиталисты владеют средствами производства благосостояния и, следовательно, присваивают в качестве прибыли как можно больше богатства, которое общество производит коллективно. Социальную поляризацию можно компенсировать встречными тенденциями, такими как борьба рабочих за более высокую заработную плату или государственное вмешательство для перераспределения доходов. Однако став глобальным, капитал смог подорвать эти механизмы перераспределения на уровне национального государства. За этим последовал головокружительный процесс всемирной социальной поляризации. К 2015 г. всего 1 % человечества владел более чем половиной мирового богатства, а 20 % самых богатых владели 94,5 % этого богатства, в то время как оставшимся 80 % приходилось довольствоваться лишь 5,5 %⁴.

Это растущее неравенство подрывает стабильность системы, поскольку масса работающих людей не имеет доступа к богатству и благосостоянию, исходящему из капиталистической экономики, в которой капиталисты и обеспеченные слои населения сохраняют все большую часть общего дохода. Капиталисты не получают прибыль, пока они не смогут

⁴ Hardoon D. Wealth: Having It All and Wanting More // Oxfam. January 19, 2015. URL: <https://www.oxfam.org/en/research/wealth-having-it-all-and-wanting-more> (accessed: 26.09.2023).

фактически продать на рынок продукцию своих фабрик, ферм, шахт и сервисных комплексов. Они должны преобразовать стоимость, воплощенную в произведенных товарах, в фактическую прибыль, то есть реализовать прибавочную стоимость. Чем больше капиталисты снижают заработную плату или заменяют рабочих машинами и технологиями, тем больше они усугубляют противоречие между тем, что может произвести мировая экономика, и тем, что может поглотить мировой рынок, тем самым создавая ситуацию перепроизводства и недопотребления. В конце концов капиталисты не могут реализовать прибавочную стоимость, и тогда проблема прибавочного капитала останется нерешенной.

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), которые сделали возможной глобализацию, также ускорили замену рабочих технологиями в зонах с высокой заработной платой, что привело к расширению относительной прибавочной стоимости. На фоне фиксации рекордной прибыли корпораций во втором десятилетии нового века уровень корпоративных инвестиций сократился, поскольку возможности для прибыльного реинвестирования иссякли⁵. В 2017 г. крупнейшие компании США хранили 1,01 трлн долл. США неинвестированных денежных средств⁶, в то время как мировые корпоративные денежные резервы превысили 12 трлн долл. США, что больше, чем валютные резервы правительств ведущих стран мира⁷. По мере накопления неинвестированного капитала нарастает огромное давление, связанное с необходимостью поиска вариантов избавления от этого

⁵ The Problem with Profits // The Economist. March 26, 2016. URL: <https://www.economist.com/news/leaders/21695392-big-firms-united-states-have-never-had-it-so-good-time-more-competition-problem> (accessed: 26.09.2023).

⁶ Pelisson A., Rapier G. CHART: The 17 US Companies with the Biggest Piles of Cash // Business Insider. December 4, 2017. URL: <http://www.businessinsider.com/chart-us-companies-with-largest-cash-reserves-2017-8> (accessed: 26.09.2023).

⁷ Asia's Multinationals Are Hoarding Cash Like Never Before // Nikkei Asian Review. September 28, 2017. URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/Asia-s-multinationals-are-hoarding-cash-like-never-before2> (accessed: 26.09.2023).

капитала. Капиталистические группы оказывают давление на государства, чтобы они создавали новые возможности для получения прибыли, а также обращаются к более «диким» формам накопления — от финансового мошенничества и рэкета до хищнического кредитования и вымогательства. К началу века, и особенно с 2008 г., ТКК стал полагаться на рост за счет заемных средств, финансовых спекуляций, разграбления государственных финансов и организованного государством милитаризованного накопления, чтобы поддерживать глобальное накопление в условиях хронической стагнации (Robinson, 2020).

Стагнация — это состояние кризиса для капитализма. Капитализм может воспроизводить себя только посредством бесконечного процесса расширения. Экстенсивное расширение относится к внешнему расширению мирового капитализма посредством включения новых территорий и населения. В течение пяти столетий система расширялась вовне посредством колониализма и империализма, но теперь на Земле осталось мало мест и народов, которые можно включить в нее. Поэтому всемирно-исторический процесс первоначального накопления подходит к концу, особенно после включения в него в последние десятилетия Китая и стран бывшего советского блока.

Интенсивное расширение относится к коммерциализации все большего числа сфер общества. В последние десятилетия капиталистическая экспансия включала в себя постоянные кампании по приватизации государственных предприятий, коммунальных служб, транспортных систем, земли, систем образования и здравоохранения, а в настоящее время добралась даже до освоения космоса, природных заповедников и самого правительства. Этот процесс коммерциализации продолжается, но интенсивная экспансия также конечна и в итоге столкнется с ограничениями.

Немецкий теоретик марксизма Роза Люксембург утверждала в своем классическом исследовании «Накопление капитала», что капитализм должен постоянно расширяться

в некапиталистические области через империализм, чтобы получить доступ к новым рынкам и источникам рабочей силы с целью избавления от избыточного капитала (Luxemburg, 2015). Она утверждала, что рынок в полностью развитой капиталистической системе не может поглотить произведенную продукцию, поскольку рабочие не могут позволить себе купить товары, которые они производят, и поэтому капиталисты не могут получать свою прибыль, как указывалось выше. Следовательно, капитализм не сможет существовать бесконечно в будущем: система рухнет, как только не останется некапиталистических областей, которые можно будет завоевывать. Ее исследование вызвало ожесточенные дебаты среди марксистских и немарксистских экономистов, к которым нам нет нужды возвращаться здесь, за исключением того, что ее критики утверждали, что К. Маркс продемонстрировал возможности для капиталистов продолжать накапливать капитал в закрытой капиталистической системе.

Десять лет спустя, в 1923 г., Генрик Гроссман заявил, что капитализм обречен на крах не потому, что он больше не может расширяться в некапиталистические области, а потому, что органический состав капитала — соотношение постоянного и переменного капитала — будет расти, и в результате норма прибыли будет падать (Grossman, 1992). По нашему мнению, ошибкой Г. Гроссмана было противопоставление своей теории взглядам Р. Люксембург, а не их рассмотрение в качестве двух взаимодополняющих измерений в нашем понимании кризиса. Поскольку возможности системы разрешать кризисы новыми волнами внешней экспансии или путем обширного расширения исчерпываются, она должна стремиться к расширению изнутри, то есть путем интенсивного расширения или товаризации все большего числа сфер общественного существования и путем дальнейшего увеличения органического состава капитала.

Система переживает новый раунд реструктуризации и трансформации с момента финансового краха 2008 г., и этот раунд базируется на гораздо более продвинутой

цифровизации всей мировой экономики и общества. В основе этой новой волны технологического развития лежат более передовые информационные технологии или так называемые технологии «четвертой промышленной революции», во главе которых стоят искусственный интеллект (ИИ), машинное обучение, а также сбор, обработка и анализ огромных объемов данных⁸.

В краткосрочной и среднесрочной перспективе цифровизация может оказывать уравновешивающий эффект на процессы падения нормы прибыли, порождая оживление и расширение производства. Однако восстановление производства потребует, в соответствии с логикой капитализма, возрастание нормы прибыли. Это произошло бы, при прочих равных условиях, из-за роста производительности за счет цифровизации без соответствующего роста общей ставки заработной платы или, по крайней мере, из-за того, что прибыль росла бы быстрее, чем заработная плата. До сих пор способность транснационального капитала стремиться к расширению абсолютной прибавочной стоимости за счет использования новых источников дешевой рабочей силы по всему миру посредством глобализации сдерживала потенциал, открываемый новыми цифровыми технологиями для экспоненциального роста производительности. В результате возможность сверхэксплуатации работала против роста производительности за счет цифровизации.

Ситуация быстро изменилась, особенно после пандемии коронавируса, которая подстегнула цифровизацию (Robinson, 2022). Однако даже если мировая экономика в целом еще не пережила широкомасштабного перехода к полной автоматизации, нельзя отрицать, что первое поколение ИКТ сделало возможной глобализацию и привело к радикальной трансформации всей мировой экономики и общества, начиная с промышленности и включая очень быструю транснационализа-

цию услуг в последние годы. Главным фактором, сдерживающим все большую автоматизацию во всей мировой экономике, было наличие дешевой рабочей силы, находящейся под жестким контролем, доступ к которой ТКК получил именно в результате глобализации технологий.

В целом противоречия в любом новом раунде расширения капиталистической системы, основанном на цифровизации, в долгосрочной перспективе лишь усугубят основные кризисные тенденции. Цифровизация значительно ускоряет процесс, в результате которого машины и технологии заменяют человеческий труд, тем самым расширяя ряды тех, кто становится лишним в обществе и в дальнейшем маргинализируется. Процессы, которые подталкивают капитализм к производству без труда, также подводят предельные издержки к нулю, то есть к нулевой стоимости для каждой единицы прироста продукции. Однако практически невозможно достичь горизонта событий производства без труда или нулевых предельных издержек, тем более в ближайшем будущем. Тем не менее чем больше система отказывается от труда и стремится к нулевым предельным издержкам, тем активнее она в долгосрочной перспективе сталкивается с кризисом стоимости, поскольку только труд рабочего может создавать ее.

Кризис общественного воспроизводства

Воспроизводство в радикальной политической экономии относится к постоянному обновлению кругооборотов капитала от одного цикла накопления к другому (Marx, 1967; 1981). Нарушение воспроизводства в этом смысле является нарушением капитализма. В начале этой статьи утверждается, что глобальный капитализм сталкивается с исчерпанием исторических условий для своего воспроизводства. Однако общественное воспроизводство, как считает автор, является процессом, посредством которого люди воспроизводят свое существование изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год и из поколения в поколение. В то время как другие виды напрямую отрываются от природы,

⁸ В настоящее время быстро растет количество литературы, посвященной этим новым технологиям и перестройке, которую они вызывают. Автор также внес свой вклад в обсуждение темы цифровизации и глобальной капиталистической реструктуризации (Robinson, 2022).

уникальный способ воспроизводства нашего вида заключается в производстве — преобразовании природы посредством коллективного трудового процесса для того, чтобы обеспечить себя всем необходимым для жизни. Производство материальных средств нашего существования — пищи, одежды, жилья и т. д. — является необходимым условием нашего воспроизводства. В итоге, не воспроизводя себя, мы погибаем и, следовательно, не можем продолжать производить; без производства мы не способны воспроизводить себя. Производство и социальное воспроизводство, таким образом, образуют единое целое. Это два момента единого жизненного процесса, разделяемые только в методологических целях.

Сказать, что мы производим для того, чтобы воспроизводить себя, — это абстракция, потому что на самом деле при капитализме мы производим для того, чтобы капитал накапливался. С точки зрения капитала, задача состоит в том, чтобы воспроизводить не людей, а производителей прибавочной стоимости. «У капитала одно-единственное жизненное стремление — стремление возрастить, создавать прибавочную стоимость, впитывать своей постоянной частью, средствами производства, возможно бóльшую массу прибавочного труда», — отмечал К. Маркс (Marx, 1967, р. 224). По его мнению, «капитал, который имеет столь „хорошие основания“ отрицать страдания окружающего его поколения рабочих, в своем практическом движении считается с перспективой будущего вырождения и, в конечном счете, неизбежного вымирания человечества не меньше и не больше, чем с перспективой возможного падения Земли на Солнце» (Marx, 1967, р. 256).

Беспрецедентное неравенство во всем мире, рост избыточного количества человечества, установление заработной платы на уровне ниже прожиточного минимума, перемещение сотен миллионов людей из-за изменения климата, экономический коллапс, войны и политические преследования — все это и многое другое делает все более трудным, а во многих случаях и невозможным выживание для миллиардов людей, то есть воспроизводство себя, своих семей и своих общин. По

самым скромным оценкам, число беженцев и мигрантов во всем мире составляет 450 млн человек, в то время как Организация Объединенных Наций (ООН) предполагает, что к 2050 г. климатическими беженцами станут около миллиарда человек (по другим оценкам, эта цифра составит 1,4 млрд)⁹. На этом фоне десять самых богатых людей удвоили свои состояния во время пандемии COVID-19, в то время как доходы 99 % человечества упали¹⁰.

Эта ситуация является экзистенциальным кризисом для миллиардов людей, но при этом не представляет собой проблему для капиталистической системы. Кризис для капитализма начнется лишь в условиях массовых перемещений людей, когда капитал не сможет продолжать накапливаться, то есть когда не хватит рабочих для производства прибавочной стоимости или когда не хватит критической массы рабочей силы для поддержания жизненно важной инфраструктуры, сельского хозяйства и промышленности. Кризис наступает также в том случае, когда все более отчаянная борьба за выживание приводит к массовому восстанию, которое подрывает стабильность и регулярность, необходимые капитализму для функционирования.

Первые годы глобализации высвободили огромные новые трудовые резервы для эксплуатации транснациональным капиталом и изменили мировое соотношение сил в пользу ТКК. Глобализация ускорила пролетаризацию во всем мире, вызвав новые волны первоначального накопления, поскольку миллиарды людей были вырваны из своих общин и брошены на все более насыщенный и дерегулированный глобальный рынок труда в результате экспансии капитализма. Численность

⁹ Vince G. The Century of Climate Migration: Why We Need to Plan for the Great Upheaval // *The Guardian*. August 18, 2022. URL: <https://www.theguardian.com/news/2022/aug/18/century-climate-crisis-migration-why-we-need-plan-great-upheaval> (accessed: 26.09.2023). См. также: (Geisler & Currents, 2017).

¹⁰ Ten Richest Men Double Their Fortunes in Pandemic While Income of 99 Percent of Humanity Fall // *Oxfam*. January 17, 2022. URL: <https://www.oxfam.org/en/press-releases/ten-richest-men-double-their-fortunes-pandemic-while-incomes-99-percent-humanity> (accessed: 26.09.2023).

глобальной наемной рабочей силы удвоилась с 1,5 млрд в 1980 г. до примерно 3 млрд человек в 2006 г., поскольку рабочие из Китая, Индии и стран бывшего советского блока пополнили мировой резерв рабочей силы¹¹, а затем увеличилась еще на 500 млн к 2018 г., что является самым большим зарегистрированным количеством рабочих в истории¹².

Некоторые из миллионов перемещенных лиц подвергаются сверхэксплуатации на мировых фабриках, фермах и в офисах, в то время как другие маргинализируются. Так, Международная организация труда (МОТ) сообщила, что в конце XX в. около трети мировой рабочей силы было исключено из мировой экономики¹³.

Вместе с тем эти работники, интегрированные в круговорот мирового капитала, стали жертвами новых режимов «гибкого труда», подразумевающих фрагментацию и удешевление труда посредством широко распространенной временной или неформальной занятости. Нестабильная занятость включает в себя все виды условных категорий, таких как временная и неполная занятость, случайная, сезонная и работа по вызову, не охваченная профсоюзом контрактная и частичная занятость¹⁴. В то время как нестабильная занятость была состоянием большинства людей, привлеченных в капиталистическую экономику на протяжении столетий, идущие процессы прекариатизации труда теперь включают в себя работу «белых» и «синих воротничков», работу в сфере услуг, а также

профессиональную и управленческую работу (Robinson, 2022). Таким образом, глобальный рабочий класс объединяет тех, кто эксплуатируется более интенсивно через нестабильную занятость, с теми, кто был исключен, поскольку границы между неформальной и формальной занятостью становятся размытыми.

МОТ сообщила, что в 2009 г. 1,53 млрд работников по всему миру находились в «уязвимом» положении в плане занятости, что составляло более 50 % мировой рабочей силы¹⁵ и что в 2018 г. большинство из 3,5 млрд работников в мире «испытывали отсутствие материального благополучия, экономической безопасности, равных возможностей или возможностей для человеческого развития»¹⁶. По имеющимся оценкам, 82 % работников несельскохозяйственных секторов экономики работают неофициально в Южной Азии, две трети — в странах Африки к югу от Сахары, Восточной и Юго-Восточной Азии и 51 % — в Латинской Америке (Van der Pijl, 2022, p. 42). Этот огромный размер прибавочного труда, в рамках которого рабочие должны выживать сами по себе, представляет собой неоплачиваемый труд на службе капитала. Он оказывает давление на снижение заработной платы и служит кнутом для дисциплинирования трудящихся масс. Более того, неформальный сектор позволяет капиталу эксплуатировать сверх меры тех, кто имеет формальную занятость, переключая на домохозяйства и сообщества стоимость воспроизводства рабочей силы.

Сверхэксплуатация характеризуется оплатой труда ниже его стоимости, то есть ниже стоимости товаров, необходимых для социального воспроизводства работника. Глобализация конца XX в. открыла для формирующегося ТКК новые возможности

¹¹ Согласно прогнозу МОТ на 2017 г., численность мирового рабочего класса в 2017 г. составила 3,2 млрд человек. См.: World Employment and Social Outlook 2017: Sustainable Enterprises and Jobs: Formal Enterprises and Decent Work // International Labour Organization. URL: https://ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_579893.pdf (accessed: 27.09.2023). См. также: (Freeman, 2007).

¹² World Employment and Social Outlook: Trends 2019 // International Labour Organization. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_670542.pdf (accessed: 27.09.2023).

¹³ World Employment Report 1996/97. National Policies in a Global Context. Geneva : ILO, 1996.

¹⁴ См.: (Sotelo Valencia, 2018).

¹⁵ Global Employment Trends 2011: The Challenge of a Jobs Recovery // International Labour Organization. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/@publ/documents/publication/wcms_150440.pdf (accessed: 27.09.2023).

¹⁶ World Employment and Social Outlook: Trends 2019 // International Labour Organization. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_670542.pdf (accessed: 27.09.2023).

поиска новой сверхэксплуатируемой рабочей силы по всему миру. Если заработная плата опускается ниже фактической стоимости рабочей силы, корпорации с большей вероятностью будут следовать стратегии накопления, которая стремится к абсолютной, а не относительной прибавочной стоимости, то есть для капитала становится рациональным искать труд именно рабочих вместо его расширения посредством автоматизации, управляемой цифровыми технологиями. К. Маркс описал такую ситуацию для более ранней эпохи промышленного капитализма в Европе: «Сама машина в странах, более старых по развитию, своим применением в некоторых отраслях предприятий производит такой избыток труда в других отраслях, что в последних понижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы препятствует применению машин и делает его излишним, часто прямо невозможным с точки зрения капитала, прибыль которого ведь происходит не из сокращения применяемого труда вообще, а из сокращения оплачиваемого труда» (Marx, 1967, pp. 371–372). Далее он заметил, что английские капиталисты решили не использовать камнедробильную машину, изобретенную в США для горнодобывающей промышленности, «потому что у „несчастных“, выполняющих эту работу, оплачивается столь ничтожная часть их труда, что машины удорожили бы производство для капиталистов» (Marx, 1967, pp. 371–372).

В эту эпоху глобализации наблюдается двойной процесс, в ходе которого транснациональный капитал искал дешевую рабочую силу в зонах с низкой заработной платой по всему миру, а не оцифровывал всю последовательность производства и распределения, и в то же время использовал цифровые технологии в зонах с более высокой заработной платой, чтобы реструктурировать местные трудовые ресурсы в массу более неквалифицированной рабочей силы, выполняющей рутинную работу в условиях прекариатизации труда и стагнации заработной платы. Однако более широкая цифровизация делает возможным резкое сокращение потребности капитала в рабочей силе. Станет ли эта возможность реальностью, зависит от ответа на

вопрос: выгоднее и целесообразнее ли использовать сверхэксплуатируемый труд или же, напротив, использовать цифровые технологии вместо живого труда?

Однако капиталисту нет необходимости осуществлять этот выбор: под давлением конкуренции и классовой борьбы капиталисты должны использовать новейшие технологии и методы производства, чтобы не оказаться в проигрыше. До сих пор доступность рабочей силы, которая меньше ее стоимости, подрывала переход к полностью оцифрованной и автоматизированной глобальной экономике. Однако сверхэксплуатация становится менее привлекательным вариантом для транснационального капитала, поскольку конкуренция заставляет капиталистов автоматизировать производство, а трудящиеся массы сопротивляются снижению заработной платы. В итоге крайняя эксплуатация порождает социальные волнения и политические кризисы, которые подрывают условия для стабильного накопления капитала.

Случай *Foxconn*, тайваньской транснациональной корпорации, которая собирает продукцию *Apple* и другие электронные устройства в Китае, является показательным. *Foxconn* является одним из крупнейших работодателей в мире, с 1,2 млн работников в 2016 г., более миллиона из которых расположены в Китае¹⁷. Компания начала свою деятельность с опорой на стратегию сверхэксплуатации, но теперь переходит к цифровому замещению своей рабочей силы. В 2016 г. компания объявила о планах по автоматизации своих заводов в условиях конкурентного давления и рабочих волнений, оставив «лишь минимальное количество рабочих, назначенных для производственных, логистических, тестовых и инспекционных процессов (в марте того же года компания объявила, что уже автоматизировала 60 тыс. рабочих мест на одном из своих гигантских заводов)»¹⁸.

¹⁷ Statt N. iPhone Manufacturer Foxconn Plans to Replace Almost Every Human Workers with Robots // *The Verge*. December 30, 2016. URL: <https://www.theverge.com/2016/12/30/14128870/foxconn-robots-automation-apple-iphone-china-manufacturing> (accessed: 27.09.2023).

¹⁸ Ibid.

Автоматизация будет распространяться по мере усиления конкурентного давления и обострения глобальной классовой борьбы. В отчете ООН за 2017 г. подсчитано, что в ближайшие годы в результате цифровизации исчезнут десятки, если не сотни миллионов рабочих мест. В отчете также говорится, что распространение онлайн-платформ по трудоустройству ускорит «падение на дно условий труда наряду с растущей нестабильностью»¹⁹. Достигнем ли мы точки, когда глобальная классовая борьба и политический кризис усилятся, в результате чего ТКК решит предпринять сдвиг в сторону цифровизации во всех глобальных цепочках создания стоимости?

К. Маркс справедливо отмечал следующее: «Однако машина действует не только как могущественный конкурент, постоянно готовый сделать наемного рабочего „избыточным“. Она громогласно и преднамеренно прокламируется и используется капиталом как враждебная рабочему сила. Она становится самым мощным боевым оружием для подавления периодических возмущений рабочих, стачек и т. д., направленных против самодержавия капитала» (Маркс, 1967, р. 410). Любой сдвиг к автоматизации — от абсолютного к относительному извлечению прибавочной стоимости — может дать капиталу превосходство в краткосрочной перспективе. Однако в долгосрочной перспективе это, вероятно, усилит кризис общественного производства, а вместе с ним усугубит переизбыток и спровоцирует неконтролируемый социальный и политический конфликт.

Кризис легитимности, массовое восстание и геополитический конфликт

Кризис глобального капитализма содержит и политический аспект, являясь также кризисом государственной легитимности и капиталистической гегемонии. Растущее неравенство, обнищание и незащищенность

¹⁹ Information Economy Report 2017: Digitalization, Trade and Development // UNCTAD. 2017. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ier2017_en.pdf (accessed: 27.09.2023).

рабочего класса и народных масс после десятилетий социального упадка, вызванного неолиберализмом, ввергают государства в кризис легитимности, дестабилизируют национальные политические системы и ставят под угрозу контроль элиты.

В США, согласно опросу *Pew Research Center*, проведенному в 2019 г., целых 42 % респондентов имели положительное отношение к социализму²⁰, в то время как опрос *Gallup* в 2018 г. показал, что 51 % людей в возрасте 18–29 лет положительно относятся к социалистическим идеям²¹. Если рассматривать этот вопрос в историческом контексте, то другой опрос *Gallup* продемонстрировал, что поддержка социализма составляла 25 % в 1942 г. среди населения США в целом, а к 2019 г. этот показатель вырос до 43 %²². Показательно, что другой опрос, проведенный в 2020 г., выявил, что целых 60 % миллениалов и 57 % представителей поколения Z поддерживали «полный разворот нашей экономической системы в сторону от капитализма»²³.

Рост неравенства и массовая депривация политически взрывоопасны, если система просто неспособна контролировать или включить в себя обездоленные массы населения, в результате чего ей приходится обращаться к более жестоким формам сдерживания и контроля (Robinson, 2020). Народные мятежи, распространившиеся по всему миру

²⁰ Hartig H. Stark Partisan Divisions in Americans' Views of 'Socialism,' 'Capitalism' // *Pew Research Center*. June 25, 2019. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2019/06/25/stark-partisan-divisions-in-americans-views-of-socialism-capitalism/> (accessed: 27.09.2023).

²¹ Elkins K. Most Young Americans Prefer Socialism to Capitalism, New Report Finds // *CNCB*. August 14, 2018. URL: <https://www.cncb.com/2018/08/14/fewer-than-half-of-young-americans-are-positive-about-capitalism.html> (accessed: 27.09.2023).

²² Younis M. Four in 10 Americans Embrace Some Form of Socialism // *Gallup*. May 20, 2019. URL: <https://news.gallup.com/poll/257639/four-americans-embrace-form-socialism.aspx> (accessed: 27.09.2023).

²³ Fitzgerald D., Black G. Support for Socialism Jumps by Nearly 10 Percent Among U.S. Youth Amid Pandemic Depression // *World Socialist Website*. October 22, 2020. URL: <https://www.wsws.org/en/articles/2020/10/23/soci-o23.html> (accessed: 27.09.2023).

после Великой рецессии 2008 г., продолжают перерастать в цунами массовых восстаний, невиданных по крайней мере с 1968 г. *Global Protest Tracker* Фонда Карнеги за международный мир²⁴ показывает всплеск массовых протестных акций по всему миру в 2017–2019 гг., а затем новую эскалацию после короткой передышки во время пандемии COVID-19. Однако на сегодняшний день глобальное восстание распространяется неравномерно и сталкивается со многими проблемами, включая фрагментацию, поглощение капиталистической культурой и, по большей части, отсутствие последовательной левой идеологии и видения преобразовательного проекта, выходящего за рамки непосредственных требований. Кризис 2008 г. оказал негативное влияние на огромное количество людей по всему миру, в результате чего возникла ситуация массовой социальной тревоги, которая предоставила крайне правым, авторитарным и неонацистским силам возможности использовать массы обездоленных людей для своих политических проектов.

На этом фоне происходит обострение геополитических конфликтов, поскольку государства в своих стремлениях сохранить легитимность и не допустить распада внутреннего социального порядка пытаются трансформировать социальную и политическую напряженность перед лицом кризиса капитализма, потери легитимности, хронической нестабильности и социальной дезинтеграции. Имперские государства стараются переместить внутренние противоречия на Глобальный Юг или к своим соперникам²⁵. Похоже, мы находимся в начале радикальной перестройки глобальных геополитических выравнений под барабанный бой эскалации экономической турбулентности, которая будет подпитывать новые политические потрясения и жестокие конфликты.

²⁴ Global Protest Tracker // Carnegie Endowment for International Peace. URL: <https://carnegieendowment.org/features/global-protest-tracker> (accessed: 27.09.2023).

²⁵ Под «имперскими государствами» нами подразумеваются те, которые обладают силой, способной экстернализовать эти противоречия, и здесь не имеется в виду «империалистический капитал».

Сегодня политические системы, неспособные сохранить структуру власти, необходимую для стабилизации общественного порядка, находятся в кризисе. В некоторых случаях, например на Гаити, государства сталкиваются с угрозой разрушения государственности. Правящие группы, по-видимому, не способны разрешить структурный кризис или восстановить гегемонию в условиях, когда глобальный капиталистический блок, построенный в эпоху расцвета неоллиберализма в 1990–2008 гг., распадается. Капитализм нуждается в государстве для создания условий для своего воспроизводства, а мировая капиталистическая система нуждается в структуре власти. Однако национальные правительства не осуществляют транснациональную политическую власть, которая требуется глобальному капитализму для решения кризиса. Гегемония США распадается, но ни одно новое национальное государство не может предоставить такую властную структуру, которая позволила бы стабилизировать уже неразрывно интегрированную глобальную экономику.

США больше не являются рынком последней инстанции и не могут продолжать бесконечно служить поставщиком неиссякаемой ликвидности. Политический контроль, предоставляемый США глобальной экономикой, деноминированной в долларах, противоречит растущей политической многополярности. Беспрецедентные санкции, наложенные на Россию, и усиление международной политической поляризации в результате конфликта на Украине ускорили введение альтернативной системе международных платежей SWIFT, основанной на долларе, таких как китайская Трансграничная межбанковская платежная система (*Cross-Border Interbank Payment System*, CIPS) и российская Система передачи финансовых сообщений (СПФС)²⁶. Тем не менее ни одна национальная или региональная экономика не может выжить вне своей интеграции в более крупную мировую

²⁶ Chowdhury A., Sundaram J.K. SWIFT Dollar Decline // Interpress Service (IPS). June 14, 2022. URL: <https://www.ipsnews.net/2022/06/swift-dollar-decline/> (accessed: 27.09.2023).

экономику. Рассмотрим в качестве показателя этой взаимозависимости тот факт, что торговля промежуточными товарами, такими как полупроводники и другие промышленные ресурсы, в настоящее время составляет целых 56 % всей торговли между богатыми странами ОЭСР, которые доминируют в мировой торговой системе²⁷.

Таким образом, кризис гегемонии в международной системе происходит в рамках этой единой, интегрированной мировой экономики. Ни одно государство, каким бы могущественным оно ни было, не может контролировать процесс мирового накопления. Этот разрыв между глобализированной экономикой и системой политической власти, основанной на национальном государстве, порождает огромную геополитическую напряженность. Конец западного господства в мировом капитализме уже близок, поскольку центр тяжести мировой экономики смещается в Китай. Однако Китай не станет новым гегемоном. Скорее мы движемся к политической многополярности в период острого кризиса мирового капитализма, то есть к эпохе продолжительной экономической нестабильности и политического упадка. Переходы от одного гегемона к другому в более ранние периоды мирового капитализма были отмечены политической нестабильностью, интенсивной классово-социальной борьбой, войнами и разрывом в установленном международном порядке. На этот раз, похоже, происходит более фундаментальный распад самого Вестфальского порядка.

Упадок капиталистической цивилизации

Если оставить в стороне структурные, социальные и политические аспекты кризиса глобального капитализма, в котором цифровая реструктуризация и государственное

²⁷ Trade in Intermediate Goods and International Supply Chains in CEFTA // CEFTA Issues Paper. 2013. No. 6. URL: https://web.archive.org/web/20231201231324/https://www.oecd.org/south-east-europe/programme/CEFTA%20IP6_Trade%20in%20Intermediate_Web%20and%20Print.pdf (accessed: 27.09.2023).

вмешательство в рынки и схемы транснационального накопления капитала знаменуют новый этап продуктивной экспансии и международной нестабильности, экологический кризис делает весьма сомнительным тот факт, что капитализм может продолжать воспроизводить себя как глобальную систему. Цивилизации рушились на протяжении всей истории, когда не могли разрешить трансцендентные противоречия, которые в итоге и становились причиной их краха (Diamond, 2005; Chew, 2006). В прошлом крах подразумевал под собой экологический кризис, и так как современная цивилизация глобальна, то этот крах будет носить глобальный характер. Никогда ранее подобные ситуации не включали в себя такие вопросы, как чрезвычайные климатические ситуации, вызванные человеком, и массовое вымирание биологических видов.

Изменение климата, вызванное деятельностью человека, «уже влияет на многие погодные и климатические экстремальные явления в каждом регионе мира», включая экстремальные волны тепла и пожары, сильные осадки и разрушительные наводнения, засухи, тропические циклоны, таяние полярных льдов и ледников, быстрый подъем уровня моря и закисление океана²⁸. Изменение климата, возможно, привлекло наибольшее внимание, но это далеко не единственная угроза человечеству и всей жизни на нашей планете. По данным американских исследователей, 90 % всех известных видов оказались на грани вымирания, и миллионы уже вымерли (Barnosky et al., 2011). Даже если не произойдет массового вымирания, которое станет шестым в истории планеты, потеря биоразнообразия грозит подрвать хрупкие экосистемы, важные для сельского хозяйства и животноводства в масштабах, необходимых для того, чтобы прокормить миллиарды людей. Крах мирового сельского хозяйства вместе с изменением климата, которое делает большую

²⁸ Climate Change 2021: The Physical Science Basis // IPCC. 2021. URL: https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg1/downloads/report/IPCC_AR6_WGI_Full_Report.pdf (accessed: 27.09.2023).

часть мира непригодной для проживания, приведет к массовой гибели в масштабах, беспрецедентных в истории человечества.

Даже не разделяя постулаты теории катастроф, сложно не согласиться с тем, что планетарная экосистема, на которой основана человеческая цивилизация, разрушается под воздействием глобального накопления капитала. Это предполагает, что любая новая фаза глобальной капиталистической экспансии будет катастрофической сама по себе. Капитал находится под императивом расширения границ накопления, включающего все большее присвоение и коммерциализацию природы (*Is Capitalism Sustainable? Political Economy...*, 1994; Moore, 2015; Foster, 2022). Отмена постоянного экономического роста, необходимая для предотвращения экологической катастрофы, может быть достигнута только путем отмены капитализма, поскольку, по определению, капитализм основан на бесконечном накоплении капитала. В какой-то момент система станет неспособной воспроизводить себя, так как биосфера рухнет.

Заключение

Кризис мирового капитализма является экзистенциальным для человечества и для капитализма. В долгосрочной перспективе единственным решением является замена мирового капитализма системой, которая вытеснит накопление частного капитала посредством структуры, основанной на рациональном планировании, распределении ресурсов в соответствии с основными социальными потребностями и радикальном сокращении отходов и бездумного потребления.

Можем ли мы прийти к выводу, что революция против капитализма на горизонте? Лидер большевиков В.И. Ленин описал симптомы того, что он назвал революционной ситуацией:

1) когда в господствующей системе наступает кризис и правящие классы не могут править по-старому;

2) когда нужда и страдания угнетенных классов становятся острее обычного;

3) когда вследствие этого массы усиливают свою активность, становясь способными к самостоятельному историческому выступлению.

Эти симптомы явно проявляются. Однако если кризисы возникают из-за объективных черт капитализма, то их исход полностью зависит от субъективных сил, которые развиваются посредством многочисленных политических, культурных и организационных посредников. Классовое сознание развивается на уровне этих посредников. Если капиталистические кризисы являются временем великих потрясений и страданий для миллионов людей, они также разрушают самоуспокоенность и активизируют массовую борьбу, поскольку, когда выживание висит на волоске, нет места для иллюзий. Кризисы создают новые формы сознания и организации, которые необходимы для любого изменения системы.

В настоящее время мы очень далеки от революции против глобального капитализма. Задача состоит в том, как развить субъективные и организационные условия, которые позволили бы массе угнетенного человечества воспользоваться объективной реальностью эпохального кризиса глобального капитализма для продвижения антикапиталистических освободительных проектов.

Поступила в редакцию / Received: 15.12.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 21.05.2024
Принята к публикации / Accepted: 15.10.2024

Библиографический список / References

- Arrighi G.* The Long Twentieth Century: Money, Power and the Origins of Our Times. London : Verso, 2010.
Barnosky A., Matzke N., Tomiya S., Wogan G. O. U., Swartz B., et al. Has the Earth's Sixth Mass Extinction Already Arrived? // *Nature*. 2011. Vol. 471. P. 51–57. <https://doi.org/10.1038/nature09678>
Beaud M. A History of Capitalism: 1500–2000. New York : Monthly Review Press, 2001.

- Chew S. C.* The Recurring Dark Ages: Ecological Stress, Climate Changes, and System Transformation. Lanham, Md. : AltaMira Press, 2006.
- Choonara J.* Unravelling Capitalism: A Guide to Marxist Political Economy. London : Bookmarks Publications, 2009.
- Cox R. W.* Production, Power, and World Order: Social Forces in the Making of History. New York, Guildford : Columbia University Press, 1987.
- Diamond J.* Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed. New York : Penguin Books, 2005.
- Foster J. B.* Capitalism in the Anthropocene: Ecological Ruin or Ecological Revolution. New York : Monthly Review, 2022.
- Freeman R. B.* The Great Doubling: The Challenge of the New Global Labor Market // Ending Poverty in America: How to Restore the American Dream / ed. by J. Edwards, M. Crain, A. L. Kalleberg. New York : The New Press, 2007. P. 55–65.
- Geisler C., Currens B.* Impediments to Inland Resettlement Under Conditions of Accelerated Sea Level Rise // Land Use Policy. 2017. Vol. 66. P. 322–330. <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2017.03.029>
- Grossman H.* The Law of Accumulation and the Breakdown of the Capitalist System. London : Pluto Press, 1992. <https://doi.org/10.2307/j.ctt18mbdkt>
- Harvey D.* The Limits to Capital. London : Verso, 2006.
- Is Capitalism Sustainable? Political Economy and the Politics of Ecology / ed. by M. O'Connor. New York : The Guilford Press, 1994.
- Luxemburg R.* The Accumulation of Capital. Eastford, CT : Martino Fine Books, 2015.
- Mandel E.* Late Capitalism. London : Verso, 1975.
- Marx K.* Capital: A Critique of Political Economy. Vol. I. New York : International Publishers, 1967.
- Marx K.* Capital: A Critique of Political Economy. Vol. III. London : Penguin, 1981.
- Moore J. W.* Capitalism in the Web of Life: Ecology and the Accumulation of Capital. London : Verso, 2015.
- O'Connor J.* The Meaning of Crisis: A Theoretical Introduction. New York : Basil Blackwell, 1987.
- Phillips P.* Giants: The Global Power Elite. New York : Seven Stories Press, 2018.
- Roberts M.* The Long Depression: How It Happened, Why It Happened, and What Happens Next. Chicago : Haymarket Books, 2016.
- Robinson W. I.* A Theory of Global Capitalism: Production, Class, and State in a Transnational World. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2004.
- Robinson W. I.* Global Capitalism and the Crisis of Humanity. New York : Cambridge University Press, 2014. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107590250>
- Robinson W. I.* Global Civil War: Capitalism Post-Pandemic. Oakland : PM Press, 2022.
- Robinson W. I.* Latin America and Global Capitalism. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2008.
- Robinson W. I.* The Global Police State. London : Pluto Press, 2020.
- Schumpeter J. A.* Capitalism, Socialism and Democracy. London : Routledge, 1950.
- Social Structures of Accumulation: The Political Economy of Growth and Crisis / ed. by D. M. Kotz, T. McDonough, M. Reich. Cambridge : Cambridge University Press, 1994. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511559501>
- Sotelo Valencia A.* The Future of Work: Super-Exploitation and Social Precariousness in the 21st Century. Leiden : Brill Academic Publishers, 2018. <https://doi.org/10.1163/9789004300590>
- Van der Pijl K.* States of Emergency: Keeping the Global Population in Check. Atlanta, GA : Clarity Press, 2022.
- Wallerstein I.* The Modern World-System. Vol. I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. New York, London : Academic Press, 1974.

Сведения об авторе:

Робинсон Уильям И. — доктор социологии, заслуженный профессор кафедры социологии, Калифорнийский университет; e-mail: w.i.robinson1@gmail.com

МЕЖДУНАРОДНОЕ АКАДЕМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО INTERNATIONAL ACADEMIC COOPERATION

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-4-643-654

EDN: MMTPCY

Научная статья / Research article

Российско-индийское научно-техническое сотрудничество в первом десятилетии XXI в.

К.П. Курылев¹, Л.А. Черешнева^{1,2}, М.Н. Старикова^{1,3}, Л.А. Белоусова^{1,2}¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация²Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, Российская Федерация³МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация kurylev-kp@rudn.ru

Аннотация. Рассматриваются развитие научно-технического стратегического партнерства между Российской Федерацией и Республикой Индия в первом десятилетии XXI в., основные направления, цели и достигнутые результаты, а также перспективы этого партнерства. Авторы используют официальные документы и материалы, посвященные двусторонним отношениям, международные российско-индийские акты, касающиеся научного, технологического сотрудничества в области точных наук, биологии, биотехнологии, океанографии, экологически чистых технологий, фармацевтики, военно-технического производства, исследования космоса, метеорологии, и демонстрируют спектр форм российско-индийского сотрудничества, направленных на взаимопонимание и прогресс обоих государств и народов. Статья является частью научно-исследовательского проекта, посвященного советско-индийскому сотрудничеству в сфере науки и технологий как ресурсам так называемой «мягкой силы». Цель исследования — охарактеризовать перспективы двусторонней кооперации России и Индии, начавшейся в XX в., в рамках культурно-цивилизационных аспектов системы межгосударственных отношений. Авторы анализируют проблемы повышения результативности сотрудничества двух стран на современном этапе, обусловленного необходимостью взаимодействия в научно-технологической, инновационной и образовательной сферах, для противодействия новым вызовам, связанным с техногенными, климатическими и социокультурными угрозами, а также терроризмом и религиозным экстремизмом. Предметом статьи является российско-индийское сотрудничество в научной и технологической сферах, его международная законодательная база и реальное наполнение. Для исследования социальных процессов, демонстрирующих связь социума и политики, использован конструктивистский подход, раскрывающий влияние международного сотрудничества на институционализацию, развитие научного и технологического сотрудничества СССР и Индии на межгосударственном и межинституциональном уровнях. При рассмотрении культурно-цивилизационной специфики России и Индии используются цивилизационный и модернизационный подходы. Авторы приходят к выводу, что сотрудничество России и Индии в научно-технической сфере является показательным примером межгосударственного взаимопонимания и дружбы в контексте современных геополитических процессов, согласуясь с национальными интересами обеих держав и их обществ.

© Курылев К.П., Черешнева Л.А., Старикова М.Н., Белоусова Л.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: стратегическое партнерство, Владимир Путин, Атал Бихари Ваджапай, Манмохан Сингх, технологическое взаимодействие, экономическое сотрудничество, оборонное сотрудничество, партнерство в космических исследованиях

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00108.

Для цитирования: Курылев К. П., Черешнева Л. А., Старикова М. Н., Белоусова Л. А. Российско-индийское научно-техническое сотрудничество в первом десятилетии XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 4. С. 643–654. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-643-654>

The Russian-Indian Scientific and Technological Cooperation in the First Decade of the 21st Century

Konstantin P. Kurylev¹ , Larisa A. Cheresheva^{1,2} ,
Mariia N. Starikova^{1,3} , Liudmila A. Belousova^{1,2}

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²Lipetsk State Pedagogical P.P. Semenov-Tyan-Shansky University, Lipetsk, Russian Federation

³MGIMO University, Moscow, Russian Federation

kurylev-kp@rudn.ru

Abstract. The article examines the development of the scientific and technical strategic partnership between the Russian Federation and the Republic of India in the first decade of the 21st century. It analyses the main directions, goals and already achieved results of this partnership, as well as prospects for its future. The authors use official documents and materials pertaining to bilateral relations, international Russian-Indian acts, and declarations on scientific, technological cooperation various fields, including exact sciences, biology, biotechnology, oceanography, environmentally friendly technologies, pharmaceuticals, military-technical production, space exploration, and meteorology. They illustrate a diverse array of forms of Russian-Indian cooperation aimed at mutual understanding and progress of both states and peoples. The article is a part of a research project on Soviet-Indian cooperation in the field of science and technology as a resource of the so-called “soft power.” The article’s primary focus is on the distinctive characteristics of the prospects of bilateral cooperation between Russia and India, which commenced in the 20th century, within the context of the cultural and civilizational aspects of international relations system. From a historical perspective, the authors examine the problems of enhancing the effectiveness of cooperation between the two countries at the present stage, given the need for interaction in the scientific, technological, innovative and educational spheres. This is to enable the countries to collectively address the emerging challenges associated with human-induced, climatic and socio-cultural threats, as well as terrorism and religious extremism. The subject is an analysis of the legal framework and content of Russian-Indian cooperation in scientific and technological fields. The constructivist approach is used to study the social processes, which reveal the connection between society and politics, and the influence of international cooperation on the institutionalization and development of scientific and educational cooperation between the USSR/Russia and India at the intergovernmental and interinstitutional levels. When considering the cultural and civilizational specifics of Russia and India, the civilizational and modernization approaches are employed. The authors conclude that the consolidation of the two countries not only strengthens the economic position of Russia and India, but also increases their authority in the international arena. This cooperation between Russia and India is an illustrative example of interstate understanding and friendship in the context of modern geopolitical processes, meeting the national interests of both powers and their respective societies.

Key words: strategic partnership, Vladimir Putin, Atal Bihari Vajpayee, Manmohan Singh, technologies, economic cooperation, defense cooperation, partnership in space research

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 23-28-00108).

For citation: Kurylev, K. P., Cheresheva, L. A., Starikova, M. N., & Belousova, L. A. (2024). The Russian-Indian scientific and technological cooperation in the first decade of the 21st century. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(4), 643–654. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-643-654>

Введение

Первое десятилетие XXI в. открыло новую эпоху в развитии двустороннего сотрудничества России и Индии в многополярном мире: оно вышло на новый уровень взаимодействия — особо привилегированное стратегическое партнерство (Шавлай, 2020). Важным вектором такого партнерства стало двустороннее экономическое и научно-техническое сотрудничество. Страны взаимодействуют в областях, представляющих для них первостепенную важность. Особо привилегированное стратегическое партнерство двух государств и их лидеров — президента Владимира Путина и премьер-министра Нарендры Моди — направлено на развитие и обновление двустороннего сотрудничества, которое опирается на устойчивые традиции, заложенные еще во второй половине XX в. и продолжающие определять отношения в XXI в.

Отмечаемые в 2022 г. 100-летие образования СССР, 75-летие независимости Индии и установления советско-индийских дипломатических отношений подчеркивают актуальность изучения истории сотрудничества в сфере науки и технологий, его концептуализации, реалий и востребованности для России и Индии в XXI в.

Целью исследования является выявление этапов развития научно-технического стратегического партнерства Российской Федерации и Республики Индии в изменившихся геополитических условиях нового тысячелетия. Для достижения этой цели авторы концентрируются на решении следующих задач: охарактеризовать межгосударственный и межгосударственный уровни сотрудничества и его восприятие обществами лидеров двух государств, а также раскрыть содержание и приоритетные традиционные и инновационные направления двустороннего научно-технического сотрудничества.

Для анализа социальных процессов, демонстрирующих связь социума и политики, использован конструктивистский подход, раскрывающий влияние международного сотрудничества на институционализацию, развитие научного и технологического сотрудничества России и Индии на межгосударственном и межгосударственном уровнях. Для понимания роли исторических связей рассматриваемого периода привлекаются концептуальные понятия диалога и диалогизма, получившие развитие в теоретических построениях В.С. Библера и используемые в гуманитарных науках, в том числе в истории. В.С. Библиер развивает идею диалога культур, подчеркивая, что идея взаимопонимания, а не понимания мира как предмета познания, которая являлась центральной в Новое время, должна стать господствующей на современном этапе (Библиер, 1991).

Исследование опирается на труды современных историков, изучающих советско-индийские и российско-индийские отношения. Для понимания основ стратегического партнерства была полезна статья С.И. Лунёва о становлении советско-индийских отношений (Лунёв, 2017). Автор отмечает «определенную схожесть двух стран при всех колоссальных различиях цивилизаций: для них свойственен срединный путь цивилизационного развития, а духовность, имманентно присущая двум цивилизациям, противостоит материализму и духу потребительства развитых государств» (Лунёв, 2017, с. 24).

В коллективном труде специалистов Института востоковедения РАН «Индия сегодня» указывается, что с распадом СССР поступательное движение в двусторонних отношениях «оборвалось» и «многие направления сотрудничества были свернуты», но в то же время подчеркивается, что к началу XXI в.

«политическое доверие стало восстанавливаться». А.А. Куценков считает важнейшей основой этого процесса «общность подходов» России и Индии «к актуальным международным проблемам глобального и регионального характера», а также «национальные интересы двух стран» (Куценков, 2005, с. 412).

В современной отечественной и зарубежной историографии также анализируются особенности научно-технического сотрудничества двух держав. Ведущие специалисты вносят свой вклад в это важное направление исследований. Так, Б.Н. Кузык, Т.Л. Шаумян, С.И. Лунёв в своих работах показывают, что Индия стремительно развивается и раскрывает потенциал своего сотрудничества с Россией в политическом, экономическом, военно-техническом и научно-техническом направлениях (Кузык, Шаумян, 2009; Лунёв, 2023). Т.Н. Загородникова, В.П. Кашин и Т.Л. Шаумян анализируют цивилизационную составляющую двусторонних отношений (Загородникова, Кашин, Шаумян, 2011). Ф.Н. Юрлов и Е.С. Юрлова анализируют историю Индии в XX в., подчеркивая важность индийско-российских экономических, научно-технических, политических и военно-технических отношений в 2000–2006 гг. (Юрлов, Юрлова, 2010; Юрлов, 2019).

Индийские и другие зарубежные ученые также анализируют тенденции и содержание советско-индийского и современного российско-индийского партнерства. В статье приводятся данные и оценки таких авторов, как П.Г. Альтбах и П. Джалоте¹, Г. Дизен (Diesen, 2019), Р.Э. Эриксон (Ericson, 2008), К. Мэттью (Matthieu, 2010), А. Моханти (Mohanty, 2017), М. Райану (Raianu, 2021), А. Валиани (Valiani, 2011) и др.

В основу исследования положены принципы объективности, историзма, системности.

Новый этап сотрудничества

Концепция внешней политики России от 28 июня 2000 г. провозглашала, что Азия является регионом «важного» и «растущего» значения для нашей страны, а одним из важнейших направлений выступает партнерство с Индией, которое «нужно углублять, в том числе и в сфере международных дел»². Концепция внешней политики России от 15 июля 2008 г. дополняла и развивала положения документа 2000 г. и касательно Индии утверждала, что, «углубляя стратегическое партнерство с Индией, Россия проводит принципиальную линию на упрочение взаимодействия по актуальным международным проблемам и всемерное укрепление взаимовыгодных двусторонних связей по всем направлениям, особенно на обеспечение существенного подъема в торгово-экономической сфере»³.

Такой внешнеполитический подход придал новый импульс российско-индийским отношениям. Через несколько месяцев после принятия Концепции 2000 г., 2–5 октября состоялся первый визит президента России Владимира Путина в Индию⁴. В Нью-Дели прошли его переговоры с премьер-министром Аталом Бихари Ваджпай, по итогам которых была подписана Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Индия⁵, предусматривающая

² Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации от 28 июня 2000 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901764263> (дата обращения: 25.04.2024). См. также: (Lewis, 2018; Diesen, 2019).

³ Концепция внешней политики Российской Федерации. 15 июля 2008 г. // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 30.05.2024).

⁴ Состоялись переговоры В. Путина с Премьер-министром Индии Аталом Бахари Ваджпай 2–5 декабря 2000 г. // Президент России. 03.10.2000. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/39450> (дата обращения: 27.10.2023).

⁵ Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Индией. Подписана 5 октября 2000 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901783728> (дата обращения: 27.10.2023).

¹ Altbach P. G., Jalote P. When Will India Build World-Class Research Universities? // University World News. September 26, 2020. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200921112203767> (accessed: 17.04.2024).

развитие двустороннего сотрудничества во многих важных отраслях. Предполагалось углубить взаимодействие в области сельскохозяйственных наук, медицины, океанологии, метеорологии, природоохранных технологий. Основными направлениями научных исследований в обеих странах также традиционно оставались атомная энергетика и освоение космоса.

Всего на встрече в Нью-Дели было подписано 17 документов, в том числе в научно-технической сфере (например, «Комплексная долгосрочная программа научно-технического сотрудничества на 2001–2010 годы»⁶). Среди приоритетных направлений сотрудничества перечислены биотехнологии, технические науки, космические исследования, вычислительная техника и электроника. Фундаментальные науки, такие как математика, механика, физика и астрофизика, науки о Земле, химия, науки о жизни и др., были выделены в отдельную сферу российско-индийского сотрудничества.

Индия является центром успешных научных исследований в технической сфере, располагая одной из самых мощных научно-технических инфраструктур в мире, поэтому Комплексная долгосрочная программа была сосредоточена на фундаментальных и прикладных науках. В результате ее реализации обе стороны вышли на новейшие разработки, которые могут конкурировать на внешнем рынке (Mohanty, 2017, p. 348–349; Лебедева, 2018). В то же время внутренние риски для индийской экономики включают ее неэффективное сельское хозяйство, подрывающее продовольственную безопасность страны, финансовый сектор с его большим государственным долгом, а также множество социальных проблем, среди которых контраст между богатыми и бедными, низкий уровень жизни и коррупция. Что касается основных

внешних сдерживающих факторов для индийского государства, то это снижение темпов роста в развитых странах — традиционных торговых партнерах Индии, изменчивость мировых финансовых рынков и зависимость индийской экономики от импорта энергоносителей (Умгаев, Ланцынов, Басангов, 2019, с. 53). В целях решения указанных проблем Индии необходимо развивать сотрудничество с Россией.

В реализации Комплексной долгосрочной программы были задействованы 71 институт России и 55 институтов и лабораторий Индии, которые реализовывали около 286 проектов по указанным направлениям, а также в новых сферах сотрудничества, таких как компьютеризация, робототехника и информационные технологии⁷. Наиболее значимые проекты разрабатывались в области космических исследований, гражданской авиации, медицины, энергетике, математики и физики (Маляров, 2010, с. 666; Raianu, 2021, p. 125, 269).

Следующая встреча президента России и премьер-министра Индии состоялась в ноябре 2001 г., когда в Москву с официальным визитом прибыл Атал Бихари Ваджапай⁸. По итогам встречи было подписано 17 документов, в том числе совместное российско-индийское заявление⁹. В пунктах о научно-технических связях подчеркивалась важность дальнейшего сотрудничества в области науки и технологий. Обе стороны выразили согласие с участием Индийской комиссии в реализации нефтегазового проекта «Сахалин-1». Также

⁷ Лазер видит будущее. Реализованы сотни двусторонних научно-технических проектов // Российский научный фонд. 15.08.2016. URL: https://rscf.ru/news/media/lazer_vidit_budushchee_realizovany_sotni_dvustoronnikh_nauchno_tekhnicheskikh_proektov/ (дата обращения: 11.03.2024).

⁸ Заявление для прессы и ответы на вопросы по итогам переговоров с Премьер-министром Индии Аталом Бихари Ваджапай // Президент России. 06.11.2001. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21390> (дата обращения: 05.04.2024).

⁹ Совместное российско-индийское заявление от 6 ноября 2001 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901810961> (дата обращения: 05.11.2023).

⁶ Комплексная долгосрочная программа сотрудничества в области науки, техники и инноваций между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индии. 21 декабря 2010 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902264225> (дата обращения: 27.10.2023).

был подписан Меморандум о реализации проекта АЭС «Куданкулам». Партнеры отметили, что двустороннее научно-техническое сотрудничество поднялось на новый уровень, выйдя за рамки торговли оружием и военной техникой. Индия и Россия реализовали ряд новых проектов и совместных исследований в таких областях, как черная металлургия, машиностроение и энергетика. Были обозначены перспективы реализации проектов по строительству тепловых электростанций в Индии стоимостью 3 млрд долл. США и возведению комплексов по опреснению морской воды в Ченнаи стоимостью 1 млрд долл. США. Также планировалось обновить автобусный парк в Ченнаи. Кроме того, партнеры договорились о поставках высококачественных труб из России, строительстве газо- и нефтепродуктопроводов, продаже Индии оборудования для работы в сфере энергетики¹⁰.

Следующий саммит состоялся в Нью-Дели 3–5 декабря 2002 г.¹¹ Лидерами были подписаны два документа: Протокол к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Республикой Индия об охране интеллектуальной собственности¹² и Совместная декларация об укреплении и расширении экономического, научного и технического сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Индия¹³.

¹⁰ Заявление для прессы и ответы на вопросы по итогам переговоров с Премьер-министром Индии Аталом Бихари Ваджапай // Президент России. 06.11.2001. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21390> (дата обращения: 05.04.2024).

¹¹ Совместное заявление Президента России и Премьер-министра Атала Бахари Ваджапай // Президент России. 03.12.2002. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3549/print> (дата обращения: 06.12.2023).

¹² Протокол между Российской Федерацией и Республикой Индия об охране и использовании прав на интеллектуальную собственность к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индии о научно-техническом сотрудничестве от 30 июня 1994 года. 4 декабря 2002 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901866487> (дата обращения: 06.05.2024).

¹³ Совместная декларация об укреплении и наращивании экономического и научно-технического сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Индией. 4 декабря 2002 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов.

В первом документе рассматривалось понятие интеллектуальной собственности, под которым подразумевались новейшие разработки двух стран и предыдущая интеллектуальная собственность, которая также охранялась данным законом, даже если разработка велась вне рамок проекта. Протокол гарантировал использование научно-технических достижений только Россией и Индией, а также исключение проникновения в систему двусторонних разработок третьих сторон. В документе отмечалась материальная выгода от вклада сторон в научно-техническое сотрудничество и разработки, а также содержалось обязательство защищать авторство проектов. Партнеры согласились, что даже если Протокол прекратит свое действие, право интеллектуальной собственности останется неприкосновенным¹⁴.

Второй документ был в основном посвящен проблемам экономического сотрудничества двух стран. Особое внимание было уделено областям высоких технологий и передовых исследований, таким как телекоммуникации, информационные технологии, космические исследования, равно как и их практическому применению.

В 2002 г. Российская Федерация достигла соглашения с Индией об инвестировании части индийского долга (в рупиях) в индийскую экономику, в частности в развитие информационных технологий, металлургии и угольной промышленности. Реализацию планов и подписание соответствующих документов планировалось осуществить в 2003 г. Представители двух стран встретились в Москве в ноябре 2003 г.¹⁵ Следует отметить, что

URL: <http://docs.cntd.ru/document/901857451> (дата обращения: 06.02.2024).

¹⁴ Протокол между Российской Федерацией и Республикой Индия об охране и использовании прав на интеллектуальную собственность к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индии о научно-техническом сотрудничестве от 30 июня 1994 года. 4 декабря 2002 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901866487> (дата обращения: 06.05.2024).

¹⁵ Российско-индийское межрегиональное сотрудничество // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 16.08.2010. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/in/1675631/> (дата обращения: 07.05.2024).

тогда товарооборот увеличился до 2 млрд долл. США, что сопоставимо с объемом советско-индийского сотрудничества в 1980-х гг., когда товарооборот с Индией составлял 3,5 млрд долл. США (Умгаев, Ланцынов, Басангов, 2019). Такая динамика открывала хорошие перспективы для расширения сотрудничества не только в области науки и технологий, но и в других сферах.

Одним из важнейших документов для российской и индийской науки стало соглашение о научном сотрудничестве и обмене учеными между Российской академией наук (РАН) и Индийской национальной академией наук (ИНАН)¹⁶. Стороны договорились, что национальные академии выступят посредниками для ученых, которые смогут обмениваться информацией, идеями, проводить встречи и симпозиумы, организовывать международные научные конференции, а также при необходимости выезжать в другую страну для проведения исследований. Документ был новаторским, в нем подробно описывались новые условия сотрудничества ученых двух стран. Также был подписан Протокол о сотрудничестве между РАН и ИНАН, согласно которому предполагалось расширить вклад ученых в содействие научно-техническому прогрессу. Работа должна была осуществляться в форме лекций, обмена технологиями, исследовательской деятельности ученых на территории обеих стран, а также реализации совместных научных проектов в интересах России и Индии¹⁷. Протокол оговаривал условия пребывания ученых на иностранной территории, финансирования их деятельности и был рассчитан сроком действия на 5 лет (до 2008 г.).

¹⁶ Соглашение о научном сотрудничестве и обмене учеными между Российской академией наук и Индийской национальной академией наук от 12 ноября 2003 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901882110> (дата обращения: 07.11.2023).

¹⁷ Протокол о научном сотрудничестве между Российской академией наук и Департаментом науки и технологий правительства Индии от 12 ноября 2003 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901882116> (дата обращения: 15.07.2024). См. также: (Шубкина, 2009).

В 2003 г. был подписан специальный Меморандум между Росавиакосмосом (Роскосмосом) и Индийской организацией космических исследований (*Indian Space Research Organization, IORC*)¹⁸, которые планировали наладить взаимодействие по восстановлению и эксплуатации навигационной системы ГЛОНАСС, а также сотрудничать в рамках индийской программы изучения Луны «Чандраян-1», исследований космических двигателей и других приборов. В 2004 г. и последующие годы договорно-правовая база сотрудничества между Роскосмосом и *IORC* была существенно расширена (Воробьева, 2016; Титаренко, 2012, с. 400).

В декабре 2004 г. в Нью-Дели было подписано соглашение в области совместного развития и использования спутниковой системы ГЛОНАСС¹⁹, которое с российской стороны реализовывало Министерство информационных технологий и связи РФ, Министерство обороны РФ и Федеральное космическое агентство, а с индийской — Индийская организация космических исследований. Формы сотрудничества включали обмен научно-технической документацией, совместные работы по ней, а также обмен учеными²⁰. Еще один протокол, подписанный министерствами иностранных дел, был посвящен подготовке совместного сборника архивных (дипломатических документов), касающихся отношений между двумя государствами²¹, что свидетельствовало

¹⁸ Меморандум о взаимопонимании между Российским авиационно-космическим агентством и индийской организацией космических исследований о сотрудничестве в исследованиях и использовании космического пространства в мирных целях. 12 ноября 2003 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901882118> (дата обращения: 22.02.2024).

¹⁹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индии о предоставлении Индийской Стороне доступа к части радиочастотного спектра российской глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС от 25 января 2007 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902029758> (дата обращения: 27.02.2024).

²⁰ Там же.

²¹ Протокол между Министерством иностранных дел Российской Федерации и Министерством иностранных дел Республики Индии о подготовке

о намерении сторон сохранять и распространять информацию о двустороннем сотрудничестве, его традициях и новациях в целях ее научного осмысления и популяризации в России, Индии и других странах (Valiani, 2011, pp. 156, 200).

6 декабря 2005 г. лидеры России и Индии вновь встретились на высшем уровне²². В повестку дня были включены важные вопросы, затрагивающие сферу науки и технологий. Продолжались переговоры по разработке, эксплуатации и использованию спутниковой системы ГЛОНАСС. Также было подписано соглашение о сотрудничестве в области физики Солнца и солнечно-земных связей в рамках проекта «Коронас-Фотон»²³.

Самой важной для Индии является проблема обеспечения энергией, потребность в которой неуклонно возрастает в связи с быстрорастущей экономикой страны. Необходимость закупки газа способствовала возникновению идеи создания газопровода «Иран — Индия — Пакистан» (Куценков, 2005, с. 416). Российские специалисты принимали участие в создании не только этого трубопровода, но и других газо- и нефтепроводов в различных регионах страны. Велись работы по сооружению АЭС «Куданкулам» в штате Тамилнад (Куценков, 2005, с. 416) при участии российской стороны. АЭС была введена в эксплуатацию в 2007–2008 гг.²⁴ Кроме того, российские энергетические компании «Росатом» и «Росатомэкспорт» привлекли индийских партнеров к своим энергетическим проектам

совместного сборника архивных (дипломатических) документов от 12 ноября 2003 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901882129> (дата обращения: 08.04.2024).

²² В Кремле состоялись переговоры Владимира Путина и Премьер-министра Индии Манмохана Сингха // Президент России. 06.12.2005. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/34612> (дата обращения: 08.05.2024).

²³ О переговорах Президента России В.В. Путина с Премьер-министром Индии Манмоханом Сингхом, Москва, Кремль, 6 декабря 2005 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 07.12.2005. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1679308/> (дата обращения: 24.05.2024).

²⁴ «Куданкулам»: как строят атомную станцию // РИА Новости. 03.12.2008. URL: <https://ria.ru/20081203/155923367.html> (дата обращения: 24.05.2024).

в регионе Южной Азии, например к строительству АЭС «Руппур» в Бангладеш (Печищева, 2018, с. 153).

Очередная встреча лидеров России и Индии, на которой обсуждались вопросы, в том числе научно-технического сотрудничества в сфере коммуникаций, состоялась 17 июля 2006 г. в Санкт-Петербурге²⁵. Позднее, 25 января 2007 г., в Нью-Дели президент РФ Владимир Путин и премьер-министр Индии Манмохан Сингх провели переговоры и подписали соглашение, связанное с использованием Индией части радиочастотного спектра Российской глобальной спутниковой системы ГЛОНАСС²⁶. По договору индийская сторона получила более расширенный доступ к данной системе.

Итак, в первое десятилетие XXI в. Россия и Индия активно сотрудничали в области науки и технологий по следующим направлениям.

1. Космическая программа, реализуемая в рамках проекта «Фотон». Этот проект развивался с советских времен, в 1990-х гг. он был замедлен и возобновлен только в 2000 г. К 2009 г. был создан прибор «Коронас-Фотон» с устройством для измерения и регистрации рентгеновского излучения²⁷. Целью проекта было изучение процессов накопления энергии и ее преобразования в энергию ускоренных частиц во время солнечных вспышек, а также взаимодействие этих частиц в атмосфере.

2. Гражданская авиация: был запущен совместный проект по созданию самолетов «Сарас-Дуэт», М-102 («Дуэт»), в лаборатории

²⁵ О встрече Президента России В.В. Путина с Председателем КНР Ху Цзиньтао и Премьер-министром Индии Манмоханом Сингхом, Санкт-Петербург, Стрельна, 17 июля 2006 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 18.07.2006. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/cn/1748264/> (дата обращения: 10.02.2024).

²⁶ Россия и Индия договорились о сотрудничестве в использовании ГЛОНАСС // РИА Новости. 25.01.2007. URL: <https://ria.ru/20070125/59674944.html> (дата обращения: 23.03.2024).

²⁷ Космический аппарат КОРОНАС-ФОТОН // Российская академия наук. Совет по космосу. URL: http://stp.cosmos.ru/index.php?id=1163&tx_ttnews%5Btt_news%5D=2152&cHash=b1fad8b517b61a91474ff4e8115a7d3b (дата обращения: 22.04.2024).

которого проходили обучение индийские специалисты. В дальнейшем модернизацией данного типа самолетов занялся Экспериментальный машиностроительный завод имени В.М. Мясищева (Кузык, Шаумян, 2009, с. 759).

3. Медицина: Россия и Индия проводили совместные исследования в области иммунологии, эпидемиологии, биофизики, биохимии, онкологии, эндокринологии и кардиологии. Для Индии это очень важная отрасль, в рамках развития которой страна тратила 2/3 своего бюджета на исследования, разработку лекарственных средств и медицинских технологий. Российская компания «Медэкспорт» (Москва) закупала товары у индийской компании *State Trading Corporation of India* (Кузык, Шаумян, 2009, с. 759).

4. Математика и физика: проектирование электроядерных установок для переработки ядерных отходов, создание специальных фильтров для очистки питьевой воды в Индии, производство термостойких конструкций, создание ускорителя электронов ИЛУ-6 (Кузык, Шаумян, 2009, с. 760).

5. Информационные технологии — одно из важнейших направлений сотрудничества, особенно для России. Стороны договорились, что Индия предоставит России в пользование суперкомпьютер *Param-10,000*, разработанный в Пуне. В свою очередь, на базе Российской академии наук был создан Российско-индийский компьютерный исследовательский центр, оснащенный индийскими компьютерами (Кузык, Шаумян, 2009, с. 759).

6. Топливо. В 2000-х гг. продолжались работы по нефтегазовому проекту по добыче сырья «Сахалин-1» (Кузык, Шаумян, 2009, с. 761).

7. Черная металлургия, где в рамках модернизации и реконструкции металлургических предприятий работы велись в следующих городах: Бхилаи, Руркела, Дургапур, Бокаро, Вишакхапатнам, Бурнпур (Кузык, Шаумян, 2009, с. 761).

8. Военная промышленность: велась работа в рамках проекта *BrahMos* по созданию противокорабельной ракеты. Проект стартовал в 1998 г., а в 2001 г. состоялся первый пуск ракеты. Существует несколько модификаций ракет — для воздушного и наземного

носителей: первая категория носит название *BrahMos-A*²⁸, вторая — *BrahMos-2*²⁹.

9. Энергетика: достигнуто соглашение о поставках слабообогащенного урана для индийской АЭС в Тарапуре (Кузык, Шаумян, 2009, с. 760).

В 2005 г. индийская компания *ONGC Videsh LTD* начала инвестировать в реализацию российского проекта «Сахалин-1», вложив 2 700 млн долл. США³⁰. В 2007 г. был подписан Меморандум о дополнительном строительстве четырех энергоблоков на АЭС «Куданкулам»³¹. В 2008 г. *Imperial Energy Company* инвестировала в разработку нефтяных месторождений в Томской области³².

10. Машиностроение и автомобилестроение: индийская компания *TATA MOTORS* работала над сборкой среднетоннажных грузовиков в Новоуральске (2007)³³.

11. Фармацевтика: целый ряд фармацевтических компаний из Индии начали работу

²⁸ Военно-техническое сотрудничество России и Индии // Деловой совет по сотрудничеству с Индией. 12.01.2016. URL: <https://russiaindiabusines.com/ru/voenno-tekhnicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-i-indii/> (дата обращения: 17.04.2024).

²⁹ Индия хочет закупить новую версию ракетного комплекса «БраМос» // Известия. 02.10.2010. URL: <https://iz.ru/news/465756> (дата обращения: 03.04.2024).

³⁰ С. Раха: инвестиции в Сахалин-1 — это только начало // Neftegaz.ru. 28.11.2005. URL: <https://neftegaz.ru/news/gas/297030-s-rakha-investitsii-v-sakhalin-1-eto-tolko-nachalo/> (дата обращения: 04.04.2024).

³¹ Меморандум о намерениях между Федеральным агентством по атомной энергии, Российской Федерация, и Департаментом по атомной энергии Правительства Республики Индии, о развитии сотрудничества по строительству дополнительных энергоблоков на атомной электростанции на площадке Куданкулам, а также строительству атомных электростанций по российским проектам на новых площадках в Республике Индии от 25 января 2007 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902029774> (дата обращения: 22.05.2024).

³² Крупнейшая нефтяная компания Индии решила купить второй актив в России // Коммерсант. 15.07.2008. URL: <https://lenta.ru/news/2008/07/15/imperial/> (дата обращения: 23.05.2024).

³³ Автозавод «АМУр» приступил к сборке грузовиков индийской компании TATA // Autonews. 07.04.2004. URL: <https://www.autonews.ru/news/5825a1b29a79474743123c3b?from=copy> (дата обращения: 27.05.2024).

в России, например *Aurobindo Pharma*, которая наладила производство фармацевтической продукции в Москве³⁴.

Также следует отметить, что в первое десятилетие XXI в. Индия показала себя привлекательной страной — донором студентов для России и других крупных игроков на международном образовательном рынке, которые вкладывали значительные средства в расширение научного сотрудничества, используя многочисленные стипендиальные программы для привлечения индийских студентов. Усиление роли государства — как России, так и Индии — в сфере международного образовательного партнерства способствовало возрождению и развитию благоприятной среды для российско-индийской научной кооперации за счет создания межгосударственной площадки для диалога по субсидированию образовательных обменов между российскими и индийскими вузами, привлечения крупных промышленных партнеров, взаимного признания дипломов и степеней. По мнению П.Г. Альтбаха и П. Джалоте, «для ведения масштабных научных и технологических изысканий у Индии есть несколько важных преимуществ, поскольку она становится академической державой. Широкое использование английского языка означает, что Индия немедленно становится частью глобальной научной коммуникации. Она также имеет значительный корпус кадров опытных ученых и исследователей — как внутри страны, так и в составе диаспоры. Создание продуктивной академической среды для самых талантливых ученых требует тщательного внимания, хорошей организации и адекватного финансирования»³⁵. Эти преимущества послужили основой для взаимодействия с российской наукой в рамках реализации совместных исследовательских проектов.

³⁴ Индийские фармкомпании стремятся стать в России отечественными производителями // Известия. 18.09.2011. URL: <https://iz.ru/news/500937> (дата обращения: 01.06.2024).

³⁵ Altbach P. G., Jalote P. When Will India Build World-Class Research Universities? // University World News. September 26, 2020. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200921112203767> (accessed: 17.04.2024). См. также: (Устюжанцева, 2016; Matthieu, 2010).

Таким образом, в первое десятилетие научно-техническое сотрудничество России и Индии получило импульс дальнейшего развития. Впоследствии в связи с приходом к власти в Индии новой партии — Бхаратия джаната парти и нового премьер-министра Нарендры Моди в отношениях произошел ряд изменений. Индия инициировала возрождение собственного промышленного сектора под лозунгом «Делай в Индии», что стало важным шагом в направлении замещения импорта и поддержки национального производства. Индию интересовали не только готовые материалы, но и, прежде всего, зарубежные технологии. Увеличились расходы на военный и энергетический секторы.

В свою очередь Россия при президенте В.В. Путине в процессе суверенизации всех отраслей экономики, науки и техники стала одним из важнейших партнеров для Индии, продолжая исторические традиции сотрудничества двух стран, что особенно ярко проявилось в условиях кризисов и обострения международной обстановки (Коновалова, 2015; Mohanty, 2017, pp. 362–363). Встречи лидеров двух стран регулярно проходят на полях многосторонних форумов, где стороны признают важность ускорения создания и реализации совместных проектов России и Индии по ряду приоритетных направлений, в том числе в металлургии, автомобилестроении и фармацевтике (Mohanty, 2017, p. 361; Акарашов, 2018).

По мнению индийского историка Аруна Моханти, «Индия и Россия, пожалуй, единственные главные державы в мире, которые черпают уверенность в растущей силе друг друга. Эти отношения между двумя странами примечательны своей преемственностью и динамикой, последовательностью, стабильностью, они избежали резкого ухудшения, возможного при политических кризисах в обеих странах. В развивающемся мире, который становится все более многополярным и где G-2, состоящая из США и Китая, планирует лидировать, Индия и Россия не могут позволить себе понизить уровень своего партнерства... В широких интересах Индии проявлять чуткость к российским проблемам» (Mohanty, 2017, pp. 362–363).

Заключение

В первом десятилетии XXI в. наблюдалось расширение сотрудничества между двумя державами в различных секторах, на равных условиях и с положительным эффектом. Актуальность научно-технического сотрудничества России и Индии не снижается ввиду новых вызовов современности: необходимости защищать суверенитет и независимость государств, обеспечивать свою конкурентоспособность на мировом рынке научных открытий, высоких технологий и практикоориентированных технологичных услуг. Партнерство Москвы и Дели ориентируется на новейшие, прорывные ноу-хау в сферах естественных, прикладных и гуманитарных наук, в том числе — нано- и биотехнологий, исследования космоса и океана, в части обучения кадров, а также эксплуатации, сборки

и ремонта техники. Обе страны много внимания уделяют инновационным подходам к решению проблем в научно-технической сфере, расширяют правовую базу для инвестиций в науку, проводят совместные научно-исследовательские изыскания. Расширение спектра направлений научно-технического сотрудничества особо привилегированных стратегических партнеров строится на принципах взаимного уважения национальных интересов сторон, международного права, признания полицентричности современного мира, при сохранении открытости и привлекательности культур обеих стран. Консолидация двух стран не только укрепляет экономическое положение России и Индии, но и повышает их авторитет на международной арене.

Поступила в редакцию / Received: 21.06.2024
Доработана после рецензирования / Revised: 10.10.2024
Принята к публикации / Accepted: 15.10.2024

Библиографический список

- Акарашов И. С. Россия — Индия: новые горизонты стратегического альянса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18, № 1. С. 148–161. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-1-148-161>; EDN: YVXKMA
- Библер В. С. От наукоучения — к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. Москва : Политиздат, 1991. EDN: TMAILB
- Воробьева М. А. Ведущие индийские бизнес-группы // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 3 (48). С. 265–272. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-3-48-265-272>; EDN: WEZRUL
- Загородникова Т. Н., Кашин В. П., Шаумян Т. Л. Образ России в общественном сознании Индии: прошлое и настоящее. Москва : Институт востоковедения РАН, 2011. EDN: OPMCRQ
- Коновалова Ю. А. Российско-индийское торгово-экономическое сотрудничество на современном этапе // Интернет-журнал Науковедение. 2015. Т. 7, № 2. С. 1–12. <http://dx.doi.org/10.15862/157EVN215>; EDN: UHMJRT
- Кузык Б. Н., Шаумян Т. Л. Индия — Россия: стратегия партнерства в XXI веке. Москва : Институт экономических стратегий, 2009. EDN: SUPYON
- Куценков А. А. Российско-индийские отношения // Индия сегодня / под ред. Т. Л. Шаумян. Москва : Институт востоковедения РАН, 2005. С. 412–420. EDN: QKFKLR
- Лебедева Н. Б. Индийский океан: вызовы XXI века и Индия. Москва : Институт востоковедения РАН, 2018. EDN: YURHRR
- Лунёв С. И. Россия и Индия // Страны Востока во внешней политике России / под ред. Д. В. Стрельцова, К. А. Ефремовой. Москва : Аспект Пресс, 2023. С. 138–174. EDN: ABGYKB
- Лунёв С. И. Советско-индийские отношения (1955–1971 гг.): рождение дружбы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 2(53). С. 24–51. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-2-53-24-51>; EDN: YZHWUL
- Маляров О. В. Независимая Индия: эволюция социально-экономической модели и развитие экономики : в 2 кн. Кн. 1. Москва : Восточная литература, 2010. EDN: QUQBJR
- Печищева Л. А. Россия — Индия: новый «атомный союз» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 151–156. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2018-4-151-156>; EDN: YMJSJV

- Титаренко М. Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. Москва : Форум, 2012. EDN: QPVUBV
- Умгаев С. А. Ланцынов И. В., Басангов С. В. Россия и Индия: развитие торгово-экономического сотрудничества // Научная мысль Кавказа. 2019. № 4 (100). С. 52–54. EDN: AWCONF
- Устюжанцева О. В. Образовательное сотрудничество в российско-индийских отношениях // Сибирские исторические исследования. 2016. № 3. С. 43–64. <https://doi.org/10.17223/2312461X/13/3>; EDN: WWYWJZ
- Шавлай Э. П. Инновационная политика Индии: современное состояние и особенности индийской модели // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2020. Т. 11, № 4. С. 370–383. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2020.11.4.370-383>; EDN: RKNXGI
- Шубкина Н. П. Российско-индийский диалог по формированию мира и защиты космического пространства // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 10. С. 177–181. EDN: LDHPJJ
- Юрлов Ф. Н. Россия и Индия в меняющемся глобальном мире // Гуманитарные исследования Центральной России. 2019. № 1(10). С. 36–45. EDN: NIKJFB
- Юрлов Ф. Н., Юрлова Е. С. История Индии. XX век. Москва : Институт востоковедения РАН, 2010. EDN: QPSGWR
- Diesen G. The Geoeconomics of Russia's Greater Eurasia Initiative // Asian Politics & Policy. 2019. Vol. 11, no. 4. P. 566–585. <https://doi.org/10.1111/aspp.12497>
- Ericson R. E. The Russian Economy: From Lenin to Putin // Comparative Economic Studies. 2008. Vol. 50. P. 713–716. <https://doi.org/10.1057/ces.2007.37>
- Lewis D. G. Geopolitical Imaginaries in Russian Foreign Policy: The Evolution of “Greater Eurasia” // Europe — Asia Studies. 2018. Vol. 70, no. 10. P. 1612–1637. <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1515348>
- Matthieu C. Assessing Russia's Space Cooperation with China and India — Opportunities and Challenges for Europe // Acta Astronautica. 2010. Vol. 66, iss. 3–4. P. 355–361. <https://doi.org/10.1016/j.actaastro.2009.07.026>
- Mohanty A. Indo-Russian Relations under UPA Rule // Eurasian States. Socio-Economic and Political Processes / ed. by A. Mohanty, A. Patnaik. New Delhi : KW Publishers Pvt Ltd., 2017. P. 353–363.
- Raijan M. Tata: The Global Corporation that Built Indian Capitalism. Cambridge : Harvard University Press, 2021. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1p6hq95>
- Valiani A. A. Militant Publics in India: Physical Culture and Violence in the Making of a Modern Polity. New York : Palgrave Macmillan, 2011. <https://doi.org/10.1057/9780230370630>

Сведения об авторах:

Курылев Константин Петрович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 3131-8642; ORCID: 0000-0003-3075-915X; e-mail: kurylev-kp@rudn.ru

Черешнева Лариса Александровна — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института истории, права и общественных наук, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского; ведущий научный сотрудник кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 6101-7447; ORCID: 0000-0002-1491-4968; e-mail: chara.62@mail.ru

Старикова Мария Николаевна — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; старший преподаватель кафедры индоиранских и африканских языков, МГИМО МИД России; eLibrary SPIN-код: 7438-0960; ORCID: 0000-0002-2704-2425; e-mail: m.starikova@inno.mgimo.ru

Белоусова Людмила Андреевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории, права и социальных наук, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского; стажер-исследователь кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 3904-1498; ORCID: 0000-0002-8031-0193; e-mail: klioljuda@gmail.com

РЕЦЕНЗИИ BOOK REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-4-655-658

EDN: MOSENF

**Рецензия на книгу:
Межевич Н. М., Шимов В. В. Беларусь:
трансформация и модернизация. Итоги постсоветского развития.
Москва : Институт Европы РАН, 2024. 124 с.**

Н.Г. Смолик

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 smolik-ng@rudn.ru

Для цитирования: *Смолик Н. Г.* Рецензия на книгу: Межевич Н. М., Шимов В. В. Беларусь: трансформация и модернизация. Итоги постсоветского развития. Москва : Институт Европы РАН, 2024. 124 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 4. С. 655–658. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-655-658>

**Book Review:
Mezhevich, N. M., & Shimov, V. V. (2024). Belarus: Transformation
and Modernization. Post-Soviet Development Results.
Moscow: Institut Evropy RAN publ., 124 p. (In Russian)**

Nadezhda G. Smolik

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 smolik-ng@rudn.ru

For citation: Smolik, N. G. (2024). Book review: Mezhevich, N. M., & Shimov, V. V. (2024). Belarus: Transformation and Modernization. Post-Soviet Development Results. Moscow: Institut Evropy RAN publ., 124 p. (In Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(4), 655–658. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-655-658>

Монография посвящена белорусскому бывших союзных республик, несмотря на опыту постсоветской политической и экономический трансформации. Суверенное развитие общие предпосылки и геополитические условия, происходило по разным сценариям.

© Смолик Н.Г., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Анализ практики национального строительства в странах постсоветского пространства и постсоциалистической Восточной Европы, его специфики и результатов позволяет прогнозировать степень устойчивости выбранной ими трансформационной модели и векторы их общественно-политического и экономического развития в условиях широкого спектра внутренних, макрорегиональных и глобальных вызовов. В этой связи рецензируемый труд представляет особую научную значимость.

Монография состоит из шести тематических глав, каждая из которых охватывает отдельный аспект независимого развития Республики Беларусь после распада СССР. Акцент в работе делается не только на социально-политическом и экономическом измерении постсоветской трансформации Минска, но и на роли языкового фактора и процессе формирования национальной субъектности Беларуси, что является преимуществом данного труда. Такая структура монографии отражает комплексный подход исследователей к рассматриваемой проблематике и позволяет сформировать общее представление об особенностях белорусского сценария.

Первая глава посвящена проектам государственного строительства на постсоветском пространстве. Авторы подчеркивают, что в странах западного пояса (к ним в работе относятся Эстония, Латвия, Литва, Беларусь, Украина и Молдавия) формировались схожие повестки национального возрождения, которые постулировали борьбу с русским культурным и языковым влиянием, разворот в сторону Запада и радикальные реформы в сфере экономики (Межевич, Шимов, 2024).

Однако политизация экономической составляющей постсоветских преобразований затронула Минск в меньшей степени: Беларусь не встала на путь демонтажа индустриального наследия СССР, а сделала его основой своего народно-хозяйственного комплекса. По мнению исследователей, модель, предполагающая интеграцию в европейские структуры, показала эффективность в случае ряда государств Восточной Европы (например,

Польши и Чехии), поскольку в досоциалистический период развития они имели тесные связи с западными экономиками. Беларусь как бывшая советская республика, напротив, в значительной мере зависела от России и ее ресурсного потенциала, необходимого для развития белорусской промышленности, что в сочетании с низкой общественной поддержкой делало издержки переориентации на евроатлантические структуры слишком значительными.

Во второй главе рассматривается эволюция институтов власти в Республике Беларусь. Авторы указывают, что отличительными чертами белорусской политической системы являются, в первую очередь, установление характерного также для Азербайджана и стран Центральной Азии персоналистского режима, а также слабая развитость партийной системы (Межевич, Шимов, 2024). К достоинствам монографии следует отнести предложенную исследователями периодизацию развития политической модели Беларуси (Межевич, Шимов, 2024, с. 37–38). Немаловажно, что в данной главе освещаются кризисные явления в политической системе Республики. В частности, авторы затрагивают проблему организации управляемого транзита власти и сохранения преемственности курса А.Г. Лукашенко, достаточно подробно останавливаясь на последовательной подготовке белорусского руководства к конституционной реформе, которая обеспечит переход к институциональной политической системе.

Третья глава содержит анализ экономического среза трансформации. Специфика экономической модели Беларуси заключается в сочетании либеральных реформ и сильной роли государства, что позволяет исследователям характеризовать ее как социально-рыночную экономику. К вопросу о роли России в экономике Республики авторы подходят следующим образом.

Во-первых, отмечается, что синхронизация экономических процессов двух стран позволяет говорить о формировании модели взаимодействия Москвы и Минска, при которой возможности и уровень экономического

развития одного государства определяет уровень развития другого.

Во-вторых, по мнению исследователей, текущая модель развития экономики Беларуси может поддерживаться только при условии тесного сотрудничества с Россией. Тем не менее, несмотря на сохраняющуюся проблему повышения конкурентоспособности белорусской экономики, нынешняя экономическая модель представляется устойчивой и способной гарантировать положительную динамику в долгосрочной перспективе (Межевич, Шимов, 2024).

В отдельной главе исследуется особое геополитическое и культурное положение Республики Беларусь, ввиду которого формирование белорусской идентичности происходило в условиях противостояния альтернативных проектов национального строительства — западнорусизма, идеи большой польской нации и белорусского национализма. Авторы подчеркивают, что первым опытом государственности для Беларуси стало провозглашение Белорусской ССР. Образование Советского Союза и создание единого народнохозяйственного комплекса запустили стремительные процессы ассимиляции, нашедшие отражение и в языковом вопросе. Исследователи отмечают, что к концу советского периода белорусская нация официально считалась обособленной в культурном и языковом отношении общностью, но фактически это не соотносилось с реальностью (Межевич, Шимов, 2024).

Авторы делают вывод, что именно это противоречие в значительной степени задало тон политической жизни Республики и определило ее ориентацию на Россию. Свою роль также сыграла положительная оценка советского периода развития как первой формы национальной государственности, что сильно разнилось с видением этого вопроса в странах Прибалтики и на Украине. В целом, заключают авторы, в настоящее время Беларусь является скорее гражданской, нежели герметичной этнической нацией, однако белорусский язык остается важнейшим признаком субъектности государства.

В пятой главе авторы фокусируются на основных направлениях внешней политики Беларуси. Курс на развитие многовекторности был свойствен большинству бывших союзных республик. Между тем проводимая в Минском политика многовекторности имеет свои отличительные черты: как указывают исследователи, Беларусь — единственная страна западного пояса, чей режим находится в состоянии продолжительного конфликта с державами Запада. На современном этапе внешняя политика Беларуси опирается на союз с Москвой и развитие отношений со странами так называемой «дальней дуги», или незападными государствами. В данном разделе авторы также акцентируют внимание на геополитических устремлениях региональных акторов — в частности Польши — в отношении Республики Беларусь. Такой подход позволяет анализировать внешнюю политику Минска не изолированно, а в контексте совокупности взаимоотношений субъектов системы международных отношений и ее региональной подсистемы.

В завершающей главе монографии рассматривается наиболее амбициозный и развитый интеграционный формат на постсоветском пространстве — Союзное государство, подразумевающий де-факто образование конфедерации. На сегодняшний день Россия и Беларусь еще не преодолели взаимные разногласия, препятствующие переходу на следующую ступень интеграции. Даже с учетом того, что внутренние и внешние вызовы безопасности 2020–2022 гг. актуализировали формирование единого политико-экономического пространства, реализация такого масштабного проекта невозможна без выработки правовой основы, которая сможет гарантировать равенство Минска и Москвы.

Представленная работа, несомненно, обладает большим внутренним потенциалом для дальнейшего научного поиска и более детальной проработки обозначенных в рецензируемой монографии вопросов. Настоящий труд подготовлен на высоком научно-исследовательском уровне, обобщает существенный пласт научных материалов

и представляет особую ценность для исследователей и студентов социогуманитарных профилей. Доступность изложения также позволяет рекомендовать рецензируемую

монографию к изучению в том числе и простому читателю, желающему расширить понимание происходящих на постсоветском пространстве процессов.

Поступила в редакцию / Received: 23.08.2024

Принята к публикации / Accepted: 15.10.2024

Библиографический список

Межевич Н. М., Шимов В. В. Беларусь: трансформация и модернизация. Итоги постсоветского развития. Москва : Институт Европы РАН, 2024.

References

Mezhevich, N. M., & Shimov, V. V. (2024). *Belarus: Transformation and modernization. Post-Soviet development results*. Moscow: Institut Evropy RAN publ. (In Russian).

Сведения об авторе:

Смолик Надежда Григорьевна – старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 7559-1764; ORCID: 0000-0001-9166-2138; e-mail: smolik-ng@rudn.ru

About the author:

Smolik Nadezhda Grigorievna — Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; eLibrary SPIN-code: 7559-1764; ORCID: 0000-0001-9166-2138; e-mail: smolik-ng@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-4-659-662

EDN: MSFKAC

Рецензия на книгу:
Beyond the Great War: Making Peace in a Disordered World /
ed. by N. Ingram, C. Bouchard. Toronto : University of Toronto Press,
2022. 239 p.

И.К. Богомолов

Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Российская Федерация

 bogomolov@inion.ru

Для цитирования: *Богомолов И. К.* Рецензия на книгу: *Beyond the Great War: Making Peace in a Disordered World / ed. by N. Ingram, C. Bouchard. Toronto : University of Toronto Press, 2022. 239 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 4. С. 659–662. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-659-662>*

Book Review:
Ingram, N., & Bouchard, C. (Eds.). (2022). Beyond the Great War: Making
Peace in a Disordered World. Toronto: University of Toronto Press, 239 p.

Igor K. Bogomolov

Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

 bogomolov@inion.ru

For citation: Bogomolov, I. K. (2024). Book review: Ingram, N., & Bouchard, C. (Eds.). (2022). *Beyond the Great War: Making Peace in a Disordered World*. Toronto: University of Toronto Press, 239 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(4), 659–662. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-659-662>

Рецензируемая коллективная монография — результат семинара «1919 год: мировой порядок», состоявшегося в октябре 2018 г. в Университете Конкордия и Университете Монреаля, где историки из Великобритании, Франции, Канады и США представили доклады, посвященные различным способам и проблемам разрешения многочисленных конфликтов, оставшихся в «наследство» после Первой мировой войны. Лишь спустя четыре года авторы сумели воплотить свои дискуссии

в новой книге, издав ее уже в новую эпоху мировой истории.

В первой, вводной главе Н. Инграм и К. Бушар отметили непреходящую историографическую и политическую важность темы устройства миропорядка после 1918 г., тесно увязывая проблемы его создания с современными кризисами в международных отношениях. Пройдя почти четверть пути в XXI в., мы «все еще пытаемся сохранить хрупкий мировой порядок, который является результатом

© Богомолов И.К., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

того, как закончилась Вторая [мировая] война» (Ingram & Bouchard, 2022, p. 4). Авторы не стремились написать «еще одну историю „высокой политики“». Эта книга в первую очередь о «глубинных течениях, охвативших западное общество» в первые годы после окончания Великой войны (Ingram & Bouchard, 2022, p. 14).

В течение долгого времени исторический консенсус заключался в том, что договоры, положившие конец Первой мировой войне, содержали в себе много недостатков и в итоге привели к новой мировой схватке. Этот взгляд постепенно был вытеснен «ревизионистской» точкой зрения, согласно которой в Версальском договоре было и много хорошего. Доминирующий сегодня взгляд подчеркивает «чрезвычайную трудность создания стабильного международного порядка» после столь кровопролитной войны. Поэтому «система, созданная в 1919 г., какой бы неуклюжей она ни была, стала... инновационной во взаимоотношениях между интернационализмом и национализмом, в вопросах суверенитета, прав меньшинств и гражданского участия посредством плебисцитов» (Ingram & Bouchard, 2022, p. 5). Версальский договор и последовавшие за ним мирные соглашения авторы рассматривают как переход между двумя системами: первой, существовавшей до 1914 г. и основанной на силе и доминировании великих держав, и послевоенной, стремившейся создать международное сообщество и исключить насилие как способ урегулирования разногласий между государствами. Иными словами, беспорядок, последовавший за 1918 г., был во многих отношениях зарождающимся порядком.

В коллективной монографии представлены 10 глав, освещающих различные проблемы послевоенной Европы. В главе «Великая война и политические условия интернационализма» Питер Джексон и Уильям Маллиган утверждают, что, как это ни парадоксально, «чем продолжительнее и разрушительнее война, тем больше аппетит к интернационалистским проектам мирного сотрудничества» (Ingram & Bouchard, 2022, p. 9). С этой точки зрения Версальский договор был, безусловно, положительным фактором для международных

отношений, так как даже последующие проблемы и скатывание мира к новой мировой войне не отменили заложенных в 1919 г. интернационалистских устремлений государственных элит и широких слоев населения стран, прошедших через тяжелые военные испытания. Это своего рода горький опыт, через который Европа и мир прошли дважды в первой половине XX в.

Эндрю Баррос проанализировал деятельность Фонда Карнеги за международный мир (*Carnegie Endowment for International Peace*, CEIP) в 1910–1920-е гг. Усилия CEIP после 1919 г. по построению либерального интернационалистского порядка и укреплению таких организаций, как Лига Наций, были значительными. Однако этому помешала неспособность Вудро Вильсона обеспечить участие Соединенных Штатов в Лиге и всем послевоенном миропорядке, для установления которого президент США так много сделал на переговорах в Париже. Дипломатический выход американского правительства из европейских процессов создал «вакуум, который CEIP, движимый желанием повлиять на перемены и потребностью других держав найти эффективного американского собеседника, попытался заполнить» (Ingram & Bouchard, 2022, p. 59). Как заключает автор, стратегия, которой придерживался CEIP, оказалась устойчивой и последовательной, что позволило ей не меняться в годы Первой мировой войны и после нее.

Тэлбот Имлай в своей главе анализирует усилия европейских социалистов по воссозданию довоенного интернационала и возрождению сотрудничества между социалистическими партиями. По мысли автора, окончание войны привело к появлению «множества социалистических интернационализмов», не только его большевистского варианта. В главе подробно рассматривается международная социалистическая конференция в Берне в феврале 1919 г., различные версии межвоенного социалистического интернационализма, которые Т. Имлай призывает рассматривать как самостоятельный политический феномен.

Норман Ингрэм в главе «Историческое несогласие и оспариваемый мир 1919 года во

Франции» утверждает, что «французскому политическому обществу было так же трудно смириться с победой в Версале, как побежденным нациям — с поражением» (Ingram & Bouchard, 2022, p. 93). Дебаты о происхождении войны и вине за ее развязывание породили во французском обществе глубокое историческое несогласие, которое привело в конце 1920-х гг. к появлению новой разновидности французского пацифизма. Автор называет это «пацифизмом в стиле модерн... который был абсолютным и сектантским в своих отношениях с французским политическим обществом» (Ingram & Bouchard, 2022, p. 96). В отличие от своего более «гармоничного» британского собрата французский пацифизм был глубоко расколот дебатами по вопросу о вине Германии и способах искупления этой вины. Побочным эффектом французского пацифизма Н. Ингрэм считает популярность провишистской политической позиции в 1940 г. Движущей силой этих настроений была абсолютная приверженность миру, оказавшаяся родственной коллаборационизму и «приспособленчеству». Кроме того, недоверие и неприязнь к России являлись, по мысли автора, одним из основополагающих элементов, объясняющих «дрейф» некоторых французских пацифистов в сторону поддержки режима Виши во время Второй мировой войны.

Себастьян Дедерляйн рассматривает процесс реинтеграции Эльзас-Лотарингии во французскую политику в 1919 г. Окончание войны в этом регионе — «явно французская история, рассказанная с точки зрения победителя и одобренная союзниками в Версале» (Ingram & Bouchard, 2022, p. 123). В результате местные жители воспринимались как однородная группа, проявлявшая одинаковые чувства от возвращения в состав Франции. Население действительно выражало свою радость по поводу окончания войны и трудностей военной оккупации. Однако в отличие от того, что предполагала межвоенная французская историография, эти моменты не следует понимать как безраздельный коллективный опыт. Нараставшие экономические проблемы после войны, а также высылки немцев часто вызывали недовольство местного населения.

Бруно Кабанес поднимает проблему выплаты пособий раненым и инвалидам-ветеранам во Франции. Автор подчеркивает, что инициатива по закреплению права на возмещение ущерба, полученного на фронте, исходила не от государства (несмотря на его роль в разработке соответствующего раздела в Версальском договоре), а скорее от гражданского общества. Инвалиды войны и вдовы погибших на фронте требовали «не помощи от государства, а, напротив, признания их права на возмещение ущерба как функции общественного договора гражданского общества» (Ingram & Bouchard, 2022, p. 11). Несмотря на многочисленные сложности и недовольство ветеранов, в целом государственную помощь в 1920-е гг. удалось наладить. Как пишет Б. Кабанес, это стало своего рода «гуманитарной дипломатией», показывавшей пример того, как государства должны возвращать миллионы фронтовиков к мирной жизни, реинтегрировать их в общество (Ingram & Bouchard, 2022, p. 12).

В центре внимания Карла Бушара — отношение французского общества к Вудро Вильсону и его программе послевоенного мироустройства. Автор исследовал главным образом письма, отправленные президенту США из Франции в ноябре 1918 — июне 1919 г. В частности, приводятся выдержки из анонимных писем Фернана Пила, директора департамента экономики и торговли Министерства иностранных дел Франции и убежденного приверженца идей В. Вильсона. «Вильсонянцы», то есть те, кто до конца придерживался обещаний американского лидера, искренне верили, что играют определенную роль в формировании нового мира. Отсюда — столь сильное и живо отразившееся в письмах В. Вильсону разочарование его последователей результатами Парижской мирной конференции. С точки зрения многих современников, «несмотря на создание Лиги Наций, порядок 1919 г. был, по сути, тем же самым, который привел к глобальному беспорядку в 1914–1918 гг.» (Ingram & Bouchard, 2022, p. 12).

Мари-Ив Шаньон анализирует усилия по примирению ученых из вчерашних вражеских государств, предпринятые американским химиком Уильямом Нойесом. Автор приводит

выдержки из его трудов и переписки с коллегами в Европе и США о необходимости восстановления научного диалога и принятия в научные сообщества ученых из всех стран. В то время как его идеи были относительно прохладно приняты в Европе, «лучше обстояло дело в странах, где удаленность от происходящего... давала бóльшую свободу в принятии решений и где опыт войны был менее мучительным» (Ingram & Bouchard, 2022, p. 168). При этом американские коллеги также с явной неохотой поддерживали инициативы У. Нойеса, поскольку их видение больше соответствовало политике их правительства, которое отказалось брать на себя обязательства по политическому урегулированию в Европе. В целом результаты усилий У. Нойеса оказались достаточно скромными: «травматический опыт войны» разрушил иллюзии о способности большей части ученых остаться выше межгосударственных конфликтов и следовать идеалам науки.

Мари-Мишель Дусе рассматривает влияние Версальского договора на достижение гендерного и расового равенства. Великая война и мирная конференция открыли возможность для более широкого участия женщин в политической сфере. В той или иной форме они получили право голоса в США, Великобритании, Канаде, Германии, России и других странах. Однако во Франции этого не произошло, несмотря на активную роль французских женщин как в советах международного феминизма, так и в движении за мир и в политике в целом. Некоторых привлекали идеи пацифизма и интернационализма, в то время

как для других призыв к мести немцам оказался слишком сильным. В этом смысле ярким и информативным дополнением выглядит заключительная глава Моны Сигель о Мэри Черч Террелл, борющейся за гендерное и расовое равенство в США. Окончание Первой мировой войны она рассматривала как возможность для продвижения своих идей и надеялась получить поддержку в Париже во время мирной конференции. Однако Международной женской лиге за мир и свободу (*Women's International League for Peace and Freedom*, WILPF) не разрешили провести свой конгресс 1919 г. в Париже, позже он состоялся в Цюрихе. Тем не менее прогрессивные позиции WILPF повлияли на дальнейшую борьбу за гендерное и расовое равенство во всем мире.

Авторам рецензируемой монографии удалось показать, с одной стороны, развитие международного сотрудничества после Версальского мира, с другой — настроения европейских обществ, разных слоев населения и отдельных людей в первые годы после Великой войны. Возвращение людей к мирной жизни и попытки примирения между вчерашними врагами показаны в контексте процессов послевоенного мироустройства, воссоздания отношений между странами и народами после кровопролитного конфликта.

Однако, как и во многих других исследованиях подобного рода, здесь не хватило исследований Восточной Европы и России — важнейшей части мировой войны 1914–1918 гг. Несмотря на это, вопросы и проблемы, поднятые в рецензируемой монографии, весьма актуальны для современного мира.

Поступила в редакцию / Received: 04.04.2024

Принята к публикации / Accepted: 15.10.2024

Библиографический список / References

Ingram, N., & Bouchard, C. (Eds.). (2022). *Beyond the Great War: Making peace in a disordered world*. Toronto: University of Toronto Press.

Сведения об авторе:

Богомоллов Игорь Константинович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН; eLibrary SPIN-код: 6445-1329; ORCID: 0000-0001-8381-0284; e-mail: bogomolov@inion.ru

About the author:

Bogomolov Igor Konstantinovich – PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences; eLibrary SPIN-code: 6445-1329; ORCID: 0000-0001-8381-0284; e-mail: bogomolov@inion.ru